

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.А. Ильиных

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
СТАТИСТИКА В СИБИРИ
(1920–1930-е гг.)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А.А. Николаев*

НОВОСИБИРСК
2022

УДК 94:338.43(571.1/.5)"192/193"

ББК 63.2(253)61-2

И46

DOI 10.53954/9785604782453

Рецензенты

доктор исторических наук *В.В. Кондрашин*

кандидат исторических наук *С.Г. Петров*

доктор исторических наук *В.М. Рынков*

Ильиных В.А.

И46 Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.) / В.А. Ильиных; отв. ред. А.А. Николаев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – 202 с.

ISBN 978-5-6047824-5-3

В монографии представлена реконструкция системы статистического мониторинга сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг. В качестве объектов непосредственного анализа избрана массовая статистика посевных площадей, валового сбора и урожайности зерновых культур, поголовья основных видов скота, которые являются интегральными показателями развития аграрного производства региона. Дана оценка репрезентативности, сопоставимости и достоверности советской сельскохозяйственной статистики в исследуемый период. На основе выявленных массовых источников осуществляется построение динамических рядов развития сельского хозяйства.

Книга рассчитана на историков, экономистов, статистиков и всех интересующихся историей Сибири.

УДК 94:338.43(571.1/.5)"192/193"

ББК 63.2(253)61-2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории СО РАН*

ISBN 978-5-6047824-5-3

© Сибирское отделение РАН, 2022

© Ильиных В.А., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для оценки результативности аграрных преобразований. К числу наиболее значимых проблем современной отечественной историографии относятся социально-экономические последствия осуществления новой экономической политики и коллективизации. Определение тенденций развития сельского хозяйства в целом невозможно без анализа динамики его отраслей и организационно-производственной структуры. Важную роль играет региональный аспект темы. В 1920–1930-е гг. Сибирь была одним из ведущих аграрных районов страны. В регионе ярко проявлялись особенности и противоречия функционирования как мелкотоварного крестьянского хозяйства в условиях нэпа, так и колхозной системы.

В исследуемый период базовой отраслью аграрной экономики Сибири и России в целом оставалось земледельческое хозяйство, основной специализацией которого являлось выращивание зерновых культур (хлебов). Преобладающей зерновой культурой в регионе была яровая пшеница. Важное место в посевах зерновых занимал овес, используемый преимущественно как фураж для рабочего скота. Существенно меньшая доля на сибирской пашне принадлежала ржи (озимой и яровой). Второстепенный характер в зерновом хозяйстве имело выращивание ярового ячменя, гречихи, проса. В регионе также культивировались технические культуры (главным образом лен, конопля, подсолнечник, с конца 1920-х гг. – сахарная свекла), картофель, овощи и кормовые культуры¹.

Вторая по значимости отрасль сельского хозяйства региона – животноводство. Производственную основу продуктивного стада составлял крупный рогатый скот (КРС). Важное значение имело

¹ О структуре посевных площадей Сибири в 1920–1930-е гг. см.: *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX веке: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 217–232.

овцеводство и свиноводство. Лошади в основном использовались как тягловая сила.

Организационно-производственной основой аграрной экономики в 1920-е гг. оставалось крестьянское хозяйство. Удельный вес иных форм хозяйствования (колхозов и совхозов) в валовом производстве сельхозпродукции был минимальным. В 1930-е гг. произошла радикальная трансформация аграрного строя. Его организационно-производственной основой стали колхозы. Совхозы играли второстепенную роль в сельхозпроизводстве. Помимо крупных специализированных совхозов в государственный сектор аграрной экономики входило большое количество госхозов, которые представляли собой подсобные сельхозпредприятия отделов рабочего снабжения (ОРСов) ведомств и крупных предприятий. Неотъемлемой составляющей новой модели аграрного строя были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) населения, которые вели колхозники, а также часть рабочих и служащих, проживающих как в сельской, так и в городской местности.

В качестве информационной основы для определения тенденций развития сельскохозяйственного производства и его организационно-производственной структуры традиционно применяются динамические ряды. Базовым источником для построения рядов динамики служат статистические материалы, которые основываются на результатах обработки массовых источников, полученных в ходе статистического мониторинга. Обязательное требование к данным, используемым при выявлении основных тенденций развития аграрной экономики, – их достоверность. Однако проблема достоверности советской статистики, с которой с конца 1980-х гг. ассоциируется определение «лукавые цифры», имеет дискуссионный характер. Доказать или опровергнуть «лукавость» статданных можно на основе анализа особенностей функционирования системы сельскохозяйственной статистики.

Объектом исследования в настоящей монографии выступает сельское хозяйство Сибири, как неотъемлемая составная часть аграрного комплекса страны. Предметом анализа являются организация и результаты статистического мониторинга главных отраслей сельского хозяйства – растениеводства и животноводства. В рамках растениеводства первоочередное внимание уделяется зерновому хозяйству. Факторный анализ развития сельского хозяйства и его отдельных отраслей в предметную область исследования не входит.

К числу интегральных показателей развития растениеводства относятся посевные площади, зернового хозяйства – площадь по-

сева, урожай (валовой сбор) и урожайность (сбор с единицы площади пашни), животноводства – поголовье основных видов сельскохозяйственных животных (лошадей, КРС, в том числе коров, свиней, овец и коз²). Площадь посева, валовой сбор и численность скота дают возможность репрезентативно определить не только динамику сельскохозяйственного производства, но и его организационно-производственную структуру. Урожайность позволяет оценить качественную сторону развития зернового хозяйства.

Цель работы включает решение двух взаимосвязанных задач:

1) реконструкция функционирования системы статистического мониторинга посевных площадей, валового сбора и урожайности зерновых культур, поголовья основных видов скота;

2) построение динамических рядов развития сельскохозяйственного производства.

В рамках каждой из сформулированных задач содержатся понятия, которые требуют расширенной дефиниции. В специальной литературе, в том числе исследуемого периода, архивных документах и работах историков применяется ряд терминов, определяющих разные стадии и методы исчисления урожая и урожайности зерновых культур: «видовой урожай», «урожай на корню», «биологический урожай», «амбарный урожай» и др. При этом некоторые из них используются как синонимические. Со временем их содержание может изменяться. Так, в начале 1960-х гг. понятия «амбарный» и «первоначально оприходованный» содержательно совпадали. Однако на современном этапе в первоначально оприходованном весе измеряется полученное в процессе комбайновой уборки зерно с примесью сорняков, земли и с учетом повышенной влажности (бункерный вес). А под амбарным урожаем фактически понимается объем полученного зерна в весе после доработки за вычетом удаленных примесей, неиспользуемых отходов и усушки. В 1930-е гг. под видовым урожаем могли понимать в том числе и урожай на корню, определенный не с помощью технических средств, а экспертным путем («на глаз»).

² В большинстве статистических источников приводятся не отдельные сведения о количестве овец или коз, а обобщенные данные по обоим видам сельскохозяйственных животных. Удельный вес коз в общем стаде мелкого рогатого скота в Сибири был незначительным, составляя в 1920 г. 1,1 % (рассчитано в территориальных рамках Сибирского края в границах 1925 г.), в 1938 г. – 3,4 % (рассчитано в территориальных рамках Красноярского и Алтайского краев, Бурят-Монгольской АССР, Омской, Новосибирской, Иркутской и Читинской областей в границах 1938 г.) (Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 165; Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сборник. М., Л., 1940. С. 17, 19, 28, 36, 37, 50, 54).

В настоящем исследовании, исходя из реалий изучаемого периода и современных трактовок сельскохозяйственной науки, мы используем следующие базовые дефиниции.

1. Видовой урожай – ожидаемый урожай, исходя из состояния посевов на разных стадиях развития хлебов (до завершения созревания), который определяется экспертным (глазомерным) путем, с учетом состояния посевов: густоты, развитости, внешнего вида и т.п.

2. Урожай на корню, или биологический урожай – выращенный, но еще не убранный урожай, который определяется на стадии завершения созревания хлебов (перед началом уборки) либо экспертным путем, либо выборочным ручным или машинным обмолотом.

3. Амбарный урожай – зерно, фактически поступившее (оприходованное) после обмолота в распоряжение хозяйства. Это зерно может быть складировано для внутривозрастных нужд, либо отправлено на государственные заготовительные пункты. При этом следует иметь в виду, что обмолот мог затянуться до середины зимы, а иногда до весны.

В 1930-е гг. также официально использовались иные термины, определяющие методы исчисления валовых сборов: «оптимальный», «оптимально-хозяйственный» или «нормально-хозяйственный» урожай, «фактический сбор с учетом потерь», «действительный фактический урожай» (о них подробнее см. гл. 4).

Расширенных комментариев требует и термин «динамический ряд». Динамический ряд – это последовательность однородных сопоставимых статистических величин, расположенных в хронологическом порядке и показывающих изменение какого-либо процесса или явления во времени. Составляющие ряды динамики величины имеют значение их уровней. Динамические ряды подразделяются на простые и сложные, моментные и интервальные, непрерывные и прерывистые, изолированные и комплексные. Простые состоят из абсолютных показателей (тыс. га, тыс. голов, тыс. ц), сложные – из средних (ц/га) и относительных. Моментный ряд представляет величины исследуемого процесса на определенную дату. Интервальный динамический ряд состоит из показателей, характеризующих изменение исследуемого процесса за определенный хронологический отрезок (за год, 5 лет). Изолированный ряд представляет динамику одной статистической величины (площади посева, валового сбора, урожайности), комплексный – нескольких величин (посева разных культур, поголовья скота разных видов, валовых сборов и средней урожайности разных культур).

В силу специфики статистического мониторинга различных показателей аграрной экономики динамические ряды развития сельского хозяйства могут быть как моментными, так и интервальными. Результаты учета скота привязывались к конкретной дате, поэтому ряды динамики поголовья могут быть только моментными. В то же время посевные площади, валовые сборы сельскохозяйственных культур, их урожайность определялись за весь сельскохозяйственный год. Соответственно подобные динамические ряды являются интервальными.

Принципиальное значение для составления рядов динамики имеет выбор интервалов презентации статистического материала. Максимально полную картину развития аграрной экономики, в том числе посевных площадей и поголовья скота, может дать годововой анализ. Однако для определения генеральной тенденции динамики валовых сборов необходимо выравнивание годовых динамических рядов путем определения среднегодовых величин за более длительный период. Это диктуется высоким уровнем метеозависимости полеводства, которая приводит к значительной разнице показателей между следующими друг за другом урожайными и недородными годами. Оптимальным отрезком времени группировки урожайной статистики для исследуемого периода является пятилетний.

Необходимость выявления специфики развития сельского хозяйства в макрорегионах и крупных административно-территориальных единицах Сибири делает необходимым составление совокупности динамических рядов по каждому из них.

Статистические данные, на базе которых составляется динамический ряд, должны быть сопоставимы по методике учета и расчета показателей, единицам измерения, хронологии, кругу охватываемых объектов. Принципиальное значение также имеет проблема сопоставимости географических рамок, которая связана с периодическим изменением административно-территориального деления региона (см. ниже). В ряде статистических изданий она решена путем пересчета составителями количественных показателей за предшествующие годы в современных им границах. В тех случаях, когда аналогичный пересчет не осуществлен, мы объединяем в динамические ряды сведения по одним и тем же или имеющим тождественную территорию административным образованиям.

Задачей максимум для каждого исследуемого десятилетия является формирование по возможности максимально протяженного динамического ряда, в который входят сопоставимые данные. В случае невозможности построить протяженный единый ряд ди-

намики его заменяют несколько более коротких и пересекающихся рядов, каждый из которых состоит из сопоставимых показателей. Минимальными по хронологической протяженности динамическими рядами в нашей работе являются двухлетние, включающие 1929 и 1930 гг. К их формированию мы обращаемся в рамках имеющей самостоятельное историографическое значение задачи реконструкции экономических последствий первого этапа форсированной коллективизации.

Базовые хронологические рамки работы включают период с 1920 по 1940 г. включительно. В конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири была восстановлена советская власть и началось становление системы советской сельскохозяйственной статистики. Великая Отечественная война привела к вынужденным изменениям в системе сбора статистической информации.

Для более точного определения временных отрезков, в рамках которых в работе фиксируются годовые изменения количественных параметров развития сельского хозяйства, вводятся понятия «сельскохозяйственный» и «учетный» год. Под учетным годом понимается период между двумя переписями или учетными кампаниями, проведенными в предшествующий и текущий год. Например, в 1935/36 учетный год входит период между учетами скота, проведенными в июне 1935 г. и в июне 1936 г. Термин «сельскохозяйственный год» прежде всего применяется для презентации изменений посевных площадей. При этом в показатели сельскохозяйственного года, например, 1932/33 г., включаются итоги сева озимых (осенью 1932 г.) и яровых (весной 1933 г.) культур. По результатам сельскохозяйственного года (в ходе осенних уборочных кампаний) также определяются валовые сборы и урожайность озимых и яровых культур.

Географические параметры работы включают Сибирь. При этом мы постоянно обращаемся к общесоюзному материалу. Функционирование системы статистического мониторинга в регионе определялось директивами органов ведомственного и общесоюзного управления. При анализе конкретно-исторических региональных данных нами учитываются изменения административно-территориального устройства Сибири на протяжении исследуемого периода.

В августе 1919 г. был создан Сибревком, под управление которого были переданы губернии и области Сибири. В 1923 г. в имеющее статус области региональное объединение, носящее неофициальное наименование «Сибревкомовская Сибирь», входили Омская, Новониколаевская, Томская, Алтайская, Енисейская,

Иркутская губернии и Ойротская автономная область. Губернии состояли из уездов, уезды из волостей. В 1923–1926 гг. в Сибири была осуществлена реформа административно-территориального устройства. Губернское и уездное деление заменялось окружным. Волости сначала укрупнялись, а затем преобразовывались в районы. В мае 1925 г. были упразднены Алтайская, Енисейская, Новониколаевская, Омская и Томская губернии. «Сибревкомовскую Сибирь» преобразовали в Сибирский край, включающий Ойротскую автономную область³, 16 округов и Иркутскую губернию. В 1926 г. ликвидировали Иркутскую губернию, разделив ее на три округа.

Летом 1930 г. в СССР в очередной раз реформировали административно-территориальное устройство. Сибирский край разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. В Восточно-Сибирский край также включили два округа Дальневосточного края и Бурят-Монгольскую АССР. Был осуществлен переход от трехуровневого административного деления (край/область – округ – район) к двухуровневому (край/область – район). Округа при этом ликвидировались.

В середине 1930-х гг. возобновился процесс разукрупнения краев и областей региона. В декабре 1934 г. были образованы Омская область и Красноярский край. В Омскую область вошли западные районы Западно-Сибирского края и Обь-Иртышская область, в Красноярский край – восточные районы Западно-Сибирского края и западные районы Восточно-Сибирского края. В декабре 1936 г. из Восточно-Сибирского края вывели Бурят-Монгольскую АССР, получившую самостоятельный статус, а край преобразовали в Восточно-Сибирскую область. В сентябре 1937 г. Западно-Сибирский край разделили на Новосибирскую область и Алтайский край, Восточно-Сибирскую область – на Иркутскую и Читинскую области. Во время Великой Отечественной войны был проведен очередной тур административно-территориальных преобразований региона. В 1943 г. из состава Новосибирской и Челябинской областей соответственно выделились Кемеровская и Курганская области. В 1944 г. из Новосибирской области выделили Томскую область, из Омской – Тюменскую область⁴.

Определение динамики развития сельского хозяйства СССР и его регионов в 1920–1930-е гг. было одним из приоритетных на-

³ Ойротская автономная область делилась на аймаки.

⁴ Зуев А.С., Ильиных В.А., Ноздрин Г.А., Матханова Н.П. Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 46–51.

правлений проводимого в это время статистического мониторинга. Вслед за сбором и обработкой массовой статистической информации осуществлялась ее публикация. Презентация сельскохозяйственной статистики сопровождалась аналитическим обобщением полученных материалов, которое имеет историографическое значение.

Собственно историографию проблемы следует вести с конца 1950-х гг., когда к ней обратились советские историки. Начав научный анализ сельского хозяйства, они столкнулись с ситуацией, которую В.П. Данилов определил как «статистическую разноголосицу»⁵. Один и тот же показатель сельскохозяйственного производства за один и тот же год в разных статистических источниках исследуемого периода часто определялся разными и иногда существенно различающимися величинами.

Ситуация еще больше осложнилась после проведенного в конце 1950-х гг. ЦСУ СССР исправления ранее принятых данных об урожайности и валовых сборах зерновых культур в 1933–1939 гг. В свою очередь отправной точкой для внесения правок явился осуществленный по инициативе Н.С. Хрущева отказ от метода определения урожайности, который официально определялся как биологический (подробнее об этом см. гл. 4). Валовой сбор зерна стали устанавливать в так называемом амбарном весе. Поскольку амбарный урожай был существенно ниже биологического, при публикации данных без пересчета могло создаться впечатление, что в постсталинский период ситуация в зерновом хозяйстве страны не улучшилась. Инициатива статистических новаций также принадлежала Н.С. Хрущеву.

В опубликованных в конце 1950-х гг. официальных статистических изданиях были приведены отличные от обнаруженных в 1930-е гг. данные о среднегодовых валовых сборах зерна и среднегодовой урожайности в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.), которые были пересчитаны в амбарном весе: 72,9 млн т и 7,1 ц/га⁶. Применительно ко второй пятилетке показатели остались прежними: 73,6 млн т и 7,5 ц/га⁷.

⁵ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 279.

⁶ По данным официальной статистики конца 1930-х гг., в 1933–1937 гг. среднегодовая урожайность в СССР составляла 9,1 ц/га, а среднегодовой урожай 94,6 млн т (Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сборник. М., 1939. С. 97–98; Сельское хозяйство Союза ССР: стат. справочник. М., 1939. С. 246; Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 83).

⁷ Народное хозяйство СССР в 1958 году: стат. ежегодник. М., 1959. С. 352; Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1960. С. 196.

В начале 1960-х гг. изменение ранее обнародованных сведений вызвало сомнения в их корректности. Оппоненты считали новые данные об урожайности в годы второй пятилетки заниженными, поскольку они уступали показателям первой пятилетки. В связи с этим ставился вопрос, как в условиях снижения валового сбора зерновых советскому государству удалось в конце 1934 г. отменить карточную систему на хлеб, добиться увеличения натуральных выдач зерна колхозникам на трудодни, а в конце десятилетия нарастить хлебный экспорт⁸.

С критикой подобной позиции выступил И.Е. Зеленин. Он полагал, что отменить карточную систему позволило наращивание объемов государственных хлебозаготовок. В конце 1920-х гг. *«в государственные закрома поступало очень мало хлеба»*⁹, в том числе из-за организованной кулацкими элементами «хлебной стачки». Рост заготовок *«к концу периода сплошной коллективизации»* был связан в том числе со снижением потребности деревни в хлебе. Значительная часть бывших крестьян ушла в город, резко сократилось поголовье скота. Увеличение размеров распределяемого между колхозниками зерна в 1933–1934 гг. обуславливалось, по его мнению, уменьшением отчислений в различные виды натуральных фондов, упорядочиванием системы распределения, улучшением хранения собранного урожая и другими факторами¹⁰.

Комментируя точку зрения И.Е. Зеленина, отметим, что одной из основных причин наращивания объемов государственных хлебозаготовок в первой половине 1930-х гг. действительно являлось увеличение товарности колхозного производства. Однако эта товарность в значительной степени имела принудительный характер.

⁸ См.: Зеленин И.Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 468, 469, 470.

⁹ Здесь и далее в монографии курсивом выделены цитаты из источников и научной литературы. При этом все языковые погрешности и стилистические особенности цитируемого текста передаются дословно, без исправлений. Исправляются лишь явные ошибки (опечатки), допущенные при машинописном наборе текста. Пунктуация исправлена согласно современным правилам. Дописанный автором данной монографии текст (предположительное чтение утраченных или неразборчивых мест, пропущенные в источнике слова, буквы и цифры, раскрытие неприятых сокращений) приводится в квадратных скобках. Многоточия в квадратных скобках ставятся в местах нечитаемых фрагментов источника или его собственных лакун. Многоточия в угловых скобках означают пропуски в тексте при его неполном цитировании. Воспроизводятся авторские подчеркивания или иные формы выделения (заглавные буквы, жирный шрифт).

¹⁰ Зеленин И.Е. Основные показатели ... С. 470, 472.

Ю.А. Мошков и М.А. Вылцан также считали указанный подсчет данных о валовых сборах и урожайности зерновых культур в целом корректным¹¹. В то же время были высказаны различные позиции по времени перехода к биологическому методу определения урожайности, методам его исчисления, соотношению биологического и амбарного урожая. По мнению Ю.А. Мошкова, начиная с 1933 г. валовые сборы зерновых оценивались не по действительному сбору, а по «оптимально-хозяйственному», а с 1939 г. по биологической урожайности¹². И.Е. Зеленин полагал, что с 1933 г. урожай на корню определялся с помощью метровок (см. гл. 4). При его исчислении предусматривались некоторые скидки на неизбежные потери. С 1939 г. был осуществлен переход к определению «чисто» биологической урожайности. Но, поскольку *«на практике и в 1933–1938 гг. “скидки” носили номинальный характер, фактический переход к биологическому методу был осуществлен уже в 1933 г.»*¹³.

М.А. Вылцан считал, что основным методом урожайной статистики в 1933–1935 гг. являлось определение урожайности на корню с помощью метровок. Полученные данные корректировались *«небольшими скидками на неизбежные потери»*. С 1936 г. стал применяться новый метод исчисления урожая, основой которого являлось определение среднего сбора по результатам массовых обмолов с учетом потерь, используемых в хозяйстве. Выводимые таким образом показатели урожайности *«находились где-то посередине между биологическим и амбарным, а значит и фактическим урожаем. В 1939 г. произошел переход к учету урожайности на корню без каких-либо скидок»*¹⁴.

И.Е. Зеленин негативно оценивал переход к биологическому методу исчисления урожая. По его мнению, подобный метод учета зерна *«порождал [у властей] настроения самоуспокоенности, позволял скрывать бесхозяйственность и видеть успехи там, где их фактически не было. Для колхозов применение биологической урожайности означало более высокую оплату за работы МТС... искусственное повышение товарности»*¹⁵. Аналогичной с И.Е. Зе-

¹¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 270; Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 481.

¹² Мошков Ю.А. Зерновая проблема ... С. 270.

¹³ Зеленин И.Е. Основные показатели ... С. 466.

¹⁴ Вылцан М.А. Методы исчисления ... С. 476, 478, 479.

¹⁵ Зеленин И.Е. Основные показатели ... С. 466.

лениным позиции придерживался М.А. Вылцан. Он считал, что одной из причин перехода к учету урожайности на корню являлось «стремление создать картину благополучия, “подтянуть” отстающую отрасль сельского хозяйства до плановых заданий»¹⁶.

Анализируя проблемы статистического мониторинга животноводства, И.Е. Зеленин кратко осветил ход и итоги дискуссии 1933 г. между начальником ЦУНХУ В.В. Осинским и редакцией «Правды». По мнению Зеленина, опубликованные в 1930-е гг. данные о динамике поголовья скота в целом являются достоверными, но, поскольку они приводятся на середину года, их недостаточно для характеристики животноводства. «Предпочтение следует отдать аналогичным данным на конец года, учитывающим осенний забой скота в связи с мясозаготовками»¹⁷.

Дискуссии по проблемам источников по истории сельского хозяйства в 1920-е гг. имели менее острый характер. Исследователи сосредоточили свое внимание на отборе тех данных о сельхозпроизводстве, которые, по их мнению, имели наиболее достоверный характер¹⁸. По итогам изысканий В.П. Данилов¹⁹, Ю.А. Мошков²⁰, Ю.А. Поляков²¹ пришли к выводу, что таковым требованиям в наибольшей степени отвечают показатели динамики посевных площадей, урожайности и валовых сборов по СССР в целом, опубликованные в 1934 г. в статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство СССР»²².

Аналогичной позиции придерживался И.А. Чемериский, осуществивший наиболее фундированную репрезентацию статистических изданий, в которых публиковались сведения о динамике сельхозпроизводства в СССР в 1920-е гг.²³ В своей статье Чемериский также осветил ход дискуссии о методике исчисления посевных площадей и валовых сборов, развернувшейся в первой половине 1920-х гг. между ЦСУ и Госпланом.

¹⁶ Вылцан М.А. Методы исчисления ... С. 479.

¹⁷ Зеленин И.Е. Основные показатели ... С. 465.

¹⁸ См.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня ... С. 279.

¹⁹ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 91, 95.

²⁰ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 20.

²¹ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 58, 478.

²² Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. М., 1934. С. 176–177.

²³ Чемериский И.А. Сельскохозяйственное производство СССР в 1920–1925 гг. по статистическим источникам // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 453–463.

В список «канонических» статсборников, в которых публиковались данные о поголовье скота в 1920-е гг., также входили изданный в 1936 г. статистический ежегодник «Социалистическое строительство СССР»²⁴ (на него ссылался Ю.А. Поляков²⁵) и статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1961 году»²⁶ (В.П. Данилов²⁷, И.А. Чемерисский²⁸). Позиция мэтров советской аграрной историографии стала общепринятой. В 1977 г. В.П. Данилов с удовлетворением отметил, что «статистическая разногласица» в характеристике сельскохозяйственного производства за 1920-е гг. «в значительной мере преодолена»²⁹.

Исследователи вновь обратили внимание на проблему достоверности урожайной статистики 1930-х гг. в поздний советский и постсоветский период в связи с обсуждением причин массового голода в СССР в 1932–1933 гг.³⁰ Сторонники концепции рукотворности голода, опираясь на данные советской официальной статистики первой половины 1930-х гг., которые были подтверждены в постсталинский период, указывали, что урожай 1932 г. (69,9 млн т) по СССР в целом был не хуже, чем в 1931 г. (69,5 млн т)³¹. Марк Таугер не доверял официальным данным и, основываясь на неопубликованных годовых отчетах колхозов, утверждал, что валовой сбор зерновых в 1932 г. составлял всего лишь 50,1 млн т, а возможно, и меньше³².

²⁴ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1936. М., 1936. С. 354.

²⁵ Поляков Ю.А. Переход к нэпу ... С. 479.

²⁶ Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник. М., 1962. С. 381. В этом издании приводились данные о поголовье скота на 1 января каждого года, а в статсжегоднике «Социалистическое строительство СССР. 1936» – на 1 июля.

²⁷ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня ... С. 298.

²⁸ Чемерисский И.А. Сельскохозяйственное производство СССР ... С. 461.

²⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня ... С. 279.

³⁰ См.: Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 40–41; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 8, 18; Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 298–332; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 98–112; Он же. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 110–112; и др.

³¹ Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986. P. 264; Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–1 вересня 1993 р.: матеріали. Київ, 1995. С. 36, 43.

³² Таугер М.Б. Урожай 1932 года ... С. 315.

Наиболее детальный анализ советской урожайной статистики начала 1930-х гг. провел С. Уиткрофт³³. Он определили ее следующие закономерности: *«Предварительные оценки [урожая] были очень высоки, власти использовали их в течение всего заготовительного года (с конца июня до конца календарного года и первых месяцев следующего года), чтобы оправдать государственный план хлебозаготовок. Позже окончательная цифра значительно снижалась, иначе урожай следующего года выглядел бы весьма неудовлетворительным. Однако и она превышала справедливую оценку»*³⁴. Проведенный нами совместно с В.Б. Лапердиным ретроспективный анализ хлебозаготовительных кампаний 1930-х гг. в Сибири подтвердил выявленную Уиткрофтом сезонную закономерность советской статистики урожайности³⁵.

Итоговые официальные данные о размерах валовых сборов в 1930–1931 гг. С. Уиткрофт считал завышенными и не отражающими реальный амбарный урожай. Он также назвал парадоксальной ситуацию со статистикой валового сбора зерна в 1933 г. После отказа от расчетов, основанных на биологическом методе, размеры урожая этого года в официальной советской статистике уменьшили с 89,8 до 68,4 млн т. В то же время сбор предыдущего года остался неизменным (69,9 млн т). В результате урожай 1933 г., который, *«несомненно, был намного лучше урожая 1932 г., в пост-сталинских публикациях указывался как уступающий прошлогоднему на 1,4 млн т»*³⁶.

Проблемы урожайной статистики в СССР в середине и второй половине 1930-х гг. затронул С.А. Нефедов. По его мнению, в 1933–1935 г. сначала с помощью метровок устанавливалась биологическая урожайность, затем в полученные результаты вносились скидки на потери. С 1936 г. за исходную величину брался амбарный урожай (намолот), а к нему прибавлялись поправки на недоучет. С 1939 г. поправки были увеличены до разницы между урожаем на корню и намолотом, что фактически означало определение биологического урожая. При этом вносимые в первичные

³³ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011; Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 842–865.

³⁴ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода ... С. 450.

³⁵ См.: Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020.

³⁶ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода ... С. 453.

данные надбавки делались для того, чтобы приблизить реальность к указанной И.В. Сталиным цели: получению 7–8-миллиардного урожая³⁷. Проанализировав составленные специалистами ЦУНХУ хлебофуражные балансы за 1937/38–1940/41 гг., Нефедов пришел к выводу об их недостоверности, поскольку отраженная в них биологическая урожайность не соответствует реальной. Тем не менее, по его мнению, они *«легко “очищаются” от виртуальных величин»*. Рассчитанные Нефедовым размеры валовых сборов зерновых фактически совпадают с цифрами амбарного урожая, полученными специалистами ЦСУ в результате пересчета конца 1950-х гг. (см. выше)³⁸.

Несмотря на неофициальный характер публикации, на наш взгляд, историографическим событием второй половины 2010-х гг. стала размещенная на сайте «Исторические материалы» работа А.В. Башкина «Урожайи тридцатых или украденные достижения»³⁹. По мнению автора, биологический метод оценки урожайности для 1930-х гг., который основывался на применении метровок, *«был вполне адекватен и давал достаточно точные показатели урожайности»*. Измерение потерь на всех этапах сбора, осуществляемое после определения размеров урожая на корню, *«способствовало получению достаточно точных цифр»* валового сбора зерновых культур. При переходе на измерение в амбарном весе пересмотру должна была подлежать *«вся линейка урожаяев»*. Однако *«под нож попал»* лишь период после 1933 г. Неизменность официальных показателей валовых сборов в годы первой пятилетки *«только добавило несуразности в общую картину»*. В итоге урожайи с 1933 по 1939 г. оказались частично «украденными». И инициатором «кражи» стал Н.С. Хрущев.

Мы в целом высоко оцениваем штудии А.В. Башкина. И согласны с ним в том, что метровки были наиболее объективным инструментом измерения урожайности. Все остальные методы можно определить как манипуляции, в том числе и в негативном значении этого слова. Однако в реалиях 1930-х гг. результатам наложения метровок власти придавали лишь вспомогательное значение. В качестве базового измерителя и после 1933 г. по-прежнему

³⁷ Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 35–37.

³⁸ Нефедов С.А. О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 158–162.

³⁹ Башкин А.В. Урожайи тридцатых или украденные достижения [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/21358> (дата обращения: 24.01.2022).

использовалась оценка урожая на корню, которая оставалась объектом манипуляций (см. гл. 4). А одним из главных похитителей биологического урожая в 1930-е гг., как, впрочем, и в предыдущие и последующие годы, являлась природа. Длительное ненастье, наступившее после начала уборочной кампании, могло привести к огромным потерям зерна в поле и в местах первичного хранения и обмолота. От последствий немилости природы в полной мере не застрахованы и современные аграрии, обладающие более совершенными технологиями и необходимой материально-технической базой для выращивания и сохранения зерна, чем предшественники.

Особенности организации статистического мониторинга сельского хозяйства в 1930-е гг. в Сибири и его результаты реконструированы в работах автора настоящей монографии и В.Б. Лапердина⁴⁰.

В отличие от статистики 1930-х гг., признанные каноническими данные о динамике сельхозпроизводства в предыдущее десятилетие длительное время никто под сомнение не ставил. Однако пришел и их черед. В 2000 и 2001 гг. были опубликованы статьи И.В. Кочеткова⁴¹, который пришел к выводу о завышенности официальных данных о размерах посевных площадей в 1920-е гг., в том числе опубликованных в статистическом ежегоднике 1934 г. «Социалистическое строительство СССР», в результате внесения в них поправок на недоучет. Кочетков заявил, что подобные манипуляции являются «откровенной статистической фальсификацией» и призвал «освободить» от них результаты выборочных сельхозпереписей 1920-х гг. Реализовав собственный призыв, автор построил «беспорочный» погодовой ряд динамики посевных площадей в 1920–1926 гг. По результатам его анализа И.В. Кочетков пришел к выводу о «стагнации посевных площадей под зерновыми культурами»: в 1920 г. – 59,5 млн дес., в 1926 г. – 57,6 млн дес. При

⁴⁰ Лапердин В.Б. Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 253–255; Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ...; Ильиных В.А. Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг. // ЭКО. 2020. № 11. С. 174–192; Он же. Статистический мониторинг посевных площадей в Сибири в 1930-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 186–197.

⁴¹ Кочетков И.В. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1; Он же. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000.

этом «типичный уровень урожайности зерновых в 20-е годы был значительно ниже довоенного»⁴².

Позицию И.В. Кочеткова поддержал И.А. Тропов⁴³, который также призывает исследовать «реальные процессы» в аграрной сфере первой половины 1920-х гг. «без пресловутых поправок на недоучет». По его мнению, на внесении поправок настаивали специалисты Госплана и Конъюнктурного института Наркомата финансов, исходя из своих узковедомственных интересов, совпадающих с «фискально-политическими интересами власти»⁴⁴. Руководство ЦСУ считало аргументы своих оппонентов несостоятельными и согласилось с необходимостью использования поправок лишь под давлением политического руководства страны.

С критикой позиции И.В. Кочеткова выступили С.А. Нефедов⁴⁵ и автор настоящей монографии⁴⁶. По мнению Нефедова, «усредненные данные весенних опросов не дают реальной величины посевов». Для устранения допускаемых при усреднении результатов выборочных сельхозпереписей ошибок, имеющих систематический, а не случайный характер, было необходимо введение поправочных коэффициентов⁴⁷.

Мы полагаем, что внесение поправок в итоги выборочных сельскохозяйственных переписей было вызвано позицией крестьян, которые приуменьшали размеры посевов в своих хозяйствах, опасаясь, что реальные показатели их состоятельности будут использованы властями для усиления тяжести налогообложения. Недоучет посевов в ходе переписей подтверждается материалами бюджетных обследований и контрольных мероприятий.

⁴² Кочетков И.В. Зерновое производство ... С. 86, 89, 90.

⁴³ Тропов И.А. ЦСУ и тайны советской сельскохозяйственной статистики первой половины 1920-х гг. // Ленингр. юрид. журн. 2012. № 4.

⁴⁴ Отметим, что на необходимости внесения поправок на недоучет настаивали в том числе В.Г. Громан и Н.Д. Кондратьев, обвинение которых в следовании «фискально-политическим интересам власти» выглядит весьма фантастическим.

⁴⁵ Нефедов С.А. К проблеме достоверности статистических данных ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР // Историко-экономические исследования. 2008. № 1.

⁴⁶ Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2; *Он же*. Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.

⁴⁷ Нефедов С.А. К проблеме достоверности ... С. 136.

При этом наша убежденность в необоснованности базовых посылок И.В. Кочеткова не означает признания абсолютной корректности принимаемых ЦСУ поправочных коэффициентов⁴⁸.

С.А. Нефедов также обратил внимание на исчисляемые экспертами статистических органов коэффициенты недоучета численности скота. Для КРС они невелики и *«не играют существенной роли»*, для лошадей поправки не вводились. Значит, по его мнению, *«по этим двум параметрам преувеличение реальных данных представляется маловероятным»*. В то же время С.А. Нефедов привел данные об относительно более высоких поправках на недоучет мелкого скота⁴⁹.

Таким образом, несмотря на существенное приращение исторических знаний, проблема достоверности советской сельскохозяйственной статистики в 1920–1930-е гг. по-прежнему остается дискуссионной и требует дальнейшего анализа. Актуальным на современном этапе историографии представляется специальное монографическое исследование темы.

Основу источниковой базы настоящей работы составляют официальные общесоюзные и региональные статистические издания. В случае отсутствия опубликованных статистических материалов привлекалась неопубликованная статистика, выявленная в региональных и центральных архивохранилищах. Наиболее важной группой документов по изучению организации статистического мониторинга сельского хозяйства являются законодательные, нормативные и директивно-распорядительные акты центральных и краевых (областных) партийных, советских, статистических и земельных органов власти и управления. В качестве дополнительных источников служили опубликованные и извлеченные из архивных фондов документы справочно-аналитического характера, а также журнальные и газетные статьи. Разнообразный статистический и документальный материал создает надежную базу для достоверной реконструкции исследуемых процессов.

Монография структурно состоит из трех частей, в каждой из которых последовательно осуществляется реконструкция системы статистического мониторинга посевных площадей, валового сбора и урожайности зерновых культур, поголовья основных видов скота и построение соответствующих динамических рядов.

⁴⁸ Более детальная аргументация занимаемой нами позиции по этой и другим проблемам сельскохозяйственной статистики в 1920–1930-е гг. представлена на страницах настоящей монографии.

⁴⁹ Нефедов С.А. Уровень жизни населения ... С. 31.

Для нумерации рядов динамики используются следующие буквенные и цифровые символы. Литером «А» обозначаются ряды динамики посевных площадей, «Б» – валовых сборов и урожайности зерновых культур, «В» – поголовья сельскохозяйственных животных. Цифра после литеры (А1 ...) означает номер главы, цифра после дефиса (А1-1) – порядковый номер динамического ряда соответствующей главы. В каждой главе осуществляется построение не только региональных рядов динамики, но и базовых общесоюзных.

Часть I

СТАТИСТИКА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Глава 1

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В 1920-е гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРЕПИСИ

В 1920-е гг. абсолютно преобладающей организационно-производственной формой ведения сельского хозяйства в Сибири и в стране в целом являлись крестьянские хозяйства¹. В связи с этим основные усилия государственных статистических органов были направлены на получение данных об их развитии. Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, включая размеры посевных площадей, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Переписи и иные статистические обследования деревни в 1920-е гг. проводились под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт статистической работы, и на основе наработок земской статистики.

Сельхозпереписи в 1920-е гг. осуществлялись переписчиками методом личного опроса дворохозяев в сельсовете (заполнения переписных бланков). Затем результаты опроса должны были публично оглашаться на сельских сходах. Таким образом достоверность опроса фактически проходила двухуровневую проверку: сначала работниками сельсовета, а затем односельчанами. Следует отметить, что дореволюционные земские статистики, исходя из своего понимания психологии крестьян, считали, что они на сходе обязательно напомнят своим «забывчивым» соседям о наличии не указанного при опросе имущества или посева.

Кроме того, сведения о количественных параметрах крестьянских хозяйств собирались финансовыми органами в рамках нало-

¹ Минимальной была доля крестьянских хозяйств в общей посевной площади в 1929 г. По официальным данным в Сибири (в территориальных рамках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев) в этом году она составляла 92,1 % (Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 246–247, 256).

гового учета. Облагаемое имущество также записывалось работниками сельсоветов со слов налогоплательщика, а затем обнарувалось путем оглашения списков с данными на сельских сходах или их вывешивания в сельсоветах. Налоговый учет был фактически сплошным. Но в его ходе фиксировались только объекты обложения. В Сибири продовольственным, а затем единым сельскохозяйственным налогом облагалась общая площадь полевого посева, без дифференциации по культурам. В связи с этим основную информацию о сельском хозяйстве власти получали в результате обработки выборочных переписей крестьянских хозяйств.

В переписном листе дворохозяйства, заполняемом в рамках сельскохозяйственной переписи, как правило, фиксировались: население двора (число душ мужского и женского пола, трудоспособных), землепользование, аренда земли, площадь посева (полевого, усадебного, посева отдельных культур), поголовье скота, количество взрослой птицы, число ульев, сельскохозяйственный инвентарь, наем или отпуск рабочей силы, основное и вспомогательные занятия, промыслы. В силу традиционной земледельческой специализации российского крестьянства основное внимание в ходе переписей уделялось учету площади, засеваемой в дворохозяйстве пашни. Более того, при обработке материалов переписей сведения о крестьянских хозяйствах группировались по определенным размерам посевных площадей². При публикации итогов переписей абсолютные и относительные данные о параметрах хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств приводились как по отдельным посевным группам, так и по всем дворам, входящим в презентуемую совокупность. Группировка по посеву рассматривалась как основа для определения социально-классовой дифференциации крестьянства.

Для получения общих итогов сведения, выявленные в ходе выборочных переписей отдельных хозяйств, распространялись на целые административно-территориальные единицы: уезды, районы, округа. Методы «распространения» изменялись. В конце 1910 – начале 1920-х гг. базовым являлся метод коэффициентов различий. В его рамках на территории уезда устанавливались количествен-

² В Сибири, как правило, выделялись следующие группы крестьянских дворов по посеву: 1) без посева и с посевом до 0,09 дес.; 2) с посевом от 0,1 до 1,09 дес.; 3) с посевом от 1,1 до 2,09 дес.; 4) с посевом от 2,1 до 3,09 дес.; 5) с посевом от 3,1 до 4,09 дес.; 6) с посевом от 4,1 до 6,09 дес.; 7) с посевом от 6,1 до 8,09 дес.; 8) с посевом от 8,1 до 10,09 дес.; 9) с посевом от 10,1 до 16,09 дес.; 10) с посевом от 16,1 до 24,09 дес.; 11) с посевом от 24,1 дес. и более.

ные показатели одних и тех же опрошенных хозяйств, полученные в ходе переписей текущего и прошлого года. Соотношение между этими показателями, определяемое как коэффициент различия, и общие итоги предыдущей переписи по уезду использовались для исчисления поуездных итогов переписи текущего года³.

В качестве дополнительного метода распространения в начале 1920-х гг. использовался метод переноса соотношения посевов отдельных культур или возрастных групп скота с опрошенных хозяйств на их совокупность⁴. К данному методу прибегали в том случае, если незначительность выборки не позволяла определить корректные коэффициенты различий по отдельным культурам, видам посева или группам скота.

К середине 1920-х гг. основным методом распространения итогов выборочных переписей стал метод среднего хозяйства. В его рамках суммировались показатели всех опрошенных в уезде (районе, округе) дворов. Затем полученные результаты делились на количество опрошенных дворов. Таким образом определялись размеры «среднего хозяйства», которые для получения уездных (районных, окружных) итогов распространялись на соответствующую совокупность путем умножения параметров среднестатистического двора на их общее количество. Распространенные различными методами на уезды, районы, округа количественные итоги сельхозпереписей суммировались для получения губернских, краевых/областных, республиканских и общесоюзных показателей.

Проведение общегосударственных сельскохозяйственных переписей являлась одной из основных задач учрежденного в соот-

³ Схему распространения итогов выборочных опросов крестьянских дворов на их совокупность по методу коэффициентов различия на примере площади посева можно представить следующим образом. Площадь посева в одних и тех же опрошенных хозяйствах в уезде в текущем году составляет 100 дес., в предыдущем – 110 дес. Соотношение между этими величинами (коэффициент различия) равняется 0,9. Известна также установленная предыдущей переписью общая площадь посева во всех крестьянских хозяйствах уезда в прошлом году. Умножение коэффициента различия (0,9) на величину посева (в дес.) в прошлом году позволяет установить общую посевную площадь крестьянских хозяйств уезда в текущем году.

⁴ Схему распространения итогов выборочных опросов крестьянских дворов на их совокупность по методу переноса соотношения посевов отдельных культур можно представить следующим образом. Установленная переписью текущего года площадь посева льна в опрошенных хозяйствах уезда составляет 2 дес., или 2 % от общей посевной площади. Эта доля переносится на общую площадь посева в уезде, исчисленную по коэффициенту различия. После этого проценты пересчитываются в десятины.

ветствии с декретом СНК РСФСР от 25 июля 1918 г. Центрального статистического управления (ЦСУ)⁵. В составе ЦСУ был создан отдел сельскохозяйственных переписей, который возглавила А.И. Хрящева. До революции она работала в земских статистических бюро Самарской, Смоленской, Вологодской, Харьковской и Тульской губерний, руководила разработкой материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.⁶

Уже в августе 1919 г. возглавляемый А.И. Хрящевой отдел организовал проведение 10 %-й выборочной переписи крестьянских хозяйств⁷ в ряде губерний европейской части РСФСР, находившихся под юрисдикцией советского правительства. Результаты выборочной переписи распространялись на генеральную совокупность методом погнздовых коэффициентов. Для переписи в рамках отдельных уездов выбирались не единичные дворы или селения, а так называемые гнезда (группы смежных селений). В них осуществлялся сплошной опрос. Параллельно с переписными анкетами, собранными в 1919 г., ретроспективно обрабатывались анкеты переписи 1917 г. по хозяйствам, расположенным на территории тех же селений. По каждому гнезду устанавливались средние значения показателей хозяйственного состояния всех опрашиваемых дворов в 1919 и 1917 гг. Они использовались для исчисления коэффициентов различий, на основе которых (см. выше) определялись поуездные параметры площади посева, поголовья скота и другое в 1919 г.⁸

Перепись 1920 г. планировалась как грандиозная статистическая операция, составными частями которой должны были стать всеобщие демографическая, профессиональная, сельскохозяйственная, поземельная и промышленная переписи. Орган Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) газета «Советская Сибирь» так сформулировала цели мероприятия: *«Советская власть в момент завершения ею объединения России постановила провести всенародную перепись. Путем сплошного статистического учета народонаселения, его хозяйственной деятельности и культурности Советская власть ныне делает смотр всем производительным силам страны, дабы отчетливо знать средства, которыми*

⁵ Известия. 1918. 30 июля.

⁶ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Репринтное воспроизведение издания 1926 г. М., 1993. С. 13.

⁷ Фактическая выборка в силу сложности политической ситуации была меньше запланированной.

⁸ Хрящева А.И. О работах отдела сельскохозяйственных переписей // Вестник статистики. 1920. № 1–4. С. 180–181.

приходится вести социалистическое строительство Советской Республики»⁹.

Сибревком, учитывая неподготовленность недавно вышедшего из Гражданской войны региона к проведению «всенародной переписи», обратился в СНК РСФСР с просьбой отложить ее. Однако ему отказали. В рамках подготовки к мероприятию были осуществлены учет находящихся на территории Сибири специалистов в области статистики и их мобилизация на государственную службу. Проводились курсы подготовки статистиков, привлекались работники из других сфер, в том числе учителя и земельные работники¹⁰. Велась активная агитационно-массовая кампания, в ходе которой крестьяне убеждались в необходимости переписи и предостерегались от дачи неверных показаний. *«В случае преуменьшения площади посева, скота и др[угих] сведений население останется в проигрыше, так как нельзя будет организовать ни правильной агрономической помощи, ни правильного распоряжения посевного материала, сельскохозяйственных машин, рабочих лошадей и т.д.»¹¹.*

Сельскохозяйственная перепись началась в сентябре, после завершения демографической переписи, и проводилась во всех губерниях Сибири, за исключением Якутии. Придать ей всеобщий характер не удалось. За рамками переписи по разным причинам осталось значительное число крестьянских хозяйств. В связи с этим А.И. Хрящева на III Всероссийской статистической конференции предложила обработку не всех опрошенных дворов, а их части. Выборка должна была составить 25 % от общего количества крестьянских дворов каждой губернии¹². Конференция ее поддержала. Отбор для обработки производился не отдельными дворами, а целыми селениями. По каждой волости отбиралось три селения: крупное, среднее и малое. В итоге выборка в Тюменской губернии составила 24,8 %, Новониколаевской – 25,0, Алтайской – 26,6, Томской – 28,9, Енисейской – 28,7, Иркутской (по русским крестьянским хозяйствам¹³) – 24,2 %¹⁴. Отметим, что при публикации

⁹ Советская Сибирь. 1920. 10 июля.

¹⁰ Там же. 13 июля.

¹¹ Там же. 25 авг.

¹² Вестник статистики. 1922. № 1–4. Приложение. III Всероссийская статистическая конференция. С. 34.

¹³ В Иркутской губернии также переписывалось бурятское сельское население, выборка по которому составила 84,7 %.

¹⁴ Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. С. 332–333.

итогов разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. приводились данные только по отобраным хозяйствам (нераспространенные).

С 1921 г. ЦСУ отказалось от всеобщих сельскохозяйственных переписей и перешло к выборочным опросам крестьянских хозяйств. В европейской части страны они стали проводиться в конце весны текущего года, после завершения ярового сева, поэтому получили общее неформальное наименование «весенних опросов». В Сибири в силу более позднего окончания весенней посевной кампании и логистических проблем выборочные переписи начинались позднее и иногда затягивались до июля.

Весной 1921 г. (в Сибири в конце мая – начале июня) отдел сельскохозяйственных переписей ЦСУ решил провести опрос отдельных крестьянских хозяйств с небольшой выборкой¹⁵ (так называемое тридцатидворное обследование). Описывались не целые селения, а отдельные дворы, определяемые механической выборкой¹⁶. Губернским статистическим бюро предлагалось по каждой волости опросить 30 дворов силами волостных статистиков, 30 дворов – командированными на места регистраторами (экспедиционным путем) и еще от трех до пяти дворов добровольными корреспондентами статистических органов. Однако сил и средств на организацию экспедиций во многих губерниях не хватило. В связи с этим опрос проводили волостные статистики, а там, где их не было, – волисполкомы, а также добровольные корреспонденты.

Опрос одновременно велся за два года: 1920 и 1921, на одних и тех же бланках по тем же дворам. Это позволяло установить коэффициенты изменений для отдельных уездов. Затем коэффициенты умножались на выявленные по итогам обработки переписи 1920 г. количественные показатели развития сельского хозяйства в уезде. Таким образом устанавливались параметры сельхозпроизводства 1921 г.¹⁷

В 1922 г. был проведен очередной выборочный весенний опрос крестьянских хозяйств. В выборку должны были попасть 3 % дворов. Вновь информация собиралась за 2 года и обрабатывалась

¹⁵ Первоначально планировалось проведение сельхозпереписи с 10%-й выборкой.

¹⁶ В последующие годы в выборку, как правило, попадали отдельные дворы. И лишь в местностях с преобладанием мелких селений, хуторов и заимок производился не подворный, а поселенный опрос. В отобранных селениях проходил сплошной подворный опрос.

¹⁷ Итоги весеннего опроса отдельных хозяйств по Екатеринбургской губернии в 1921 году. Екатеринбург, 1921. С. 1–3.

методом коэффициентов¹⁸. В 1923 г. от признанного недостаточно репрезентативным метода коэффициентов при исчислении большинства параметров хозяйственной состоятельности крестьян перешли к методу «среднего хозяйства» (см. выше)¹⁹. Опрос тем не менее в 1923 г. вновь велся за текущий и предыдущий год, но основная задача «удвоения» заключалась не в исчислении коэффициента изменения, а в получении данных, определенных по новому методу не только за текущий, но и за предыдущий год. При этом ставилась задача *«исправить исчисленную в 1922 г. по способу “коэффициентов”, посевную площадь, оказавшуюся сильно преуменьшенной»*. В Алтайской губернии установленная таким образом площадь посева за 1922 г. увеличилась на 19,1 % по сравнению с данными обработки весеннего опроса указанного года. В Новониколаевской губернии при обработке материалов опроса 1923 г. для определения общей посевной площади использовали метод среднего хозяйства, а для посева отдельных культур применялся его расчет по пропорции культур в опрошенных хозяйствах (см выше)²⁰.

С 1924 г. в рамках переписи текущего года прекратился сбор данных за прошедший год. При этом площадь полевого посева исчислялась по методу «среднего хозяйства», а усадебного – по методу переноса процентного соотношения его площади в опрошенных хозяйствах на генеральную совокупность²¹.

Требуемая ЦСУ выборка весенних опросов отдельных крестьянских хозяйств в 1923, 1924 и 1925 гг. составляла 5 %. В губерниях она могла быть меньше или больше запланированных

¹⁸ Статистический ежегодник. 1921 г. с присоединением некоторых сведений за 1922 г. М., 1922. Вып. 2. С. 419.

¹⁹ Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 12. С. 2; Весенний опрос отдельных крестьянских хозяйств весной 1923 года (Поездные итоги). Новониколаевск, 1923. С. 1. В постановлении коллегии ЦСУ от 20 декабря 1923 г. отказ от применения метода коэффициентов различия объяснялся следующим образом: *«Такой метод вообще не может применяться сколько-нибудь длительно. В частности, для современного момента возможность длительного применения этого метода ограничивается, во 1-х, возможным недоучетом переписью 1920 г. посевных площадей в отдельных губерниях, и во 2-х крайней изменчивостью посевных площадей за последние годы, особенно в местностях, пострадавших от неурожая»*. На результаты переписи 1920 г. указывалось в связи с тем, что они послужили основанием для расчетов посевных площадей в 1921 и 1922 гг. по методу коэффициентов (Вестник статистики. 1924. № 1–3. С. 174).

²⁰ Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 12. С. 2, 16; Весенний опрос ... С. 1.

²¹ Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. М., 1924. Вып. 1. С. 186; Статистический ежегодник. 1924 г. М., 1926. Вып. 1. С. 161.

параметров²². Их, как правило, осуществляли волостные, а с 1924 г. – районные статистики, в случае их отсутствия²³ – волостные или районные исполкомы, добровольные корреспонденты. Иногда роль добровольных корреспондентов была достаточно заметна. В 1923 г. в Алтайской губернии они заполнили анкеты 24 % опрошенных дворов. В том случае, если в губернском городе было достаточное число специалистов, опросы проводились преимущественно экспедиционным путем²⁴.

С 1926 г. выборка ежегодных сельхозпереписей выросла до 10 %. Это позволило практически полностью перейти к методу среднего хозяйства, отказавшись от применения переноса пропорций в опрошенных хозяйствах на их совокупность²⁵. Выборочные сельхозпереписи в 1926–1929 гг. проводились преимущественно экспедиционным методом. Их, как правило, осуществляли специальные регистраторы, командированные в деревню. В ряде районов Сибирского края к переписям привлекались районные статистики. В Ойротской автономной области обследование осуществляли аймачные статистики и добровольные корреспонденты.

В выборку весенних опросов также включались дворохозяйства жителей городских поселений, облагаемых сельскохозяйственным налогом. В 1928 г. в целях более репрезентативного выявления параметров сельхозпроизводства в городах процент опрошенных хозяйств увеличили до 20²⁶. Посадки сельхозкультур остальных горожан на городских землях в случае их наличия определялись на основании данных горсоветов.

Помимо крестьянских и иных индивидуальных хозяйств производством сельскохозяйственной продукции в 1920-е гг. занимались государственные и кооперативные хозяйства. Основной формой госхозов были совхозы, коопхозов – колхозы. Вклад го-

²² Выборка сельхозпереписи 1924 г. в Алтайской, Иркутской, Енисейской, Новоиколаевской, Омской и Томской губерниях составляла 4,5, 4,3, 6,3, 4,6, 5,0, 5,6 % соответственно, в Ойротии – 4,0 %, в Сибири в целом – 5,0 % (Статистический бюллетень. Сибирское статистическое управление. 1924. № 1. С. 2).

²³ В Алтайской губернии на 1 сентября 1923 г. штаты волостных статистиков были заполнены лишь на 55 %; 15,7 % волстатистиков были самоучками, 75,7 % – закончили «низшую» школу (Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1923. № 14. С. 15).

²⁴ Там же. № 12. С. 2; 1924. № 20. С. 2; Весенний опрос ... С. 1.

²⁵ Пропорциональный метод распространения применялся лишь при исчислении сельскохозяйственного инвентаря и определении параметров найма рабочей силы (Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. XI).

²⁶ Статистический бюллетень. Сибирский статистический отдел. 1928. № 13/14. С. 241.

сударственного и кооперативного секторов аграрной экономики в сельхозпроизводство на протяжении 1920-х гг. постоянно менялся, но в целом был незначительным²⁷. На рубеже 1910–1920-х гг. в рамках сельхозпереписей параллельно с крестьянскими хозяйствами проводилась перепись колхозов и совхозов. Однако результаты опросов последних подводились отдельно. В середине десятилетия учет количественных показателей развития совхозов и колхозов осуществлялся преимущественно на основе ведомственной отчетности, а также налогового учета.

В конце 1920-х гг. в связи с принятием ВКП(б) курса на производственное кооперирование сельского хозяйства активизировался специальный статистический мониторинг коллективных и государственных хозяйств. В 1927 г. ЦСУ провело первую перепись колхозов. Однако она проводилась по методикам традиционных выборочных переписей. Значительное внимание в ее рамках уделялось фиксации хозяйственной состоятельности входящих в коллективные хозяйства дворов. Подобный подход был признан политически не состоятельным.

В 1928 г. ЦСУ изменило методику проведения переписи. Учитывалось как обобществленное, так и необобществленное хозяйство. В целом по СССР перепись охватила 33,1 тыс. колхозов и 415,6 тыс. входящих в них крестьянских дворов. При этом в число коллективных хозяйств также включались машинные товарищества. В 1929 г. основное внимание уделялось переписи колхозного имущества. Переписывались только коммуны, сельхозартели и товарищества по совместной обработке земли. Их общее число составило 58,4 тыс. Только в 25 % из них опросили дворы, в них входящие²⁸. Результаты сплошных обследований колхозов в 1928 и 1929 гг. были опубликованы в ряде региональных и общесоюзных статсправочников²⁹. В конце 1920-х гг. также осуществлялись специальные обследования совхозов.

В конце 1920-х гг. расширились масштабы оперативного учета посевных площадей, который стал восприниматься властями как один из основных каналов получения информации. До этого сбор

²⁷ По официальным данным доля колхозов в общей площади посевов в Сибири (в территориальных рамках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев) в 1929 г. составляла 5,5 %, совхозов – 1,8 % (Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 246–247, 256).

²⁸ Коллективизация советской деревни. Предварительные итоги сплошных обследований 1928 и 1929 гг. М., 1929. С. 3.

²⁹ См.: Там же; Статистические материалы о колхозах Сибкрая. Новосибирск, 1930; Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931; и др.

и передача статистическим органам оперативных данных о ходе и итоге озимого и ярового сева возлагалась на добровольных (статистических) корреспондентов. Однако полученная от них информация воспринималась как вспомогательная. С 1928 г. в СССР стали проводить «ударные» посевные кампании. Накануне кампаний принимались общерегиональные планы по расширению посевных площадей, которые затем разверстывались на районы и сельсоветы. Контроль за их выполнением возлагался на партийные комитеты, а сбор и обработка материалов о количественных показателях сева – на земельные органы³⁰. В 1929 г. в Сибирском крае первичные подекадные данные с начала мая по середину июня собирались секретарями сельсоветов и передавались в районные, затем окружные земельные отделы и в конечном итоге поступали в крайземууправление. На основании обработки окружных отчетов там исчислялись общекраевые итоги весеннего сева.

ПОПРАВКИ НА НЕДОУЧЕТ ПОСЕВОВ

Одной из традиционных поведенческих практик российского крестьянства, как и иных категорий налогоплательщиков, является утайка части своего имущества от налогообложения. Сверхнормативное обложение крестьян советским государством в рамках продразверстки создало условия для расширения масштабов сокрытия объектов обложения. Относительное снижение тяжести налогового гнета в условиях нэпа ситуацию принципиально не изменило. Несмотря на то, что сокрытие объектов обложения от учета налоговыми органами преследовалось в административном и уголовном порядке, массовый недоучет фиксировался в ходе всех налоговых кампаний 1920-х гг. В той или иной мере от налогового учета утаивались все объекты обложения без исключения. В Сибири чаще всего скрывался посев. Этому способствовала специфика крестьянского землепользования: сохранившийся на части территории региона его вольно-захватный характер, связанная с многодворностью сибирских деревень удаленность многих земельных наделов в степной и лесостепной зонах, наличие еще более удаленных заимок в подтаежной и таежной зонах, паро-залежная система земледелия. Все это затрудняло проверку правильности показаний крестьян, тем более что некоторые из них имели землю на территории соседних сельсоветов и даже районов.

³⁰ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

Соблазн утайки создавал и заявительный характер учета объектов обложения. Так, житель с. Родино Славгородского округа Китц говорил: «Записал я 7 десятин, ну а по посеву было десятин 10–11. Записывали добровольно, ну а кто же сам себе враг?»³¹. Аналогичной логике придерживались крестьяне и в ходе заполнения анкет выборочных сельскохозяйственных переписей (см. ниже).

Применялись различные методы повышения достоверности фискального учета. После окончания учетной кампании финансовые органы в обязательном порядке проводили выборочную проверку показаний налогоплательщиков в отдельных селениях, число хозяйств в которых должно было составлять не менее 1 % от их общего количества в округе. В том случае, если результаты учета вызывали сомнение, масштабы проверки увеличивались вплоть до сплошной³². Так, в 1924 г. налоговые органы Иркутской губернии провели переучет практически во всех крестьянских хозяйствах Верхоленского уезда, в ходе которого дополнительно выявили 3,4 тыс. дес., что увеличило результаты первичного налогового учета на 11 %³³.

В 1927 г. в ходе контрольного обмера посевных площадей (см. ниже) его результаты сверили с налоговыми списками, в результате был выявлен значительный недоучет. В предисловии к публикации итогов обработки выборочной сельхозпереписи 1927 г. в Сибирском крае были представлены сравнительные данные по 8 селениям, в которых проводился обмер. Во всех них площадь посева, выявленная по обмеру, превышала данные налоговой статистики (от 18,0 до 50,9 %). Средний недоучет составлял 31 %³⁴.

В отличие от фискального учета, полученные при обработке выборочных переписей показатели изначально считались вполне репрезентативными. Однако с середины 1920-х гг. при публикации материалов сельхозпереписей данные о посевных площадях в крестьянских хозяйствах стали корректироваться повышательными поправочными коэффициентами, введение которых связывалось с преуменьшением респондентами размеров посевов в своих хозяйствах.

Крестьяне не видели разницы между выявлением размеров их хозяйств в рамках сельхозпереписи или налогового учета и утай-

³¹ Родинский район Славгородского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927. С. 19.

³² Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 189.

³³ Там же. С. 190.

³⁴ Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году ... С. XV.

вая часть своего посева от переписчиков, полагая, что это приведет к снижению тяжести обложения их хозяйства. Формально тот и другой учет связаны между собой не были. Однако на практике определяемые финансовыми органами размеры налогообложения губерний, уездов, волостей (округов, районов) и сельсоветов и хозяйственные ставки в целом коррелировались с результатами весенних обследований. Кроме того, их итоги постоянно сравнивались с результатами налогового учета. В том случае, если данные последнего оказывались заметно ниже, следовали массовая проверка показаний налогоплательщиков и влекущее за собой репрессии выявление недоучтенного посева. И крестьяне этого не могли не заметить.

По мнению заведующего отделом текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ Н.И. Дубенецкого, *«население очень хорошо понимает связь статистики с налоговой работой»*³⁵. Объясняя факт недоучета, составители «Сборника статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» писали: *«В данное время население во всех проводимых статистическими органами и другими ведомствами обследованиях, учетах и т.д. видит налоговые цели и всячески старается умалить ту часть своего хозяйства, которая, по его мнению, является объектом налоговых тягот и которая в то же время наиболее легко подвергается сокрытию»*³⁶. Легче всего было скрыть посев (см. выше).

В статистической литературе приводились многочисленные факты зафиксированного специалистами сокрытия истинных размеров посевной площади респондентами, в том числе в дореволюционный период. В 1910 г. в Полтавской губернии, по данным повторного, более тщательного выборочного подворного опроса крестьянских хозяйств, выявленный недоучет посевов составил 12,8 %. Последовавшее за сплошной сельхозпереписью 1916 г. в ряде губерний европейской части страны выборочное повторное обследование, которое осуществлялось *«квалифицированным персоналом, особо тщательно, с принятием максимума мер для получения особо точных результатов»*, зафиксировало недоучет в 7 из 8 охваченных проверкой губерний³⁷.

³⁵ Бюллетень ЦСУ. 1925. № 97. С. 79.

³⁶ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 464.

³⁷ Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1921. Вып. 1. С. 27–28. Приводя пример Полтавской губернии, автор помещенного в сборник материала Д. Мерхалев сослался на «Статистический вестник» (1916/1917. № 1/2). В случае с переписью 1916 г. отсылка на первоисточник отсутствует.

В советский период масштабы сокрытия возросли. Представитель Новгородского губернского статистического бюро Д.В. Верхопятницкий, выступая на состоявшейся в январе 1921 г. III Всероссийской статистической конференции, указал на неточность данных о посевных площадях, установленных в рамках сельскохозяйственной переписи 1920 г. *«Полученные по Новгородской губ[ернии] сведения о посевах не дают возможности сделать выводы не только об общей величине посевной площади, но они не дают даже картины распределения посевов. Факты показывают, что нынче перепись и регистрация посевов происходила в невероятных условиях. Так, нередко на сходах обсуждался вопрос, какие сведения давать, и в большинстве случаев регистраторам удавалось повлиять на слушателей в том смысле, что необходимо давать верные сведения, но, в конце концов, сведения давались все-таки в искаженном виде, так как они были нужны для волисполкомов для проведения разверстки. Кроме того, население часто следило за регистраторами и сплошь и рядом они не могли писать цифр, которые считали наиболее подходящими»*. По мнению Верхопятницкого, недоучет посевных площадей по переписи 1920 г. составляет 35–40 %³⁸.

В Орловской губернии в 1922 г. разница между результатами весеннего опроса и контролирующими его данными земельной переписи достигла 20 %³⁹. На недостоверность сообщаемых крестьянами в ходе выборочных переписей сведений о посевах указывала известный статистик А.И. Хрящева, предлагающая в этой связи усовершенствовать методику сбора информации и ее проверки⁴⁰.

В Сибири недостаточно полным считался учет посевных площадей сельскохозяйственной переписью 1920 г. Проводилась она спешно, подготовка переписчиков была минимальной. Кроме того, их деятельность, совпавшая с началом продрозверстки, встретила *«не вполне доброжелательное отношение»* со стороны крестьян. *«Деревня связала ее с фискальными задачами»*. В Иркутской губернии за 2 месяца до начала переписи 1920 г. проводилась предварительная выборочная сельхозперепись. В ее рамках обследовалось 10 % хозяйств из попавших в выборку основной. Сравнение полученных сведений показало превышение результатов первой переписи по размерам посева на 13,8 %. Осуществлявшие ее пере-

³⁸ Вестник статистики. 1922. № 1–4. Приложение. III Всероссийская статистическая конференция. С. 35.

³⁹ Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75.

⁴⁰ Вестник статистики. 1924. № 7–9. С. 142.

писчики были более подготовленными, а проходила она еще до объявления разверстки⁴¹.

Вышеперечисленные дублирующие обследования доказывали факт сокрытия крестьянами истинных размеров засеянной ими пашни при проведении всеобщих и выборочных переписей. Однако все они имели локальный характер. Сопоставление по одноименным крестьянским хозяйствам карточек весенних опросов с материалами начатых в 1923 г. систематических бюджетных обследований⁴² предоставило специалистам географически более представительный массив информации о недоучете. При этом общепризнанным являлось то, что бюджетные обследования точнее регистрировали размеры посевных площадей, так как они проводились тщательнее, медленнее и более квалифицированным персоналом, чем «мимолетные» весенние опросы. Более высокой являлась и «правдивость» владельцев бюджетных хозяйств⁴³.

Дальнейшая работа с материалами крестьянских бюджетов показала, что искренность владельцев обследуемых дворов не была абсолютной. Так называемая проверка балансовым методом, которая заключалась в приведении сообщаемых респондентами сведений в соответствие с зафиксированными по итогам бюджетного года показателями прихода и расхода продукции растениеводства, выявила занижение истинных размеров посева⁴⁴.

Для исчисления величины поправок по результатам сравнения весенних опросов и бюджетных обследований применялась следующая методика. Попавшие в сравнительную выборку хозяйства делились по посевным группам. По каждой из групп отдельно подсчитывался количественный размер недоучета (в десятинах). Затем этот показатель распространялся (умножался) на число хозяйств соответствующей посевной группы, попавших в выборку весенне-

⁴¹ Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. С. 29.

⁴² До 1923 г. сбор бюджетов крестьянских дворов проводился нерегулярно, по разным методикам и не охватывал всю территорию страны (См.: *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 30–37).

⁴³ См.: Бюллетень ЦСУ. 1925. № 97. С. 79; Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года по Сибирскому краю. Новосибирск, 1926. С. VIII; *Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 21; Вестник статистики. 1928. № 5. С. 8; и др.

⁴⁴ По 1924 г. разница между первичными показателями бюджетного обследования и данными, определенными после их балансовой проверки, в Потребляющей полосе составила +10,3 %, в Центрально-Черноземной области – +5,7, на Урале – +12,2, в Волжско-Камском районе – +5,6 % (*Обухов В.М.* Поправки к посевным площадям 1925 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 8).

го опроса. Сумма распространенных показателей по всем группам составляла валовой размер недоучета, после подсчета которого определялись его относительные величины в процентах. Данный поправочный коэффициент принимался для всей генеральной совокупности⁴⁵.

При сопоставлении карточек выборочных сельхозпереписей и бюджетных обследований были зафиксированы различия в величинах сокрытия отдельных культур. Технические культуры давали больший недоучет, чем зерновые. По основным зерновым культурам максимальным был уровень сокрытия площадей, занятых пшеницей, минимальным – рожью⁴⁶.

Используя крестьянские бюджеты для установления общего размера недоучета, специалисты, тем не менее, считали, что в данном случае в силу фиксации базовых результатов по относительно небольшой выборке⁴⁷ они недостаточно репрезентативны. В связи с этим с 1925 г. в разных регионах СССР стали проводиться специальные контрольные обмеры посевных площадей. В 1925 г. обмер проводился на Северном Кавказе, в 1926 г. – на Украине, Урале и в Сталинградской губернии, в 1927 г. – в Украинской ССР, Северо-Кавказском крае, Сталинградской, Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской губерниях, Башкирии, Казахстане и АССР Немцев Поволжья, а также в Сибирском крае⁴⁸.

Центральное статистическое управление предложило Сибкрайстатотделу в 1927 г. организовать обмер 109,3 тыс. га посева в юго-восточных округах края. Крайстатотдел в целях получения более репрезентативного материала для оценки среднерегionalной поправки на недоучет решил провести обмер и в ряде северовосточных округов. При этом площадь обмера в силу недостаточности отпущенных ЦСУ средств пришлось снизить до 80 тыс. га. *«По признаку хлебопроизводительности округов, а также по признаку недоучета посевных площадей статорганами, установленного в порядке сопоставления одних и тех же хозяйств по весеннему опросу и бюджетным исследованиям»*, для обмера отобрали 9 округов (Омский, Славгородский, Каменский, Новосибирский, Барнаульский, Бийский, Томский, Ачинский и Минусинский).

⁴⁵ См.: Там же. С. 9; Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года ... С. VIII.

⁴⁶ Вестник статистики. 1928. № 5. С. 15; Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР ... С. 22.

⁴⁷ В Сибирском крае в 1926 г. сопоставлялись показания по 443 дворам, что составляло немногим более 0,3 % от числа хозяйств, обследованных в ходе весеннего опроса.

⁴⁸ Вестник статистики. 1928. № 9. С. 105.

Обмер осуществлялся не у отдельных дворохозяев, а в целых селениях. В выборку должны были попасть селения, разные по размерам (крупные, средние, мелкие) и расположенные в различных природно-географических зонах округа. В отобранных земельных обществах провели предварительную сплошную перепись всех хозяйств по бланкам весеннего выборочного обследования 1927 г. Недоучет посевных площадей выявили во всех селениях, в которых провели обмер. По его итогам специалисты крайстатотдела сделали следующий вывод: *«Недоучет не только велик, но колоссален»*⁴⁹.

В 1928 г. в Сибири вновь провели контрольный обмер. Операция также была осуществлена в Казахстане, Ленинградской области, Московской, Нижегородской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Вятской, Ульяновской, Саратовской и Сталинградской губерниях. Контрольные обмеры по сравнению с бюджетными обследованиями выявили еще больший недоучет посевных площадей⁵⁰. В силу недостатка квалифицированных землемеров и их загруженности землеустроительными работами обмеры проводились по посевам в целом, без их подразделения по культурам.

Руководители ЦСУ с самого начала функционирования ведомства о недоучете посевных площадей знали. Однако они долгое время были противниками внесения поправок в итоговые результаты сельхозпереписей. Выше упомянутый Д.В. Верхопятницкий на III Всероссийской статистической конференции предложил перед публикацией материалов сельскохозяйственной переписи внести в них исправления. Управляющий ЦСУ П.И. Попов отклонил это предложение. Сомнений в неточности данных о посевных площадях у него также не было. Но, по его мнению, *«в неточностях заключается социальная закономерность, отражающая данную эпоху»*. Более того, даже неточные данные в целом репрезентативно отражают тенденции развития сельского хозяйства страны⁵¹.

Однако в 1924 г. ситуация изменилась. Позицию ЦСУ резко критиковали специалисты Госплана В.Г. Громан, Н.М. Вишне-

⁴⁹ Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году ... С. XIV–XVI.

⁵⁰ В 1926 г. результаты бюджетного обследования в степных округах Северо-Кавказского края превышали данные весеннего опроса на 13,3 %, а контрольного обмера – на 21,4 %, в Сталинградской губернии – на 29,8 и 38,0 %, в Зауралье – на 32,8 и 34,5 % соответственно (Вестник статистики. 1928. № 5. С. 14).

⁵¹ Вестник статистики. 1922. № 1–4. Приложение. С. 36.

ский, С.Г. Струмилин, которые полагали, что недоучет в посевных площадях влечет за собой ошибки при составлении хлебофуражного баланса страны⁵² (см. гл. 3). К критике ЦСУ присоединилась комиссия ЦК РКП(б) «О работе в деревне»⁵³. Коллегия ЦСУ приняла решение о ретроспективном внесении поправок на недоучет в общероссийские данные о площадях посева за 1920, 1921, 1922 и 1923 гг. в размере 16 %⁵⁴.

В дальнейшем были исчислены порегиональные поправки. В 1926 г. вышел подготовленный специалистами отдела текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ сборник «Население, посевы, скот, птица и сел[ьско]-хозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг.»⁵⁵. Принятые в нем поправки на недоучет посевов в зависимости от региона варьировались в пределах 15–20 % (для Сибири – 20 %). Составители сборника также внесли поправку в размере 5 % в данные о посевных площадях крестьянских хозяйств в 1916 г.

Расширение источниковой базы приводило к постоянному изменению методики определения величин недоучета. В начале 1920-х гг. она, как правило, устанавливалась на основе экспертных оценок; в середине – по итогам сравнения весенних опросов и бюджетных обследований; в конце десятилетия – с упором на результаты контрольных обмеров. В ряде случаев использовались материалы дублирующих переписей, налогового учета, местных хлебофуражных балансов. По мере совершенствования методики, поступления и обработки нового материала ранее принятые величины поправок пересматривались.

С 1926 г. определение поправочных коэффициентов на недоучет посевов в целом по стране было сосредоточено в утвержденном постановлением СТО Экспертном совете по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР при ЦСУ⁵⁶. Первые результаты его работы были обнародованы в начале 1927 г. Принятые для СССР поправки на недоучет посевов зерновых составляли для 1925 г. 22,1 %, для 1926 г. – 18,2 %⁵⁷. Помимо общего

⁵² См.: *Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4/5. С. 60–64.

⁵³ См.: Крестьянское хозяйство за время революции. М., 1923. С. 103–104.

⁵⁴ *Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики. С. 63.

⁵⁵ Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. М., 1926.

⁵⁶ СЗ СССР. 1926. № 48. Ст. 353.

⁵⁷ *Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР ... С. 22.

поправочного коэффициента для всех зерновых обнародовались поправки по отдельным культурам⁵⁸.

В 1928 г. специалисты Экспертного совета пересмотрели поправочные коэффициенты зерновых культур для 1925 и 1926 гг. в сторону повышения. Для СССР в целом они составляли 23,2 и 20,5 % соответственно. Одновременно публиковалась предварительная поправка по 1927 г. – 14,0 %⁵⁹. В дальнейшем работа по корректировке уже принятых поправок и их ретроспективного определения для предыдущих лет продолжалась.

В 1929 г. вышли в свет статсборники «Статистический справочник СССР за 1928 г.» и «Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.», которые содержали аналогичные сведения о посевных площадях. По нашим расчетам⁶⁰, внесенные в них поправочные коэффициенты на недоучет всех посевных площадей в крестьянских хозяйствах СССР составляли для 1925 г. 24,3 %, для 1926 г. – 20,8, для 1927 г. – 18,2 %⁶¹. При этом особые поправки для отдельных культур составителями сборников не вносились.

Опубликованные уже в следующем десятилетии статистические материалы позволили нам рассчитать определенные в 1929 г. величины поправок для 1923 и 1924 гг. – 27,7 и 26,4 % соответственно⁶². В силу отсутствия данных о размерах посевных площадей, «освобожденных» от поправок, величину установленных в 1929 г. Экспертным советом общесоюзных повышательных поправочных коэффициентов для 1920–1922⁶³ и 1928–1929 гг. нам рассчитать не удалось.

⁵⁸ Общесоюзные поправки на 1925 г. для озимой ржи составляли 16,5 %, для яровой ржи – 21,6, для яровой пшеницы – 31,1, для овса – 21,2, для проса – 18,8, для гречихи – 28,6 %. Для Сибири по данным культурам поправки равнялись 20,6, 14,7, 38,2, 38,2, 42,5 и 39,7 % соответственно; *Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР ... С. 22.

⁵⁹ *Обухов В.М.* Поправки к посевным площадям 1925 г. С. 16.

⁶⁰ Здесь и далее поправочный коэффициент рассчитывается нами в том случае, если в источнике не указана его величина, а также не приводятся исходные данные, которые затем были увеличены.

⁶¹ Рассчитано: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 176–177; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. Итоги с[ельско]-х[озяйственной] переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-х обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М., 1930. С. 14; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.: Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 171–173; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 160.

⁶² Рассчитано: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 176–177; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 14.

⁶³ Возможно, что Экспертный совет новых поправочных коэффициентов для 1920–1922 гг. не устанавливал.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что поправочные коэффициенты периодически пересматривались в сторону повышения. При этом в каждом из приведенных вариантов их публикации поправки последующего года были, как правило, ниже, чем для предыдущего. Снижение их величин применительно ко второй половине 1920-х гг. объяснялось специалистами совершенствованием методики проведения выборочных переписей и повышением квалификации переписчиков⁶⁴.

Следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. в ряде статистических сборников публиковались данные о посевных площадях без учета поправок. Это могло быть вызвано отсутствием установленных для того или иного года поправочных коэффициентов. Составители сборника «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР...», который был издан в 1930 г., но начал готовиться в 1927 г., убрали из набора таблицу с данными о посевных площадях с учетом поправок, поскольку их величины уже не соответствовали новым поправочным коэффициентам Экспертного совета⁶⁵.

«Плавающий» характер поправочных коэффициентов также можно продемонстрировать на сибирских материалах. В Сибири впервые на необходимость внесения поправок в итоговые данные выборочных сельскохозяйственных переписей указал профессор Д. Мерхалев, считавший, что сведения весеннего опроса крестьянских хозяйств 1921 г. о размерах посевов не менее чем на 1/5 ниже действительных⁶⁶.

В конце 1924 г. Алтайское губстатбюро подготовило докладную записку о состоянии сельского хозяйства губернии за 1916–1924 гг., в которой данные о посевных площадях приводились с учетом поправок, составлявших по 1916 и 1917 гг. – 15 %, 1920 г. – 20, 1921 г. – 68, 1922 г. – 57, 1923 г. – 41, 1924 г. – 31 %⁶⁷. Летом 1925 г. работники Сибстатуправления при определении предполагаемого хлебофуражного баланса региона на текущий год внесли в данные о посевных площадях за 1924 г. поправку на недоучет, составившую, по нашим расчетам, 23,6 %⁶⁸.

⁶⁴ См.: *Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР ... С. 21; *Обухов В.М.* Поправки к посевным площадям 1925 г. С. 16.

⁶⁵ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. III.

⁶⁶ Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 1. С. 30.

⁶⁷ Алтай в восстановительный период: сб. документов. Барнаул, 1960. С. 320.

⁶⁸ Рассчитано: Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы к перспективному плану. С. 102; ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 34.

В 1926 г. вышло в свет издание Сибкрайплана «Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 г.», в котором сведения о размерах посевных площадей в 1923, 1924 и 1925 гг. корректировались с учетом поправочных коэффициентов, составлявших соответственно 32,2, 24,9 и 26,0 %. Предварительная поправка на 1926 г. равнялась 15 %⁶⁹. В опубликованном в конце того же года сборнике крайстатотдела «Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года» для данной переписи вводилась уточненная поправка – 16,7 %⁷⁰. В следующем году крайстатотдел издал «Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю». Помимо поправочных коэффициентов за 1923, 1924, 1925 и 1926 гг. (32,2, 24,9, 26,0 и 16,7 %), его составители ввели поправки для предыдущих лет: для 1916 и 1917 гг. – 10 %, 1920 г. – 15,0, 1921 г. – 25,0; 1922 г. – 37,2 %⁷¹. Окружные поправочные коэффициенты устанавливались только за 1924, 1925 и 1926 гг. (табл. 1.1). Величина поправок за эти три года рассчитывалась по методике сопоставления материалов весенних опросов и бюджетных обследований по посевным группам (см. выше). По нашей оценке, проверка бюджетных данных балансовым методом при этом не проводилась.

Результаты выборочной сельхозпереписи 1927 г. были готовы к публикации еще до завершения обработки материалов проводимого в том же году в Сибири контрольного обмера посевных площадей (см. выше). Соответственно не были закончены работы по определению поправочных коэффициентов. Тем не менее руководство подотдела сельхозстатистики крайстатотдела сочло возможным издать сборник по итогам переписи. При этом его составители заявили, что поскольку *«пользоваться данными выборочного обследования текущего года без поправок нельзя»*, они *«временно сохранили размер поправок на недоучет посевных площадей 1927 года на уровне 1926 года»*⁷². В 1928 г. в аналогичной ситуации материалы переписи опубликовали вообще без поправок⁷³.

⁶⁹ Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 г. Новосибирск, 1926. С. 107.

⁷⁰ Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года ... С. 182. Составители сборника специально оговорили, что до его издания все материалы крайстатотдела о посевных площадях публиковались без учета поправок на недоучет (Там же).

⁷¹ Сборник статистико-экономических сведений ... С. 465.

⁷² Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году ... С. XVI.

⁷³ Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. С. VI.

Таблица 1.1

Поправки на недоучет посева в округах Сибири в 1924–1926 гг., %

Округ	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Тарский	+39,4	+31,7	+20,0
Омский	+39,4	+31,7	+17,0
Барабинский	+29,7	+26,0	+17,0
Славгородский	+39,4	+31,8	+17,0
Каменский	+22,1	+25,0	+17,0
Новосибирский	+22,1	+25,0	+17,0
Барнаульский	+30,0	+29,3	+19,0
Рубцовский	+30,0	+29,3	+18,0
Бийский	+30,0	+29,3	+18,0
Томский	+15,5	+17,2	+14,0
Ачинский	+16,4	+41,8	+21,0
Красноярский	+14,1	+18,3	+17,0
Кузнецкий	+15,5	+17,2	+12,0
Хакасский	+14,1	+25,7	+15,0
Минусинский	+14,1	+22,5	+17,0
Канский	+14,1	+20,7	+15,0
Тулунский	Не рассчитано	Не рассчитано	+10,0
Иркутский	+13,1	+11,5	+10,0
Киренский	Не рассчитано	Не рассчитано	+10,0
Ойротская автономная область	+18,1	+25,7	+10,0

Источник: Сборник статистико-экономических сведений ... С. 465–466.

Примечание. В графе «1925 г. Ачинский округ» возможна опечатка. Обозначенный там поправочный коэффициент, на наш взгляд, является завышенным.

В мае 1929 г. в Сибкрайплане была завершена подготовка подборки материалов «Статистические сведения о народном хозяйстве Сибирского края за 1925–1928 гг.»⁷⁴. Введенные в нее поправки на 1925 г., по нашим расчетам, были увеличены до 39,3 %, на 1926 г. – до 23,1, а на 1927 и 1928 гг. были установлены в размере 18,4 и 14,5 % соответственно⁷⁵. При их корректировке по 1925 и 1926 гг. учитывались материалы балансовой проверки бюджетных материалов, а также экстраполированные результаты контрольно-

⁷⁴ ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1105. Л. 7. Материалы Сибкрайплана выявлены и введены в научный оборот нами: *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 88.

⁷⁵ Рассчитано: Там же; Сборник статистико-экономических сведений ... С. 38.

го обмера посевных площадей 1927 г. Авторы «Контрольных цифр народного хозяйства Сибирского края на 1929-30 г.», «не располагая никакими источниками» для определения поправки на 1929 г., «в экспертном порядке» приняли для этого года поправку, ранее рассчитанную для 1928 г., – 14,5 %⁷⁶.

В 1930 г. вышел статсправочник «Сибирский край», в котором приводились сведения о размерах посевных площадей в регионе за 1927, 1928 и 1929 гг. Принятые его составителями поправки на недоучет посевов в крестьянских хозяйствах повторяли вышеуказанные и составляли по 1927 г. 18,4 %, по 1928 и 1929 гг. – 14,5 %⁷⁷. Мы не исключаем, что поправочный коэффициент на 1929 г. в статсправочнике не был просчитан специально, а принят на уровне предыдущего года.

Следует отметить, что сибирские статистики, в целом опираясь на разработанную московскими коллегами методику определения поправок, были самостоятельны в конкретных расчетах. Ни один из установленных ими поправочных коэффициентов не дублировал величин, опубликованных в центральных изданиях. При этом поправки местных специалистов (см. выше) уступали «центральному». Так, принятые в 1927 г. Экспертным советом поправки на недоучет посевов зерновых в Сибири равнялись для 1925 г. 34,0 %, для 1926 г. – 17,5 %, исчисленные в 1928 г.: для 1925 г. – 32,9 %, для 1926 г. – 22,5 %, для 1927 г. – 22,2 %⁷⁸. Рассчитанные нами итоговые поправки Экспертного совета для всех посевных площадей Сибирского края составляли для 1925 г. 44,1 %, для 1926 г. – 32,7, для 1927 г. – 29,8, для 1928 г. – 24,4 %⁷⁹.

В помещенном во введении историографическом очерке мы указывали на позицию И.В. Кочеткова, который полагает, что внесение в официальные статистические источники поправок на недоучет посевов абсолютно не обоснованно и является «откровенной фальсификацией». Выше мы, основываясь в том числе и на эмпирических материалах, попытались доказать, что крестьяне-респонденты скрывали от переписчиков истинные размеры засеянной ими пашни. Помещенный далее материал позволяет, по крайней мере на сибирском материале, опровергнуть еще один тезис И.В. Кочеткова, полагающего, что распространенные итоги весенних сель-

⁷⁶ Жизнь Сибири. 1929. № 7/8. С. 31.

⁷⁷ Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 277, 329.

⁷⁸ Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР ... С. 22; Обухов В.М. Поправки к посевным площадям 1925 г. С. 16.

⁷⁹ Рассчитано: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 21; Сибирский край. С. 277; Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг. ... С. 178.

хозпереписей нужно «освободить» не только от поправочных коэффициентов, принятых центральными статистическими органами, но и от оставленных по недосмотру или умыслу последних «местных» поправок, которые уже присутствовали в материалах, поступивших из регионов в Москву. По мнению И.В. Кочеткова, «данные по тем районам, по которым ЦСУ (речь идет об отделе текущей сельхозстатистики ЦСУ. – В.И.) не вносило собственных поправок, сохранив “местные”, Экспертный совет воспринял как “неоправленные”»⁸⁰.

Во-первых, отметим, что «глухой стеной» между отделом текущей статистики ЦСУ и созданным **при ЦСУ** Экспертным советом не было. Более того, совет, не обладая собственным аппаратом, опирался в своей работе на специалистов соответствующих отделов ЦСУ⁸¹. Во-вторых, сравнение «освобожденных» от поправок данных Сибкрайстатотдела с помещенными в сборнике ЦСУ «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР» сведениями, которые также не учитывали поправочных коэффициентов, показывает высокую степень их идентичности (максимальная разница – 0,8 %) ⁸².

Наша убежденность в необоснованности базовых посылок критиков необходимости внесения поправок на недоучет посевных площадей в крестьянских хозяйствах не означает признания абсолютной корректности не только промежуточных, но и окончательных вариантов поправочных коэффициентов.

Отметим, что полученные на основе специальных обследований и переписей сведения о посевах в коллективных и государственных хозяйствах считались достаточно точными, и поправки в них до конца 1920-х гг. не вносились. Однако относительно большая достоверность материалов обследований колхозов не означает отсутствия несопоставимых данных в их итоговых разработках. Так, в 1928 и 1929 гг. к колхозам относили машинные товарищества и иные «простейшие» производственные кооперативы, имеющие обобщественное имущество, с 1929 г. – только коммуны, сельхозартели и ТОЗы.

⁸⁰ Кочетков И.В. *Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд.* М., 2000. С. 88.

⁸¹ Согласно утвержденному СТО 25 мая 1926 г. Положению об Экспертном совете при ЦСУ по оценке хлебофуражного производства и по определению хлебофуражного баланса СССР «*Экспертный совет особого технического аппарата не образует и для своих работ пользуется аппаратом Центрального Статистического Управления Союза ССР*» (СЗ СССР. 1926. № 48. Ст. 353).

⁸² Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 14.

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1920–1929 гг. ИТОГИ ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ 1930 г.

Постоянное изменение поправочных коэффициентов на недоучет посевов привело к тому, что в изданиях рубежа 1920–1930-х гг. отсутствуют относительные протяженные годовые ряды динамики посевных площадей в СССР в 1920-е гг. Как правило, презентация изменений ограничивается двумя-тремя годами. Это затрудняет их использование для выявления основных тенденций развития сельского хозяйства в условиях нэпа. Первый сплошной годовой ряд динамики площадей посевов в СССР за 1921–1929 гг. во всех категориях хозяйств был помещен в опубликованном в 1932 г. статистическом справочнике ЦУНХУ Госплана СССР «Народное хозяйство СССР»⁸³. В вышедшем в 1934 г. статистическом ежегоднике ЦУНХУ «Социалистическое строительство СССР» он был дополнен сведениями за 1913 и 1920 гг.⁸⁴ Данный ежегодник обычно использовался исследователями для реконструкции динамики сельхозпроизводства в стране в 1920-е гг.⁸⁵

Мы полагаем, что сведения о посевных площадях в этих изданиях приводятся с учетом установленных Экспертным советом поправочных коэффициентов на недоучет посевов. В то же время отметим различия между данными, опубликованными в них и в изданиях конца 1920-х гг. Так, в статсборнике «Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.» указаны следующие показатели общей посевной площади и площади посева зерновых культур во всех категориях хозяйств: в 1927 г. – 114,5 и 96,6 млн га, в 1928 г. – 115,0 и 94,3 млн га⁸⁶, а в вышеупомянутых статсборнике «Народное хозяйство» и ежегоднике за те же годы: 112,4 и 94,7 и 113 и 92,2 млн га соответственно⁸⁷ (табл. 1.2). Однако эти различия связаны не с установлением новых поправок, а с изменением методики подсчета посевных площадей. В одном случае приводятся

⁸³ Народное хозяйство СССР: статистический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 121.

⁸⁴ Социалистическое строительство СССР. 1934. М., 1934. С. 176–177.

⁸⁵ См.: *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 91; *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 58, 335, 477; История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. С. 201, 339; и др.

⁸⁶ Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. ... С. 170.

⁸⁷ Народное хозяйство СССР. 1932. С. 121.

Таблица 1.2

Посевные площади в СССР в 1913, 1916, 1920–1929 гг., млн га

Год	Во всех категориях хозяйств с поправками		В крестьянских хозяйствах без поправок	
	Весь посев	Посев зерновых	Весь посев	Посев зерновых
	<i>Ряд динамики А1-1</i>		<i>Ряд динамики А1-2</i>	
1913	105,0	94,4		
1916			89,6	80,6
1920	97,2	87,0		
1921	90,3	79,8		
1922	77,7	66,2		
1923	91,7	78,6	71,8	61,6
1924	98,1	82,9	77,6	65,8
1925	104,3	87,3	83,5	70,1
1926	110,3	93,7	90,8	77,2
1927	112,4	94,7	95,1	80,3
1928	113,0	92,2		
1929	118,0	96,0		

Источники: ряд динамики А1-1: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. С. 176–177; ряд динамики А1-2: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 14.

Примечание. В сведения, приведенные в ряду динамики А1-1, поправки внесены лишь для крестьянских хозяйств.

только уцелевшие посевы (за вычетом погибших озимых), в другом – площадь всей засеянной пашни (без учета гибели). Возможно также уточнение показателей посевных площадей в так называемом социалистическом секторе аграрной экономики.

Для составления ряда динамики А1-1 (посевные площади в СССР в 1913, 1916, 1920–1929 гг. во всех категориях хозяйств с поправками) мы используем статистический ежегодник «Социалистическое строительство СССР. 1934» (табл. 1.2).

Приводя в табл. 1.2 ряд динамики посевных площадей, извлеченный из официального статистического издания, мы, тем не менее, не считаем эти данные абсолютно бесспорными. Как уже сказано выше, у нас отсутствует уверенность в абсолютной корректности установленных Экспертным советом поправочных коэффициентов. Кроме того, есть сомнения в сопоставимости данных за 1920–1922 гг. с последующими. По нашей оценке, Экспертный

совет в 1929 г. принял новые поправки лишь для 1923–1928 г., оставив показатели за 1920–1922 гг. неизменными.

И.В. Кочетков полагал, что выяснить годовую динамику зернового производства в СССР в годы нэпа можно только уменьшив официальные сведения о посевных площадях на величину соответствующих поправочных коэффициентов. Осуществляя данную операцию, он «очищает» данные не только от установленных Экспертным советом поправок, но еще и от мифических «местных» поправок, которые по недосмотру или умыслу остались в предоставленных ЦСУ в распоряжение совета материалах. Радикальная «очистка» позволила автору высчитать следующие показатели площади посева зерновых культур в крестьянских хозяйствах СССР: 1923 г. – 55,1 млн га, 1924 г. – 59,9 млн, 1925 г. – 57,4 млн, 1926 г. – 62,9 млн га⁸⁸. Аргументы, которые, на наш взгляд, доказывают несостоятельность данной позиции И.В. Кочеткова, мы приводили выше.

Тем не менее в табл. 1.2 мы также помещаем данные о посевных площадях в крестьянских хозяйствах, «очищенные» от поправок: ряд динамики А1-2 (посевные площади в СССР в 1916, 1923–1927 гг. в крестьянских хозяйствах без поправок). Но эта чистка не столь радикальна, как у И.В. Кочеткова. Для формирования ряда динамики мы берем данные без поправок, которые были рассчитаны составителями сборника ЦСУ «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР». Ни о каких иных «забытых» поправках, кроме установленных Экспертным советом, они не ведали, поскольку таковых не существовало.

Приведенный в табл. 1.2 ряд динамики А1-1, несмотря на его определенную условность, тем не менее позволяет выявить основные тенденции развития растениеводства в СССР в 1920-е гг. В начале десятилетия произошло фактически обвальное снижение посевных площадей, к которому привели продовольственная политика советского государства и катастрофический недород 1921 г. в Поволжье. С 1923 г. началось восстановление отрасли на базе нэпа, темпы которого замедлились в конце 1920-х гг.

Исследователи аграрной истории Сибири 1920-х гг. при реконструкции динамики посевных площадей традиционно обращались к двум источникам. Показатели изменения площади посева в регионе за 1920–1926 гг. извлекались из опубликованного в 1927 г. «Сборника статистико-экономических сведений по Сибирскому

⁸⁸ Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпа ... С. 89.

краю», а за 1927–1929 гг. – из статсправочника «Сибирский край» (Новосибирск, 1930)⁸⁹.

Обратившись к проблеме поправок на недоучет, мы выяснили, что в этих статсборниках приводятся несопоставимые данные о площади посева в регионе⁹⁰. Показатели посевных площадей в «Сборнике статистико-экономических сведений» публиковались с повышательными поправочными коэффициентами, принятыми крайстатотделом в 1927 г. Однако в мае 1929 г. в связи с изменением методики расчета поправки применительно к 1925 и 1926 гг. пересмотрели в сторону увеличения. По новой методике рассчитывались и поправки на недоучет посевов в 1927–1929 гг., на основании которых были составлены соответствующие таблицы в статсправочнике «Сибирский край».

На материалах, извлеченных из выявленных статистических источников, нами сформировано 4 ряда динамики посевных площадей в крестьянских хозяйствах Сибири в 1920-е гг. с поправками на недоучет (табл. 1.3).

В четырех первых сибирских динамических рядах показатели посевных площадей приводятся с учетом установленных на момент подготовки источников поправок.

1. Ряд динамики А1-3 (посевные площади в крестьянских хозяйствах Сибирского края в 1917, 1920–1926 гг.) сформирован на основе данных, извлеченных из подготовленного специалистами Сибирского краевого статистического отдела и изданного в 1927 г. «Сборника статистико-экономических сведений»⁹¹.

2. Источниками составления ряда динамики А1-4 (посевные площади в крестьянских хозяйствах Сибирского края в 1925–

⁸⁹ См.: *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 97; *Боженко Л.И.* Сибирская деревня в восстановительный период 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 223; *Белая З.И.* Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982. С. 133. *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1920-е гг.: динамика и тенденции развития // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 51; и др.

⁹⁰ См.: *Ильиных В.А.* Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32; *Он же.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 261–272.

⁹¹ Сборник статистико-экономических сведений ... С. 38.

Таблица 1.3

**Динамика посевных площадей в крестьянских хозяйствах Сибири
в 1917, 1920–1929 гг. с поправками на недоучет, тыс. га**

Год	Данные крайстата и крайплана		Данные ЦСУ	
	<i>Ряд динамики А1-3</i>	<i>Ряд динамики А1-4</i>	<i>Ряд динамики А1-5</i>	<i>Ряд динамики А1-6</i>
1917	7164			
1920	7332			
1921	5938		5824	
1922	4458		4386	
1923	5399		4903	
1924	5667		5384	
1925	5903	6527		6752
1926	7026	7414		7989
1927		7771		8524
1928		8126		8826
1929		8669		

1929 гг.) послужили составленная специалистами Сибкрайплана подборка материалов «Статистические сведения о народном хозяйстве Сибирского края за 1925–1928 гг.»⁹² и изданный в 1930 г. статистический справочник «Сибирский край»⁹³.

Два динамических ряда составлены нами на основе материалов общесоюзных статистических изданий.

3. Ряд динамики А1-5 (посевные площади в крестьянских хозяйствах Сибири в 1921–1924 гг.) составлен по изданному в 1926 г. статсборнику ЦСУ «Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг.»⁹⁴.

4. Источник ряда динамики А1-6 (посевные площади в крестьянских хозяйствах Сибири в 1925–1928 гг.) – сборник статистических сведений ЦСУ «Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.», который вышел в свет в 1929 г.⁹⁵

Нами также составлены два ряда динамики, показатели которых «очищены» от поправок на недоучет посевов (табл. 1.4).

1. Источником для формирования ряда динамики А1-7 (посевные площади в крестьянских хозяйствах Сибири в 1916, 1923–

⁹² ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1105. Л. 7.

⁹³ Сибирский край. С. 277.

⁹⁴ Население, посевы, скот, птица и сел[ьско]-хозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. М., 1926. С. 47.

⁹⁵ Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. С. 21.

**Динамика посевных площадей в крестьянских хозяйствах Сибири
в 1920–1929 гг. без поправок на недоучет, тыс. га**

Год	Данные ЦСУ	Данные крайстата
	<i>Ряд динамики А1-7</i>	<i>Ряд динамики А1-8</i>
1916	5733	5775
1917		6512
1920		6376
1921		4750
1922		3249
1923	4072	4082
1924	4530	4495
1925	4684	4684
1926	6021	6018
1927	6568	6563
1928		7097
1929		7571

1927 гг.) послужил статсборник ЦСУ «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР»⁹⁶.

2. Ряд динамики А1-8 рассчитан по двум сибирским статистическим изданиям: «Сборнику статистико-экономических сведений по Сибирскому краю»⁹⁷ и справочнику «Сибирский край»⁹⁸.

Таким образом, если для страны в целом относительно 1920-х гг. мы имеем непрерывный динамический ряд посевных площадей (А1-1), в целом рассчитанный по единой методике, то Сибирь представлена несколькими фрагментарными годовыми рядами, каждый из которых построен на несовпадающих поправочных коэффициентах. Это делает практически невозможным точное определение годовых изменений, а также времени завершения восстановительных процессов в земледелии⁹⁹.

Несмотря на это, общие тенденции динамики посевных площадей в регионе во всех составленных нами динамических рядах, включая «беспоправочный», являются тождественными. В 1921–1922 гг. посевы резко сокращаются. Скачок 1923 г. опре-

⁹⁶ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 14.

⁹⁷ Сборник статистико-экономических сведений ... С. 38, 465.

⁹⁸ Сибирский край. С. 277, 329.

⁹⁹ В Сибири завершением восстановления посевных площадей считается достижение уровня 1920 г., на который приходится зафиксированный статистикой их предыдущий максимум.

деляется началом восстановления сельхозпроизводства в регионе и крайне низким стартовым уровнем. В 1924 и 1925 гг. темпы прироста снижаются, что объясняется недородами предыдущих лет в основных зернопроизводящих районах Сибири. Существенный рост 1926 г. следует за высоким урожаем 1925 г., а также отчасти вызван уменьшением тяжести налогообложения деревни. Исчерпание восстановительного потенциала крестьянских хозяйств и возобновившееся политическое и экономическое давление на зажиточные хозяйства приводят к сокращению темпов прироста в конце 1920-х гг.¹⁰⁰

Следствием проведения зимой – весной 1930 г. первого этапа форсированной коллективизации стало падение производительных сил сельского хозяйства. Показателем данного процесса стало снижение посевных площадей. В связи с этим нами поставлена задача определения наиболее репрезентативных и достоверных статистических данных об изменении площади посева в 1930 г. Особый интерес представляет изучение данной проблемы в силу происходивших изменений в системе статистического мониторинга сельского хозяйства – 1930 г. стал последним годом проведения весенних выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. При этом весенний опрос в этом году прошел не во всех округах Сибирского края (см. ниже). Традиционные земские методы статистического мониторинга аграрного сектора экономики заменялись налоговым и ведомственным учетом. Радикальные изменения произошли и в организационной структуре статистических органов. В январе 1930 г. ЦСУ СССР, республиканские, краевые/областные и окружные статистические органы были упразднены¹⁰¹. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистические секторы.

В архивных источниках и опубликованных статистических сборниках приводятся разные данные о размерах посевных площадей в Сибири в 1928/29 и 1929/30 сельскохозяйственных годах (табл. 1.5).

Основным источником определения посевных площадей в 1929 г. во всех представленных в табл. 1.5 вариантах является про-

¹⁰⁰ Отраженное в динамическом ряду А1-4 увеличение темпов прироста в 1929 г. объясняется тем, что, в отличие от предыдущих лет, для этого года Сибкрайстатотдел не снизил поправку на недоучет (см. выше). Манипуляция с поправочными коэффициентами, вероятно, также повлияла на относительно высокие темпы наращивания посевных площадей в 1929 г. в СССР в целом (см. ряд динамики А1-1).

¹⁰¹ СЗ СССР. 1930. № 8. Ст. 97.

Таблица 1.5

Посевные площади в Сибири в 1929 и 1930 гг., тыс. га

Вариант	1929 г.	1930 г.	Сокращение, %
<i>Сибирский край</i>			
1	9381,5	6943,2	26,0
2	9431,9	7627,0	19,1
<i>Западно-Сибирский край</i>			
3	8216,9	6409,1	22,0
<i>Восточно-Сибирский край</i>			
4	1885,5	1770,0	6,1
<i>Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края</i>			
5	10544	8305	21,2
6	10209,6	8616,8	15,6
7	10544,4	8616,8	18,3

Источники: вариант 1: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 55; вариант 2: Там же. Д. 1853. Л. 76, 78; вариант 3: Там же. Оп. 2. Д. 206. Л. 18; вариант 4: Экономика-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 139; вариант 5: Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932. С. 161; вариант 6: Социалистическое строительство СССР. 1934. С. 190–191; вариант 7: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 246–247.

веденная в Сибири в начале лета того же года 10%-я выборочная перепись крестьянских хозяйств, которая обрабатывалась в соответствии с принятой в 1920-е гг. методикой (см. выше). Прежде всего, собранные данные распространили на всю генеральную совокупность путем умножения среднестатистических параметров обследованных дворохозяйств на их общее количество. Полученные таким образом величины затем были скорректированы повышательными поправочными коэффициентами, связанными с преуменьшением респондентами размеров посевов в своих хозяйствах (см. выше). Для определения размеров поправок использовались результаты выборочных контрольных обмеров, материалы бюджетных обследований и хлебофуражных балансов. Принятая для выборочной переписи 1929 г. поправка на недоучет посева, которую рассчитали специалисты Сибирского краевого статического отдела, составляла 14,5 %¹⁰². Сведения о посевах в единоличном секторе дополнялись данными обследований колхозов и ведомственного учета совхозов.

¹⁰² Сибирский край. С. 329.

В начале 1930 г. результаты выборочной переписи опубликовали в официальном региональном статистическом справочнике «Сибирский край», в котором приводились данные о посевах по краю в целом, двум его регионам (Юго-Западной и Северо-Восточной Сибири), всем округам и основным культурам¹⁰³.

Обнародованные в нем сведения за 1929 г. воспроизведены в докладной записке крайземуправления об итогах весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. (без учета посевов в городах) (вариант 1) и подготовленном в экономико-статистическом секторе крайплана «Статистико-экономическом обзоре по сельскому хозяйству Сибирского края» за 1929 и 1930 гг. (вариант 2).

Летом 1930 г. появились первые данные о размерах посевных площадей текущего года. Цифра 6943,2 тыс. га (вариант 1) получена в рамках оперативного учета, осуществляемого земельными органами. В конце июня крайземуправление, обработав полученные из округов отчеты об итогах весенней посевной кампании, получило общекраевые данные¹⁰⁴.

Специалисты крайземуправления признали итоги своей работы не полными. По их мнению, недостаточная полнота учета объяснялась: «1) укрытием посевицами фактических размеров сева; 2) малограмотностью и неопытностью секретарей сельсоветов, составляющих сводки по севу; 3) неумением пред[седателей] сельсоветов организовать учет таким образом, чтобы отчетность о севе приближалась к действительности; 4) плохими средствами связи с районными центрами и с сельсоветами»¹⁰⁵.

Более репрезентативными были признаны результаты работы статсектора крайплана¹⁰⁶ (вариант 2), основанные на обработке проведенного летом 1930 г. 10%-го выборочного обследования с использованием «географии поправок прошлого года». Однако в этом году, в отличие от предыдущих опросов, оно было проведено только в 11 округах («наиболее значительных») из 18. Для определения посевной площади в остальных округах были использованы материалы учета земорганов, которые были скорректированы поправочными коэффициентами на недоучет, составлявшими для

¹⁰³ Сибирский край. С. 296–299.

¹⁰⁴ По Минусинскому и Хакасскому округам, итоговые отчеты из которых не поступили, в общекраевые данные были включены оперативные сведения на 25 июня (ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 43).

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Эти данные были положены в основу справки информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б) «Об итогах сева 1929/30 (озимые и яровые) в Сибкрае» от 6 июля 1930 г. (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91–111).

северо-восточной и юго-западной частей региона 22 и 17 % соответственно¹⁰⁷.

Летом 1930 г. была проведена перестройка административно-территориального устройства региона (см. введение). После изменения административного деления специалисты статсектора Западно-Сибирского крайплана пересчитали ранее полученные сведения по краю в целом и отдельным культурам за 1929 и 1930 гг. в новых границах. По их подсчетам, в территориальных рамках Западно-Сибирского края было засеяно в 1929 г. 8216,9 тыс. га, в 1930 г. – 6409,1 тыс. га (вариант 3).

Аналогичная работа была проведена в Восточной Сибири. Ее результаты были опубликованы в «Экономико-статистическом справочнике по Восточно-Сибирскому краю» (вариант 4). При этом данные за 1929 г. были получены при обработке материалов весеннего опроса 1929 г. и сплошного обследования колхозов, а за 1930 г. – материалов проведенного в этом году налогового учета. В 1929 г. посевы в целом по краю составляли 1885,5 тыс. га, в 1930 г. – 1770,0 тыс. га, а в рамках той территории, которая ранее входила в Сибирский край, 1233,3 и 1124,9 тыс. га соответственно¹⁰⁸.

Сведения о посевных площадях Сибири за искомые годы были опубликованы в ряде статистических сборников ЦУНХУ (варианты 5, 6 и 7). Применительно к 1929 г. они базируются на полученных из статотделов Сибирского и Дальневосточного краев, а также Бурят-Монгольской АССР распространенных итогах 10%-й выборочной переписи крестьянских хозяйств 1929 г., дополненных материалами по колхозам и совхозам. Специалисты центральных статистических органов, обрабатывавшие поступивший из регионов материал, применили к ним скорректированный поправочный коэффициент. Рассчитанная нами величина поправки на недоучет посевов в крестьянских хозяйствах в территориальных рамках Западно-Сибирского края для вариантов 5 и 7 составляет 22,8 %.

Естественно, что перед публикацией в указанных сборниках ранее обработанные данные должны были пересчитываться в измененных границах. Однако составители изданного в 1934 г. статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» (вариант 6) при его подготовке, по нашим подсчетам, совершили ошибку. В сведениях по Восточно-Сибирскому краю за 1929 г. они

¹⁰⁷ Там же. Л. 91.

¹⁰⁸ Экономико-статистический справочник ... С. 139, 278.

не учли посевную площадь на территории Читинского и Сретенского округов, включив ее в данные по Дальневосточному краю¹⁰⁹. Применительно к 1930 г. подобной ошибки они не допустили. Составители двух других статистических сборников были более корректными в своих территориальных пересчетах.

Данные по 1930 г. в вариантах 3 и 4 близки к цифрам, указанным в изданном в 1932 г. сборнике «Народное хозяйство СССР» (вариант 5). Заметное несовпадение зафиксировано только по озимым посевам. Так, в варианте 5 их площадь на территории Западно-Сибирского края больше, чем в варианте 3, на 19,5 %. Возможной причиной этого является то, что в материалах статсектора крайплана данные по озимым посевам, в отличие от яровых, приведены без поправки на недоучет. Поправочный коэффициент мог быть затем внесен либо перед отправкой в Москву, либо непосредственно в центральных статистических органах.

Разница в сведениях о размерах посевных площадей в 1930 г. между вариантами 3 и 4, с одной стороны, и совпадающими данными, представленными в вариантах 5 и 7, – с другой, является гораздо более существенной. Особенно велика она по Западно-Сибирскому краю. Так, приведенные в ежегоднике за 1934 г. «Социалистическое строительство СССР»¹¹⁰ данные больше, чем приведенные в варианте 3 по яровой ржи (на 48,2 %), картофелю (на 28,1 %), озимой ржи (на 25,9 %), подсолнечнику (на 19,6 %), ячменю (на 5,3 %), овсу (на 4,7 %), площади посева в целом (на 6,6 %), но меньше по гречихе (на 37,5 %), просу (на 20,4 %). Незначительной является разница только по пшенице (0,8 %) и льну (1,2 %).

Причины столь значительного несовпадения заключаются в изменении методики обработки поступивших из регионов статистических материалов. Поправочные коэффициенты теперь рассчитывались на основе данных налогового учета и проводимых финансовыми органами выборочных контрольных обмеров. Однако применив новую методику к поступившим к ним данным за 1930 г., специалисты ЦУНХУ не применили ее к данным за 1929 г., сделав их несопоставимыми.

Таким образом, наиболее репрезентативными источниками для выявления динамики посевных площадей в 1929–1930 гг. являются материалы, составляющие варианты 2, 3, 4 и 5. В них приведены

¹⁰⁹ Эта ошибка была воспроизведена в одноименном ежегоднике следующего года (Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 339).

¹¹⁰ Там же. С. 339, 347, 350, 352, 354.

в целом сопоставимые данные как за 1929, так и за 1930 г. Однако и в перечисленных вариантах есть аспекты, затрудняющие их использование для определения изменения площади посева. В варианте 3 отсутствуют данные по отдельным культурам. В варианте 2 нет сведений по ряду округов, а посевы не разделены на озимые и яровые. В вариантах 2, 3 и 4 размеры озимого посева для 1930 г. приведены без поправок, а ярового – с поправками.

Отмеченная несопоставимость двух последних вариантов применительно к задачам выявления экономических итогов форсированной коллективизации не имеет значения. При подведении итогов весенней посевной кампании посевы озимых культур можно «вывести за скобки». Учитывали озимый посев в год уборки, но проводили осенью предыдущего года. Озимая кампания 1929 г., результаты которой были статистически зафиксированы в рамках следующего года, проходила в иных хозяйственно-политических условиях, нежели весенняя посевная 1930 г.

Основываясь на статистических материалах, содержащихся в источниках, составляющих варианты 3 и 4, осуществим реконструкцию динамики площади ярового посева в Сибири в 1929–1930 гг. (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Площадь ярового посева в Сибири в 1929 и 1930 гг., тыс. га

Вид посева/ культура	Вариант 3б Западно-Сибирский край		Вариант 4б Восточно-Сибирский край	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Пшеница	4576,1	3521,1	606,5	566,5
Овес	1805,7	979,7	385,3	331,1
Рожь	44,3	33,8	342,2	312,0
Ячмень	137,7	86,6	47,3	59,1
Просо	136,9	440,3	5,0	10,0
Зерновые	7430,8	5738,1	1445,8	1336,7
Лен	206,0	168,1	14,7	16,1
Конопля	92,9	81,0	18,9	17,0
Картофель	170,4	115,3	46,1	48,1
Огородно-бахчевые	83,1	100,7	13,3	18,3
Итого яровых	7594,0	5815,1	1606,3	1495,8

Источники: вариант 3б: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18; вариант 4б: Экономико-статистический справочник ... С. 138–139.

Согласно приведенным в табл. 1.6 данным площадь ярового посева в Сибири в целом, включая Забайкалье, в 1930 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 20,5 %, в том числе в территориальных рамках Западно-Сибирского края – на 23,4, Восточно-Сибирского края – на 6,9 %. Снижение общей площади пашни произошло в значительной степени за счет пшеницы и овса (78,9 и 59,8 % от уровня 1929 г. по региону и 76,9 и 54,3 % на западе). Заметно сократились посевы ячменя (62,9 %), картофеля (67,6 %), льна (81,6 %) в западной части Сибири, яровой ржи в целом по региону (89,5 %). В то же время в Западно-Сибирском крае увеличилась площадь, занятая огородно-бахчевыми культурами (на 21,2 %), в Восточно-Сибирском крае – огородно-бахчевыми, ячменем, льном (на 37,6 %, 24,9 и 9,5 % соответственно). Но наиболее существенный прирост был зафиксирован по просу – в 3,2 раза на западе региона и в 2 раза на востоке.

Разница в уровне сокращения посевов между западной и восточной частями региона определялась политическими и природно-климатическими факторами. Так, 1929 г. на востоке региона был благоприятным для вегетации зерновых, а в основных хлебопроизводящих районах Западной Сибири – недородным. Выше в западных округах Сибирского края, нежели в восточных, были максимальные показатели коллективизации и степень обобществления (т.е. отчуждения) крестьянского имущества в колхозах¹¹¹. Многие крестьянские хозяйства, которые были вынуждены вступить в колхозы, а затем из них вышли, понесли невосполнимые потери.

По нашим расчетам, основанным на данных земельных органов и статсектора крайплана, крестьяне-единоличники, не вошедшие в колхозы, в 1930 г. сократили посевные площади в своих хозяйствах по сравнению с 1929 г. (с учетом озимых) в Сибирском крае в целом на 30 %, в юго-западных округах – на 42, в северо-восточных округах – на 12 %¹¹². Колхозы ни организационно, ни технологически не были способны компенсировать сокращение производительных сил единоличного сектора¹¹³.

¹¹¹ См.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 24, 26–27.

¹¹² ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78; Д. 2033. Л. 45.

¹¹³ Согласно сведениям, приведенным в справке информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б), доля единоличников в яровом посеве 1930 г. составила 65,8 %, колхозов – 28,5, совхозов – 3,5 % (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91).

Таким образом, учет посевных площадей в СССР в 1920-е гг. осуществлялся в рамках ежегодных выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Основным методом переписей являлся личный опрос дворохозяев. Организация и проведение переписей возлагались на соответствующие подразделения ЦСУ и его территориальных управлений и отделов, руководители и специалисты которых имели дореволюционный опыт статистической работы и использовали наработки земской статистики. Крестьяне приуменьшали размеры посевов с целью снижения тяжести налогообложения. Статистические органы, чтобы выяснить масштабы недоучета, использовали материалы бюджетных и иных обследований, проводили контрольные мероприятия. Совершенствование методики определения величины недоучета приводило к периодической коррекции официально принятых показателей.

Глава 2

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В 1930-е гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государственной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР, республиканские, краевые/областные и окружные статистические органы, как указывалось выше, были упразднены¹. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистические секторы.

Реформа статистических органов определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на основе которой в условиях нэпа функционировала статистика в СССР, была признана «вредительской», поскольку *«препятствовала разворачиванию социалистического строительства»*. Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, вообще делала ненужным внешний статистический мониторинг, полностью заменяемый ведомственным учетом. Основной задачей создаваемых при плановых комиссиях экономико-статистических секторов в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1930 г. должна была стать разработка *«показателей учета для наблюдения за ходом исполнения»* текущих и перспективных планов².

В соответствии с реформой менялась и система сельскохозяйственной статистики. Основным источником сведений о количественных параметрах развития аграрного производства должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов, аккумулируемые в органах управления сельским хозяйством (земельных органах, совхозных трестах, колхозсоюзах). Нужда в массовых комплексных переписях крестьянских хозяйств отпада-

¹ СЗ СССР. 1930. № 8. Ст. 97.

² СУ РСФСР. 1930. № 14. Ст. 172.

ла. Объектом бюджетных обследований стали семьи колхозников. Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках проводимого финансовыми органами налогового учета.

Форсированная коллективизация привела к кризису сельского хозяйства, а проведенное в этих условиях реформирование государственной статистической организации – к кризису сельскохозяйственной статистики. Весной 1930 г. завершить коллективизацию в основном не удалось. Ее уровень, поднявшись к началу марта в СССР до 56 %, в Сибири – до 47 %, к лету снизился до 24 и 20 % соответственно. Вне колхозов в Сибири оставалось 4/5 крестьянских дворов³.

Финансовые органы, соответственно, были вынуждены организовать полный сельскохозяйственный учет не маргинальной, а абсолютно преобладающей социальной группы деревни. Кроме того, в 1930 г. на них возложили статистический мониторинг колхозов и ЛПХ колхозников. Вне их ведения оставались только совхозы. К расширению своих функций финансовые органы оказались не готовы, и достаточно достоверно выявить количественные параметры обследуемых хозяйств они не смогли. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Этому в значительной степени способствовал спровоцированный коллективизацией хаос в землепользовании. Колхозные и единоличные посевы располагались чересполосно. Крестьяне, вступившие в коллективные хозяйства, затем из них выходили. Колхозы и совхозы укрупнялись и разукрупнялись. Единоличники могли разместить часть посевов на землях, отведенных под совхозы, но фактически не используемых ими. Сложности возникли и с учетом личных хозяйств членов колхозов.

В 1931 г. коллективизация возобновилась. К концу года ее уровень в Сибири и в СССР в целом поднялся до 60 %⁴. С середины 1931 г. организационно-производственной основой аграрного производства стали колхозы. Продолжалось интенсивное совхозное строительство.

В социалистических сельхозпредприятиях, по мнению большевистских теоретиков, никаких проблем с учетом не должно было возникнуть. Однако практика существенно расходилась с теорией. Во многих колхозах отсутствовали работники, способные не

³ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 155, 160.

⁴ Там же. С. 196.

только организовать учет, но и грамотно заполнить бланки оперативных и годовых отчетов. Составители статистического сборника о колхозном строительстве в СССР в начале 1930-х гг. получили годовые отчеты за 1931 г. от 31 % колхозов Западно-Сибирского края, за 1932 г. – от 52 %. В Восточно-Сибирском крае доля колхозов, предоставивших годовые отчеты, была еще меньше – 24 и 31 % соответственно⁵. Не ожидали власти и относительно высокого уровня утайки колхозной собственности, в том числе посевов и сельскохозяйственных животных. Председатели колхозов стремились скрыть от властей часть общественного имущества, для того чтобы снизить тяжесть налогово-податного обложения хозяйств. Нередкими были и приписки, особенно площади посева.

Приписки посевных площадей являлись следствием разверстки на хозяйства завышенных плановых заданий, которые наличными силами и средствами выполнить было невозможно. Однако от выполнения плана зависела карьера руководителя хозяйства. За провал планового задания его могли не только снять с должности, но и привлечь к уголовной ответственности как саботажника. Чтобы избежать наказания и выслужиться перед начальством, председатели колхозов предоставляли фиктивные данные, включая в отчеты о выполнении планов посевной кампании вообще незасеянные площади.

В совхозах работали более квалифицированные счетные работники, сокрытие имущества встречалось реже, однако масштабы приписок были еще большими, чем в колхозах. Под совхозы отводились огромные массивы ранее неосвоенных земель. Некоторые хозяйства располагались на территории нескольких административных районов. Это создавало более благоприятные условия для искажения отчетности, нежели в компактных сельхозартелях.

Вышестоящие хозяйственные органы с приписками не только не боролись, но фактически их провоцировали, включая фиктивные цифры в свои рапорты об успехах социалистического строительства. В итоге достоверной информации о состоянии сельского хозяйства советское руководство не имело. По мнению известного российского ученого-аграрника В.В. Кондрашина, массовый голод в деревне в начале 1930-х гг. отчасти был следствием неведения руководителей страны⁶. Они, основываясь на победных реляциях с мест о расширении посевных площадей и росте урожайности зерновых культур, были уверены, что хлеб в необходимых для

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 158. Л. 2.

⁶ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933). М., 2014. С. 54.

наращивания экспорта объемах в деревне есть, но крестьяне под воздействием кулацкой пропаганды сдавать его пролетарскому государству не хотят. Следствием подобного убеждения стали сверхнормативные хлебозаготовки.

По воспоминаниям очевидцев, нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев на одном из совещаний, посвященных подготовке второго пятилетнего плана, с отчаянием воскликнул: «*Как можно планировать, если нельзя верить ни одной цифре!*»⁷. Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственной статистической организации. 9 мая 1931 г. СНК СССР принял постановление «Об организации учетно-статистических работ»⁸, в котором констатировалось «*неудовлетворительное состояние*» и «*крайняя неупорядоченность*» статистики и учета в стране. Исправлению ситуации должно было способствовать преобразование экономико-статистического сектора Госплана СССР в сектор народно-хозяйственного учета, работающий на правах самостоятельного управления. 17 декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР преобразовали сектор в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР при Госплане СССР⁹. Возглавил управление известный советский экономист В.В. Осинский, который «объявил войну» искажениям информации¹⁰. Отметим, что Осинский не предлагал возврата к практике статистических обследований периода нэпа, а был последовательным адептом их замены «прямым учетом». При этом он добивался централизации системы народно-хозяйственного учета в стране и сочетал новые методики с традиционными¹¹.

Центральному управлению народно-хозяйственного учета подчинялись управления народно-хозяйственного учета, создаваемые в республиках, краях и областях. Принципиальное значение для организации сельскохозяйственной статистики на местах имело образование районных инспектур народно-хозяйственного учета. Учетно-статистические органы ведомств обязывались в своей деятельности исполнять директивы и задания органов нархозучета.

Создание центрального и региональных управлений народно-хозяйственного учета способствовало развитию статистических

⁷ Ханин Г.И. Сочинения: в 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 75.

⁸ СЗ СССР. 1931. № 28. Ст. 221.

⁹ Там же. № 73. Ст. 488.

¹⁰ Ханин Г.И. Сочинения. Т. 1. С. 21.

¹¹ Осинский Н. Положение и задачи народно-хозяйственного учета. М.; Л., 1932. С. 6–7.

работ в стране. Возобновилось издание статистических сборников, в которых публиковались материалы за предыдущие годы. По примечаниям к помещенным в них таблицам можно судить о методике сбора и обработки материалов сельскохозяйственной статистики в 1930 и 1931 гг. в отдельных регионах и стране в целом.

В статистическом справочнике, изданном Восточно-Сибирским краевым УНХУ в 1932 г., сообщается, что таблица «Посевные площади» за 1930 и 1931 г. составлена по материалам налогового учета. В данные о посевных площадях за все годы внесены поправки на недоучет. При этом из текста пояснения к таблице методика определения поправочного коэффициента не ясна¹².

В статсправочнике ЦУНХУ 1932 г. «Народное хозяйство СССР» сообщалось, что данные о размерах посевных площадей за 1930 г. в колхозах и единоличных хозяйствах получены от «областных органов». Они основаны на материалах налогового учета с внесением поправок по результатам 2%-го выборочного обмера. По совхозам сведения предоставило Совхозобъединение СССР. За 1931 г. размеры посевных площадей в справочнике определены по «предварительной отчетности» Наркомата земледелия¹³.

Показательным является и распределение публикуемого материала по категориям хозяйств. В восточносибирском статсправочнике материалы за 1930 г. группировались: 1) по совхозам, 2) колхозам, 3) «единоличным» хозяйствам, в которые включались ЛПХ всех категорий населения; за 1931 г.: 1) по совхозам, 2) колхозам, 3) ЛПХ колхозников, 4) «единоличным» хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского населения; в сборнике «Народное хозяйство СССР»: 1) по совхозам; 2) колхозам; 3) «единоличным» хозяйствам, включавшим ЛПХ всех категорий населения.

Соединение отдельных категорий индивидуальных хозяйств в общие группы при презентации статистического материала имеет идеологическое и законодательно-фискальное объяснение. На начальном этапе коллективизации приусадебное хозяйство, в том числе так называемое необобщественное хозяйство колхозников, воспринималось большевистскими теоретиками как разновидность единоличного и облагалось сельхозналогом как таковое. После провала планов максимального форсирования коллективизации весной 1930 г. ЛПХ колхозников официально признали идеологически приемлемой формой ведения хозяйства на переходный

¹² Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 278.

¹³ Народное хозяйство СССР: статический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 654–666.

период. Сознательные рабочие и служащие, в отличие от членов колхозов, не должны были вести приусадебное хозяйство. В Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. ЛПХ колхозников впервые рассматривалось в качестве отдельной категории налогоплательщиков¹⁴. Отличать приусадебное хозяйство рабочих и служащих от единоличного хозяйства налоговое законодательство стало лишь с 1933 г.¹⁵

В 1932–1934 гг. самостоятельных обследований сельского хозяйства органы нархозучета практически не проводили¹⁶, но активно участвовали в осуществлении статистического мониторинга, осуществляемого другими органами. При этом в совхозах был налажен внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах динамика посевных площадей фиксировалась в рамках ведомственного учета земельных органов, а поголовья скота – налогового учета, проводимого финансовыми органами. Органы ЦУНХУ занимались общим методическим руководством деятельности учетно-статистических органов ведомств.

Ведомственный характер учета посевных площадей был связан с особенностями практики администрирования в данной сфере. Весенняя посевная кампания ежегодно приобретала форму ударной хозяйственно-политической кампании, на реализацию задач которой были направлены усилия региональных и районных управленческих структур. Ее целью являлось выполнение и перевыполнение разверстанного по районам, сельсоветам, категориям хозяйств плана посева. На непосредственно участвующие в организации посевной кампании земельные органы также возлагались функции оперативного и итогового учета.

Для руководства весенней посевной кампанией на региональном и районном уровнях создавались «посевные пятерки». В Западно-Сибирском крае в состав «пятерки» входили первый секретарь крайкома ВКП(б), председатель крайисполкома, заместитель председателя крайисполкома, заведующий краевым земельным управлением, председатель правления крайколхозсоюза. В 1932 г. в обязанности подобных структур включили организацию «правильного» учета размеров посева. 23 апреля этого года в «Советской Сибири» опубликовали постановление «посевной пятерки» Западно-Сибирского края «Об учете хода ярового сева». *«Придавая организации правильного и точного учета сева яровых культур*

¹⁴ СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171.

¹⁵ Там же. 1933. № 32. Ст. 1886.

¹⁶ Исключение составила всесоюзная перепись скота, которая прошла в начале 1932 г. (см. гл. 6).

в текущем году исключительное значение», крайпосевпятерка обязала райисполкомы во всех сельсоветах и колхозах *«немедленно выделить специальных лиц, ответственных за ход учета посева, а также лиц, выполняющих технику учета»*. Сельсоветы должны были *«организовать выбор уполномоченных <...> от десятидворок, ведущих учет сева по единоличному сектору»*. *«Ответственность за организацию учета и отчетности хода сева»* в районах возлагалась на заведующих райземотделов. Сведения о ходе сева им должны были предоставлять не только сельсоветы и колхозы, но также совхозы всех систем и иные учреждения и организации, имеющие посадки сельхозкультур.

Краевая «посевпятерка» предупредила все райисполкомы о недопустимости *«внесения в непосредственные данные учета каких бы то ни было поправок на недоучет»*, а также производства предположительных расчетов в случае неполучения данных от посещиков. Все ответственные лица, в свою очередь, предупреждались, что *«дача неверных сведений о ходе сева будет рассматриваться как обман правительства и партии, и виновные в этом будут привлекаться к строгой ответственности»*.

В целях предотвращения фальсификации итогов сева было решено учредить специальные контрольные органы. В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 мая 1932 г. для проверки и уточнения данных о размерах посевных площадей при райисполкомках краевых/областных и республиканских УНХУ создавались межведомственные учетно-контрольные комиссии, в состав которых включались представители земельных, учетных, финансовых органов, кооперации, РКИ. После завершения посевной кампании земельные органы обязывались предоставить в районные комиссии заверенные отчетные данные по каждому совхозу и колхозу, а сельсоветы – подворные списки индивидуальных посевов. В вышестоящие комиссии направлялись сводные результаты сева. Учетно-контрольным комиссиям предоставлялось право *«привлекать виновных в искажении отчетных данных к судебной ответственности»*¹⁷. Данное постановление означало увеличение роли органов нархозучета в статистическом мониторинге посевных площадей.

1 июня Западно-Сибирский крайисполком принял решение образовать районные учетно-контрольные комиссии. 8 июня 1932 г. в «Советской Сибири» опубликовали постановление краевой «посевной пятерки» об учреждении краевой учетно-контрольной

¹⁷ СЗ СССР. 1932. № 31. Ст. 192.

комиссии. В ее состав вошли представители земельного и финансового управлений крайисполкома, крайколхозсоюза, Трактороцентра и РКИ. Председателем комиссии назначался начальник крайУНХУ.

В данном постановлении, именуемом «Об установлении окончательных итогов сева яровых 1932 г. и озимых 1931 г.», «край-посевпятерка» обязала райисполкомы, совхозные тресты, уполномоченного Трактороцентра *«немедленно по окончании сева переключить весь работающий в период сева учетный аппарат на составление заключительной отчетности»*. Начать следовало с проводимого сельсоветами и сельхозпредприятиями *«пятнадцатидневника самопроверки путем уточнения данных о посевных их обмерах»*. Далее в проверку включались райисполкомы, организующие контрольные обмеры в отдельных организациях и хозяйствах. Итоги учета передавались на рассмотрение и утверждение районным учетно-контрольным комиссиям, а затем краевой комиссии.

В итоге в 1932 г. была создана система мониторинга посевных площадей, которая включала ведомственный учет земельных органов, проводимый под контролем органов нархозучета. Это позволило улучшить качество учета, но тем не менее проблемы полностью устранить не удалось. Во-первых, оставались ведомственные разногласия между земельными и статистическими органами. Во-вторых, сохранялось влияние региональных и районных властей на деятельность учетно-контрольных комиссий.

В качестве иллюстрации ведомственной «разногласицы» можно привести датированную началом осени 1932 г. докладную записку, в которой заведующий сектором учета Наркомзема СССР М.И. Гегечкори информировал наркома земледелия Я.А. Яковлева о разночтениях между сектором учета Наркомзема и ЦУНХУ в определении размеров посева зерновых культур: 99,7 и 97 млн га соответственно. Гегечкори настаивал на правильности своих подсчетов, тем более что в них были внесены поправки на недоучет в размере 1,8 %, в том числе по Западно-Сибирскому краю – 1,7 %¹⁸.

Внести единство в систему статистического мониторинга и минимизировать местничество было призвано создание не подчинявшихся местным органам власти государственных учетных структур. 17 декабря 1932 г. СНК СССР принял решение об учреждении Государственной комиссии по определению урожайности и разме-

¹⁸ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.: сб. документов. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. С. 57.

ров валового сбора зерновых культур при СНК СССР¹⁹. Госкомиссия также должна была контролировать деятельность земельных органов по учету посевных площадей. На местах создавались межрайонные государственные комиссии (МГК), которые подчинялись Центральной государственной комиссии (ЦГК). Местным органам власти запрещалось *«вмешиваться в оперативную деятельность межрайонных комиссий и производить перемещения, переброску и мобилизацию их работников»*. Председателем ЦГК был назначен начальник ЦУНХУ В.В. Осинский. В МГК в качестве экспертов включалось по одному представителю ЦУНХУ. В функции МГК и ЦГК входило установление на основе представленных земельными органами отчетных данных и материалов собственных проверок «окончательных» размеров посевных площадей в текущем сельскохозяйственном году²⁰.

Главной задачей этих комиссий являлось *«установление точных размеров и налаживание правильного учета посевных площадей, урожайности и валового сбора зерновых продуктов, предотвращение и пресечение всяких попыток кулацких, шкурнических и поддающихся буржуазным влияниям элементов исказить учетные данные о производстве хлебов, прикрывая этим кулацкий саботаж в сельском хозяйстве, злоупотребления, хищения, разбазаривание общественной собственности»*. Председатели комиссий должны были «немедленно» привлекать к судебной ответственности работников колхозов, МТС, совхозов, сельсоветов, земельных органов *«за попытки обмана советского государства представлением неверных сведений»*²¹.

Весной 1933 г. ЦГК обязала региональные органы власти организовать после завершения весеннего сева контрольные обмеры посевных площадей. В конце мая соответствующее постановление принял президиум Западно-Сибирского крайисполкома²². Обмер проводился в отдельных сельсоветах 79 районов. Его общий размер по краю составлял 584 тыс. га. (около 7 % от общей площади посева²³). На районную инспектуру нархозучета возлагалась про-

¹⁹ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 521.

²⁰ Там же. 1933. № 17. Ст. 97 б.

²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 2004. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 755; СЗ СССР. 1933. № 17. Ст. 97 б.

²² Постановление президиума Западно-Сибирского крайисполкома от 27 мая 1933 г. «Об обмере посевных площадей по районам Запсибкрая» (Советская Сибирь. 1933. 29 мая).

²³ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. М., 1934. С. 191.

верка всех материалов учета, *«заключение по всем фактам укрытия посевных площадей и дефектов учета, сопоставление результатов контрольных обмеров с отчетными данными сельсоветов и районов»*. Состоявшийся в конце июня пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) в своем постановлении «О работе государственных межрайонных комиссий по определению урожайности», в частности, отметил неудовлетворительный ход контрольных обмеров по большинству районов: *«работа затянулась, качество обмеров не обеспечено»*²⁴.

По итогам проведения контрольных обмеров в 1933 г. в целом по СССР были сделаны следующие выводы: *«1. Наибольшей точностью отличаются данные колхозов, отклонение по которым от данных отчетности редко превышает 1–2 %. 2. Отклонения как в сторону преувеличения, так и преуменьшения по единоличному сектору, в особенности по индивидуальным посевам колхозников, достигают очень больших величин (как правило нескольких десятков процентов). 3. По посевам учреждений обмеры обнаружили в значительном количестве случаев большой недоучет»*²⁵.

В начале 1934 г. советское руководство признало качество сельхозстатистики недостаточно удовлетворительным, обязав ЦУНХУ принять непосредственное участие в организации ведомственного учета, а также на регулярной основе проводить самостоятельные обследования аграрного сектора экономики. Расширение масштабов работы должно было обеспечить создание участковой инспектуры нархозучета. Сельские районы делились на подрайоны, в которые назначались участковые инспекторы. Определенная в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 августа 1934 г. «Об укреплении районных и городских органов народно-хозяйственного учета и создании участковой инспектуры народно-хозяйственного учета»²⁶ штатная численность сельских участковых инспекторов в Западно-Сибирском крае составляла 520 человек, в Восточно-Сибирском крае – 220 человек²⁷.

Директивы Центра были выполнены. Органы нархозучета стали принимать более активное участие в организации и подведении итогов летнего налогового учета сельскохозяйственных животных, а в начале 1935 г. провели всесоюзную сплошную перепись скота (см. гл. 6). В 1935 г. произошли значимые изменения в организа-

²⁴ Советская Сибирь. 1933. 1 июля.

²⁵ Левитин И. Методика определения урожайности // План. 1934. № 4. С. 20.

²⁶ Известия. 1934. 6 авг.

²⁷ Западно-Сибирский край состоял из 121 района, Восточно-Сибирский край – из 94 районов (Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. XXVII).

ции учета посевных площадей. С 1933 г., как указывалось выше, им занимались земельные органы под контролем ЦГК. С 1935 г. сплошной учет посевов во всех категориях хозяйств возложили на органы нархозучета. Он осуществлялся по следующей схеме²⁸.

Руководители колхозов и совхозов после завершения весенних полевых работ обязывались предоставить инспекторам нархозучета заключительный отчет о размерах засеянной пашни, в который также включались сведения об озимых посевах. Заключительные отчеты, в свою очередь, составлялись на основе актов приемки посевных площадей от полеводческих бригад путем замера их в натуре. В колхозах акты должны были подписывать их председатели, в совхозах – старшие агрономы или управляющие отделениями. Инспекторы нархозучета принимали заключительные отчеты *«или на месте, путем посещения каждого колхоза и государственного хозяйства, или в сельсовете, путем вызова представителей этих хозяйств. В районах с небольшим числом колхозов и государственных хозяйств, приемку отчетов надлежало проводить в хозяйстве»*. В случае сомнения в правильности представленных материалов инспекторы были обязаны на месте (в хозяйстве) проверить данные отчетов, в необходимых случаях прибегнув к обмеру.

Фиксацией размеров посевов единоличников, колхозников, рабочих, служащих и прочих категорий хозяйств сельской местности занимались сельсоветы. В ряде районов осуществлялся сплошной обмер, в ряде районов – опрос. Параллельно опросу домохозяев проводилась проверка их показаний *«путем обязательного осмотра посевов, а в необходимых случаях и обмера»*. После завершения учета сельсоветы передавали его материалы инспектору нархозучета, который обязывался проверить его правильность путем контрольного выборочного обмера, а там, где в его ходе выявлялся недоучет, провести сплошной обмер по всем хозяйствам. Следует отметить, что с 1935 г. по индивидуальному сектору стали отдельно учитываться посевы единоличных хозяйств, приусадебных хозяйств рабочих, служащих и прочих категорий сельского населения. В предыдущий период посевы единоличников учитывались суммарно с посевами рабочих, служащих и прочих категорий.

Учет площади приусадебных посадок в городских поселениях, который также впервые провели в 1935 г., осуществлялся город-

²⁸ Посевные площади в СССР. Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 1. С. 3; Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. V–VI; Организационный план заключительного учета посевных площадей и сортовых посевов в 1940 г. М., 1940. С. 2–5.

скими инспектурами нархозучета путем подворного обхода каждого домовладения. В обходах участвовали представители горсоветов. В рамках городских поселений отдельно учитывались посевы: 1) колхозников; 2) единоличников; 3) рабочих, служащих и прочих категорий.

В отличие от учета посевных площадей, проводимого в первой половине 1930-х гг., с 1935 г. фиксировались посевы всех культур, *«как бы ни малы были их размеры»*²⁹.

С 1935 г. сплошной учет посевных площадей фактически приобрел характер хозяйственно-политической кампании. До его начала проводилась массово-разъяснительная работа среди населения. В 1936 г. в Западно-Сибирском крае она заключалась: *«а) в распространении по сельсоветам и городам лозунгов в количестве 72 000 экземпляров; б) в организации в районах световых газет, которые демонстрировались на экранах во время посевной кампании в стационарных и передвижных кинотеатрах для полевых бригад и в районных клубах; в) в специальных докладах и беседах о задачах учета итогов сева; г) в использовании районных и стенных газет путем помещения специальных статей об учете посевных площадей и в использовании радио»*. Итоги учета посевных площадей обсуждались на общих собраниях колхозников и единоличников, а также на президиумах сельсоветов³⁰. В 1936 г. индивидуальные посевы в крае *«учитывались в большинстве районов путем обмера в натуре, там где обмер не проводился, он был организован выборочно, а где он давал недоучет, производился сплошной обмер в натуре во всех хозяйствах»*³¹.

Руководством ЦУНХУ сплошной учет посевных площадей был определен *«крупнейшей статистической операцией»*, которая *«почти не отличается от всесоюзной переписи посевов»*. В предисловии к статсборнику с материалами учета подчеркивалось, что *«в результате проведенной работы получены данные о посевных площадях по каждому хозяйству, сельсовету, району, области, краю, республике, по категориям хозяйств и в покультурном разрезе»*. *«По госкоопсектору посевы учтены в разрезе каждого наркомата; особо выделены посевы научно-исследовательских учреждений, районных и сельских учреждений»*. В предисловии также указывалось, что сводные данные переписи *«подверглись*

²⁹ Посевные площади в СССР. Вып. 1. С. 3. До 1935 г. учитывались общая посевная площадь, посевы основных зерновых и технических культур, посадки картофеля и овощей в целом.

³⁰ Посевные площади под урожай 1936 года ... С. VI.

³¹ Там же.

проверке» органами ЦГК, которыми «были внесены незначительные исправления, что свидетельствует о достаточно высоком качестве учетных данных»³².

Расширение круга отдельно учитываемых категорий хозяйств привело к изменениям их презентации в официальных статистических изданиях. В общесоюзных и региональных статистических изданиях сведения о посевных площадях за 1933–1934 гг. группировались лишь по 3 категориям хозяйств: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ колхозников и неколхозного населения³³.

В опубликованном ЦУНХУ первом выпуске материалов итогового учета посевных площадей 1935 г. по СССР материалы группировались по 6 категориям хозяйств: 1) госхозам и коопхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам; 5) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сельских местностей; 6) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений³⁴.

Во втором разделе³⁵ второго выпуска материалов итогового учета посевных площадей 1935 г. по СССР приводились данные о посевах государственных хозяйств по отдельным наркоматам: совхозам Наркомсовхозов (в том числе³⁶ зерновым, животноводческим), Наркомзема СССР (в том числе льноводческим, табаководческим, семеноводческим), Наркомзема РСФСР (в том числе промсовхозам), Наркомпищепрома СССР (в том числе свекловодческим), сельхозпредприятиям ОРСов Наркомтяжпрома, Наркомлегпрома, Наркомлеса³⁷.

В статсборнике Западно-Сибирского УНХУ за 1935 г. приводились данные о посевных площадях по 9 категориям хозяйств: 1) совхозам; 2) коопхозам; 3) отделам рабочего снабжения и подсобным сельхозпредприятиям; 4) учреждениям и организациям; 5) колхозам; 6) ЛПХ колхозников; 7) единоличным хозяйствам; 8) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сель-

³² Посевные площади в СССР. Вып. 1. С. 3.

³³ См.: Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 193; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 256; Запсибкрай в новых границах в цифрах. Краткий стат. справочник. Новосибирск, 1935. С. 51; и др.

³⁴ Посевные площади в СССР. Вып. 1. С. 27.

³⁵ В первом разделе статсборника были опубликованы результаты учета посевных площадей по регионам СССР.

³⁶ Указаны специализации совхозов, функционирующих на территории Сибири.

³⁷ Посевные площади в СССР (По административным районам). Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 2. С. 5.

ских местностей; 9) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений³⁸. Кроме того, в разделе, посвященном совхозному строительству, были указаны общие размеры посевных площадей по совхозам Наркомсовхозов, Наркомзема, Наркомвнешторга (звероводческим) и Наркомпищепрома³⁹.

В статсборнике Западно-Сибирского УНХУ, подводящем итоги учета посевных площадей 1936 г., основные материалы группировались по 7 категориям хозяйств: 1) госхозам и коопхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам сельской местности; 5) единоличным хозяйствам городской местности; 6) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сельских местностей; 7) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений⁴⁰. В отдельном разделе сборника публиковались данные о площади посева в хозяйствах государственно-кооперативного сектора по наркоматам и ведомствам (Наркомсовхозов, Наркомзема СССР, Наркомзема РСФСР, Наркомпищепрома, Наркомвнутторга, Наркомвнешторга, Наркомтяжпрома, Наркомлегпрома, Наркомлеса, Наркомпути, Наркомвода, Наркомсвязи, Комитета заготовок СНК СССР, Центросоюза, Всекоппромсовета, Всекоппромлесосоюза). При этом особо указывались посевные площади селекционных и опытных станций, племенных рассадников, сельхозпредприятий ОРСов, пунктов предубойного содержания скота, сельских учреждений и организаций (школ, сельсоветов, райисполкомов)⁴¹.

В порегиональном разделе статистического справочника «Посевные площади СССР 1938 г.» была представлена следующая группировка хозяйств: 1) госхозы; 2) в том числе совхозы Наркомата совхозов, Наркомата пищевой промышленности, Наркомата земледелия, пригородных сельхозтрестов; 3) колхозы; 3) ЛПХ колхозников; 4) ЛПХ рабочих, служащих; 5) единоличные хозяйства⁴². В разделе «посевные площади совхозов» данного статсправочника материалы группировались по следующим «системам совхозов»: 1) Наркомсовхозов (в том числе союзного и республиканского подчинения); 2) Наркомзема (в том числе союзного и республиканского подчинения); 3) Наркомпищепрома (в том числе союзного подчинения и прочие хозяйства наркомата); 4) пригородных трестов сельского хозяйства.

³⁸ Народное хозяйство Запсибкрая: стат. ежегодник. Новосибирск, 1936. С. 134.

³⁹ Там же. С. 107–117.

⁴⁰ Посевные площади под урожай 1936 года ... С. XIII.

⁴¹ Там же. С. XVIII–XXVI.

⁴² Посевные площади СССР в 1938 г.: стат. справочник. М.; Л., 1938. С. 21.

В 1937–1941 гг. учет посевных площадей в целом проводился по методике, апробированной в 1935–1936 гг. При этом превентивный обмер в индивидуальных хозяйствах не проводился. Размер их посевов фиксировался в сельсоветах на основании опроса дворохозяев с последующей проверкой *«путем обязательного осмотра посевов в натуре, а в необходимых случаях и обмера»*⁴³. Наиболее принципиальным изменением в организации учета посевных площадей и определении урожайности зерновых культур являлось упразднение в марте 1937 г. ЦГК и МГК⁴⁴. Функции государственных комиссий передавались земельным органам и органам нархозучета (см. гл. 4).

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1930–1940 гг.

В 1930-е гг. данные о площади посева в СССР в целом публиковались в периодических издаваемых статистических сборниках. Первый относительно протяженный ряд динамики посевных площадей за 1930–1933 гг. появился на страницах изданного в 1934 г. статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР»⁴⁵. В очередных одноименных статистических сборниках 1935 и 1936 гг. погодовой ряд пополнился новыми данными и, соответственно, продлился до 1935 г.⁴⁶ В изданном в 1936 г. ежегоднике «Сельское хозяйство СССР» приведены те же данные о площади посева в стране за 1930–1935 гг.⁴⁷, что и в вышеупомянутых статистических сборниках. В 1939 г. в свет вышли два специализированных статистических сборника⁴⁸, в которых повторяются данные о посевных площадях из предыдущих изданий и приводятся сведения за 1936–1938 гг. Информацию о предварительных итогах учета посевных площадей в 1939 г. опубликовали уже в том же году⁴⁹, а окончательные итоги – лишь в конце 1950-х гг.⁵⁰ Данные за 1940 г.

⁴³ Организационный план заключительного учета ... С. 5.

⁴⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 2004. Т. 5. Кн. 1: 1937. С. 186–187.

⁴⁵ Социалистическое строительство СССР. 1934. С. 177.

⁴⁶ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 323; Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1936. С. 280.

⁴⁷ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 238, 1369.

⁴⁸ Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 3; Посевные площади СССР в 1938 г. С. 11.

⁴⁹ Посевные площади и сортовые посевы СССР в 1939 году (Предварительные итоги). М.; Л., 1939. С. 62–63.

⁵⁰ Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1960. С. 127.

**Посевные площади в СССР в 1930–1939 гг.
во всех категориях хозяйств, млн га**

<i>Ряд динамики А2-1</i>					
Год	Площадь посева		Год	Площадь посева	
	общая	зерновых культур		общая	зерновых культур
1930	127,2	101,8	1935	132,8	103,4
1931	136,3	104,4	1936	133,8	102,4
1932	134,4	99,7	1937	135,3	104,4
1933	129,7	101,5	1938	136,9	102,4
1934	131,5	104,7	1939	133,7	100,9

Источники: данные за 1930–1933 гг.: Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. С. 177; данные за 1934–1938 гг.: Посевные площади СССР в 1938 г. С. 11; данные за 1939 г.: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 127.

во всех статистических изданиях приводятся в изменившихся в 1939–1940 гг. границах СССР.

На основе наиболее информативных из вышеназванных источников нами сформирован ряд динамики А2-1 (посевные площади в СССР в 1930–1939 гг. во всех категориях хозяйств) (табл. 2.1).

Составляющие ряд динамики А2-1 показатели в целом сопоставимы. Но при этом следует иметь в виду недостаточную степень достоверности данных по началу 1930-х гг. Несмотря на это, указанный динамический ряд позволяет выявить тенденции развития растениеводства в СССР в 1930-е гг. В 1931 г. за счет наращивания производственного потенциала колхозов и совхозов посевные площади в стране увеличились. Сверхнормативные хлебозаготовки и голод привели к их снижению в 1932 и 1933 гг. Затем начался медленный рост площади засеваемой пашни, который прервался в 1939 г. В 1940 г., по нашей оценке, посевная площадь в СССР в сопоставимых границах незначительно увеличилась.

В вышеназванных общесоюзных статистических изданиях также опубликованы сведения о посевных площадях в краях и областях Сибири за указанные годы. Однако в связи с изменением административно-территориального устройства Сибири в статистических изданиях середины и конца 1930-х гг. приводятся несопоставимые данные. В связи с этим мы вынуждены составить два общерегиональных частично пересекающихся динамических ряда: ряд динамики А2-2 (посевные площади в Сибири в 1932–

**Посевные площади в Сибири в 1932–1934 гг.
во всех категориях хозяйств, тыс. га**

<i>Ряд динамики А2-2</i>				
Год	Площадь посева		Площадь посева	
	общая	зерновых культур	общая	зерновых культур
	<i>Западно-Сибирский край</i>		<i>Восточно-Сибирский край</i>	
1930	6831	5922	1786	1589
1931	7977	7041	2031	1844
1932	7093	5988	2092	1902
1933	8068	7095	1941	1808
1934	9052	8095	2160	2008

Источник: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 246–247.

Примечание. Данные приведены в границах 1930–1934 гг.

1934 гг. во всех категориях хозяйств) (табл. 2.2) и ряд динамики А2-3 (посевные площади в Сибири в 1932–1940 гг. во всех категориях хозяйств) (табл. 2.3).

За 1939 г. в динамическом ряду А2-3 показаны предварительные итоги проведенного в этом году учета посевных площадей. Сведения о посевных площадях в краях, областях и автономиях Сибири в 1940 г. нами выявлены лишь в послевоенных границах. В извлеченной из фонда ЦСУ РГАЭ таблице приведены данные о площади посева в регионе в 1940–1945 гг.⁵¹ Однако, по нашему мнению, они в целом географически сопоставимы с данными из статсборников конца 1930-х гг. В довоенный период в Западную Сибирь входили Алтайский край, Новосибирская и Омская области, в послевоенный – Алтайский край, Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская и Тюменская области. При этом восточные границы региона остались неизменными, а западные изменялись дважды. В 1943 г. из Омской области в состав образованной Курганской области отошли Армизонский, Бердюжский, Исетский, Упоровский районы и часть Новоаимского района⁵². В 1944 г. Армизонский, Бердюжский, Исетский и Упоровский районы передали из Курганской области в созданную в этом году Тюменскую область⁵³. Таким образом, территория Западной Сибири в довоенных границах фактически совпадает с территорией региона в послевоенных границах (без учета Курганской области).

⁵¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 149.

⁵² Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 8.

⁵³ Там же. 1944. № 43.

**Посевные площади в Сибири в 1932–1940 гг.
во всех категориях хозяйств, тыс. га**

<i>Ряд динамики А2-3</i>				
Год	Площадь посева		Площадь посева	
	общая	зерновых культур	общая	зерновых культур
	<i>Западная Сибирь</i>		<i>Восточная Сибирь</i>	
1932	7506	6359	2734	2470
1933	8189	7186	2711	2521
1934	9022	8071	3056	2838
1935	8986	7092	3150	2883
1936	9299	8177	3184	2905
1937	9756	8530	3375	3075
1938	10304	8867	3589	3238
1939	10376	8818	3734	3515
1940	10713	8968	3830	3388

Источники: данные за 1932–1938 гг.: Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.). С. 6–8, 10, 15–17, 19; данные за 1939 г.: Посевные площади и сортовые посевы СССР в 1939 году. С. 62–65; данные за 1940 г.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 149, 158.

Примечание. В 1932–1939 гг. в Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Омской и Новосибирской областей, в Восточную Сибирь – Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР в границах 1938 г. В 1940 г. в Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, в Восточную Сибирь – Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР в послевоенных границах.

Внешние границы Восточной Сибири изменялись дважды. В 1944 г. в СССР вошла Тува. В 1948 г. из Читинской области в состав Амурской области перешли Зейский, Сковородинский, Тыгдинский, Джелтулакский, Нюкжинский и Зейско-Учурский районы⁵⁴. Перечисленные районы являлись лесопромысловыми. Их доля в общей площади посева в Читинской области была незначительна, а в масштабах всего региона – статистически ничтожной. В связи с этим также можно утверждать, что территория Восточной Сибири в довоенных границах фактически совпадает с территорией региона в послевоенных границах (без учета Тувинской автономной области). Исходя из вышеизложенного, в ряд динамики А2-3 можно внести упомянутые выше данные за 1940 г. из РГАЭ.

⁵⁴ Там же. 1948. № 32.

Сведения, составляющие ряды динамики А2-2 и А2-3, позволяют определить основные тенденции развития растениеводства в Сибири в 1930-е гг. В 1931 г. в регионе в целом было зафиксировано существенное увеличение посевных площадей. В 1932 г. оно сменилось снижением, а в 1933 и 1934 гг. – ростом, темпы которого в 1935 г. резко упали. Во второй половине 1930-х гг. площадь посева в Сибири медленно росла.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга развития растениеводства. Систему статистического учета посевных площадей, которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Базовым методом мониторинга стал ведомственный учет, проводимый под контролем органов нархозучета. Опрос как метод статистического обследования сохранился лишь в несоциалистическом секторе. Советская статистика растениеводства второй половины 1930-х гг. в части определения размеров площади посева, по нашему мнению, была достоверной и репрезентативной.

Часть II

СТАТИСТИКА УРОЖАЙНОСТИ И ВАЛОВЫХ СБОРОВ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

Глава 3

УЧЕТ УРОЖАЙНОСТИ В 1920-е гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА. ХЛЕБОФУРАЖНЫЕ БАЛАНСЫ

Статистика урожайности в СССР в 1920-е гг. осуществлялась под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт статистической работы и полностью основывалась на методах, применяемых в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Статистический мониторинг начинался с наблюдения за состоянием посевов, возлагаемого на добровольных корреспондентов статорганов, в состав которых отбирались наиболее грамотные и надежные жители деревни.

В Бюллетене Алтайского губернского статистического бюро содержалась следующая информация о количественных и качественных характеристиках сети добровольных корреспондентов на весну 1921 г. Корреспондентская сеть в Алтайской губернии начала формироваться еще в 1917 г. после учреждения губернии и создания при губернской земской управе статбюро. В нее вошла часть бывших корреспондентов Переселенческого управления. Новый контингент набирался через кооперативные союзы, уездные земства. После реставрации советской власти в конце 1919 г. каких-либо существенных изменений в корреспондентском составе не произошло. К 1 мая 1921 г. губстатбюро располагало 1392 добровольными корреспондентами при их оптимальной численности для губернии в 1690 человек (один корреспондент на 200 дворохозяйств). В некоторых волостях таковых вообще не было. Одной из основных проблем корреспондентской сети являлась низкая дисциплина многих ее членов. *«Аккуратными и добросовестными»* были названы лишь 494 корреспондента (39 %). *«Многие из них посылают запоздалые сведения, другие совсем не отвечают»*. На 494 «добросовестных» корреспондентов приводились более подробные сведения: 61 % из них были крестьянами, 21 % – писарями или секретарями, 5 % – учителями, 5 % –

«чернорабочими»¹, 8 % – представителями других профессий, в том числе агрономами, священниками, портными².

Следует отметить, что в условиях военного коммунизма у статистических органов была возможность стимулировать деятельность добровольных корреспондентов, освободив их на основании существующего законодательства от исполнения некоторых повинностей или предоставив льготы. После перехода к нэпу *«многие тяжелые повинности были отменены, а Губстатбюро труд оплачивает скудно, да и то деньгами, которые в глазах крестьян пока имеют малую цену»*. В результате число корреспондентов значительно сократилось³. К середине 1920-х гг. корреспондентская сеть стабилизировалась. На 1 октября 1927 г. в Сибирском крае официально насчитывалось 4279 доброкоров. Их деятельность в среднем охватывала 67 % сельсоветов (в Ойротии – 50 %). По-прежнему многие корреспонденты игнорировали свои обязанности. Их средняя «отвечаемость»⁴ по урожайной статистике составляла около 30 %⁵.

Добровольным корреспондентам надлежало два раза в месяц (на 1 и 15 число) определить по каждой из основных зерновых культур⁶ для данной местности состояние посевов в своем селеении⁷. В Сибири наблюдение за яровыми зерновыми начиналось со времени их массовых всходов 1 июня или 15 июня и завершалось 1 сентября⁸. Оценка давалась в десятых долях балла. Максимальной была оценка в 5 баллов, минимальной – в один. При этом хорошим считался урожай, оцениваемый от 4,6 до 5 баллов, выше среднего – от 3,6 до 4,5, средним – от 2,6 до 3,5, ниже среднего – от 1,6 до 2,5, плохим – от 0,6 до 1,5 балла. Более низкий балл означал фактическую гибель урожая⁹.

¹ Так в документе. Вероятно, речь идет о рабочих.

² Бюллетень Алтайского губстатбюро. 1921. № 6. С. 24–25.

³ Там же. 1923. № 10. С. 13.

⁴ Так в документе.

⁵ Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1929. № 15/16. С. 111.

⁶ Также давалась оценка состояния посадок основных технических культур (льна, конопли), картофеля, а также сенокосов (заливных и суходольных).

⁷ Добровольные корреспонденты также информировали статорганы об агрометеорологических условиях в своей местности, начиная со времени сплошного таяния снега, времени вспашки, посевов отдельных культур, способах сева, итогах весеннего и озимого сева, состоянии озимых культур, итогах стойлового периода.

⁸ Наблюдение за озимыми зерновыми начиналось осенью (на 1 октября, 15 октября и 1 ноября) и возобновлялось весной (на 15 мая, 1 июня), а затем совпадало со сроками оценки яровых культур.

⁹ Бюллетень Алтайского губстатбюро. 1921. № 6. С. 19; Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1926. № 7/8. С. 111.

Заполненный бланк анкеты с оценкой урожая отсылался в волисполком, уездный или окружной отдел статистики. По мере приближения уборочных работ, со времени цветения зерновых культур, статорганы переводили качественную характеристику состояния посевов в количественное выражение ожидаемого подесятинного сбора. В Сибири перевод осуществлялся на 15 августа и 1 сентября. Для этого использовалась шкала урожайности, рассчитанная на основании многолетних данных о соотношении между средним урожаем и отклонениями от него в сторону увеличения или снижения. За среднюю урожайность, как правило, принимался средний многолетний довоенный урожай в регионе по данным Центрального статистического комитета за 10 или более лет (в Сибири чаще всего за 1904–1915 гг.)¹⁰.

Статорганы губерний могли принять свой период для исчисления. Так, Алтайское губернское экономическое совещание (эконосо) 23 июля 1923 г. постановило принять за основу определения вероятного урожая среднюю за трехлетие 1920–1922 гг. «с поправкой на 0,5 балла на возможный недоучет урожая в эти годы, т.е. принять за среднюю урожайность, соответствующую баллу 3,5, или иначе, повысить средние за последнее трехлетие на 18 %»¹¹.

В 1923 г. отдел научной методологии ЦСУ РСФСР разработал так называемые шкалы урожайности для пересчета баллов в количественные показатели сбора. Уезды республики делились на 4 группы. Для каждой устанавливалась своя шкала. Например, для засушливой Алтайской губернии, уезды которой относились к 3-й группе, 2 балла означало 67 % среднего многолетнего урожая, 3 балла – 100, 3,5 балла – 118, 4 балла – 137, 5 баллов – 180 %¹².

После начала уборки зерновых добровольные корреспонденты направляли в статорганы данные об урожайности хлебов, полученных путем анкетирования отдельных хозяйств. В так называемые урожайные книжки записывались субъективные показания дворохозяев о величине сбора. Свою оценку сбора давали волостные (районные) статистики. Кроме того, добровольные корреспонденты информировали статорганы о результатах пробных нажинов и намолотов. В начале уборки из определенного количества снопов

¹⁰ Кауфман А.А. Теория и методы статистики. М.; Л., 1928. С. 478–479; Бар Г. Урожай главных зерновых культур в Западно-Сибирском крае с 1923 по 1930 г. // Статистика Сибири: сборник статей и материалов. Новосибирск, 1931. Вып. 5. С. 43.

¹¹ Бюллетень Алтайского губстатбюро. 1923. № 11. С. 3.

¹² Там же. С. 2.

(копен) выбиралось несколько, которые обмолачивали. На основе этих обмолотов давалась оценка ожидаемой средней урожайности.

Работа по определению урожайности на местах завершалась в рамках проводимых в октябре – ноябре осенних опросов, выборка которых составляла 2–3 % крестьянских хозяйств¹³. В анкету, в частности, входили вопросы о количестве намолоченных мер (возов, снопов), весе обмолоченного зерна, общей оценке урожая по пятибалльной шкале: «хороший», «выше среднего», «средний», «ниже среднего», «плохой». Опрос проводили добровольные корреспонденты, волостные или районные статистики, а в случае их отсутствия «особые лица по поручению» вол-, райисполкомов. Иногда в целях более репрезентативного проведения опроса на места выезжали специалисты из губернских или окружных центров.

Во второй половине 1920-х гг. в схему исчисления урожая внесли ряд изменений. С 1925 г. ЦСУ организовало опросы «особо квалифицированных корреспондентов», подобранных местными статорганами «из числа лиц, зарекомендовавших себя правдивыми и вдумчивыми ответами на задаваемые им вопросы». Их общее число в целом по стране составило около 10 тыс. человек¹⁴. В 1928 г. текущую статистику урожайности возложили на специализированных «урожайных» корреспондентов. К сбору информации о состоянии посевов и результатах первых обмолотов также стали привлекать агроуполномоченных¹⁵. В конце 1928 г. началась чистка корреспондентской сети от «мертвых душ». Была поставлена задача пополнения ее состава за счет бывших красноармейцев и школьных работников¹⁶.

В конце 1920-х гг. по инициативе ЦСУ на местах стали проводиться контрольные нажины и обмолоты. В 1928 г. обрабатывались

¹³ Кауфман А.А. Теория и методы статистики. С. 479; Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. С. 24. Осенний опрос официально именовался «опросом об урожайности в опрашиваемом хозяйстве».

¹⁴ Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 25.

¹⁵ С целью улучшения агрикультуры в начале 1929 г. были разработаны районные агроминимумы (перечни простейших агрономических мероприятий, направленных на повышение урожайности). Крестьянские хозяйства, реализовавшие у себя данные мероприятия, получали налоговые льготы. Если они осуществлялись земельным обществом в целом, скидка увеличивалась. Организационная работа по проведению агроминимума возлагалась на избранных на сходе агроуполномоченных (Земельные органы Сибири в 1920-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2015. С. 167).

¹⁶ Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1928. № 13/14. С. 245.

различные методики осуществления контрольных мероприятий для регионов с наличием и отсутствием твердых единиц нажинов. Там, где эти единицы были (снопы стандартного размера), применялся так называемый разрывной метод: нажин и обмолот определенного количества снопов могли производиться в разных хозяйствах.

В Сибири, на территории которой принятой единицы нажина не было, применялся «связный» метод. Производился отбор изъывивших свое согласие хозяйств с типичным для данной местности урожаем. В них осуществлялся обмер участка и его выкашивание. Затем полученный нажин перевозился на подготовленный ток, обмолачивался и взвешивался. По результатам обмолотов определялся средний сбор. Все этапы, включая процесс перевозки, контролировались. Применялось два способа нажина. При сплошном по диагонали поля выкашивалась полоса; при разрывном – через установленный интервал выкашивалось несколько делянок одинаковой площади. Обмолоты рекомендовалось проводить теми же способами, которые практиковались в крестьянских хозяйствах данной местности.

В Сибирском крае в 1928 г. указанные мероприятия проводились в трех округах (Славгородском, Новосибирском и Красноярском) на 742 участках по яровой пшенице и овсу. В 1929 г. масштабы контрольных нажинов и обмолотов расширились. В Сибирском крае ими охватили 11 округов. Общее количество намолотов по краю составило 1154, а средние размеры участка, нажин с которого обмолачивался, – 0,37 га. И в общесоюзной, и в сибирской статистической литературе отмечалось негативное отношение крестьян к контрольным нажинам и обмолотам. Они не хотели, чтобы власти узнали реальные размеры урожая. В Славгородском округе были зафиксированы случаи порчи весов, сбрасывания части сжатого хлеба при перевозке, в Красноярском округе – попытки владельцев молотилок уклониться от предоставления своих машин, а местных жителей – от участия в обмолате, несмотря на то, что данная работа оплачивалась. Все это происходило при фактическом попустительстве добровольных корреспондентов¹⁷.

¹⁷ Юрцевский М. Результаты производства контрольных нажинов и обмолотов в 1928 году. (Предварительные итоги) // Статистическое обозрение. 1929. № 5. С. 117, 118; *Он же*. Предварительные итоги контрольных нажинов и обмолотов в 1929 г. // Там же. 1930. № 3/4. С. 96–97, 99; Гензель С.Г. Контрольные нажины и обмолоты хлебов в Сибирском крае в 1928 г. // Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1929. № 15/16. С. 94, 96.

В 1929 г. в порядке эксперимента в одном совхозе Сибирского края по заданию Института экспериментальной статистики ЦСУ для определения урожая на корню применили квадратную деревянную рамку с внутренней стороной в аршин (71,12 см). Рамку площадью в 1 квадратный аршин (5058,05 см²) накладывали через определенные интервалы на поле с созревшими хлебами. С каждой наложенной рамки собирали колосья, считали их, затем механическим методом отбирали 10 колосьев и лушили. Полученные зерна со всех аршинных делянок взвешивали, делили на 10, затем умножали на среднее число колосьев в каждой делянке, затем на число делянок и далее подсчитывали средний сбор¹⁸. Данный способ исчисления урожая на корню в 1930-е гг. трансформировался в метод его определения с помощью так называемых метровок (см. гл. 4).

Координацией работы по определению урожайности в отдельных административно-территориальных единицах занимались экспертные комиссии соответствующего уровня – волостные, уездные, губернские (после завершения районирования – районные, окружные), краевые/областные. В начале 1920-х гг. в состав волостных комиссий входили «член волысполкома по земельным делам», волстатистик, представители сельхозкооперации, местного агрономического персонала, продинспектор; в состав уездных и губернских комиссий – представители соответствующих исполкомов, статистических, земельных и продовольственных органов¹⁹, РКИ, сельхозкооперации. Созыв губернских экспертных комиссий возлагался на губернские статистические бюро, уездных, окружных – на соответствующие статбюро, районных – на райисполком.

В Сибири работа волостных (районных) комиссий должна была начинаться *«сейчас же, после очистки полей от снега»*, но не позднее 1 мая. Последующие заседания проходили 2 раза в месяц (10 и 25 числа), а последнее – *«по уходу озимых хлебов под снег»*, но не позднее 15 ноября. Уездные/окружные и губернские комиссии, которые также заседали 2 раза в месяц, принимали заключение о состоянии урожая на каждый срок наблюдения и информировали о них органы государственной власти. Заключение губернских комиссий публиковались в открытой печати²⁰. Заключение губернских экспертных комиссий и материалы, на основании которых они принимались, передавались в краевые/областные

¹⁸ Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1929. № 17/18. С. 161.

¹⁹ После ликвидации Наркомпрода в состав экспертных комиссий стали включаться представители финансовых органов.

²⁰ Бюллетень Алтайского губстатбюро. 1923. № 9. С. 16.

статистические отделы и соответствующие экспертные комиссии, а также в ЦСУ.

В конце 1920-х гг. началось реформирование системы урожайной статистики. Стали проводиться обследования уборочной кампании в колхозах и совхозах, результаты которых также учитывались при определении общей урожайности. Критикуя методику определения урожайности в 1920-е гг., В.С. Немчинов указал на то, что оценивающие виды на урожай добровольные корреспонденты *«преимущественно состояли из кулаков, служителей культа и только отчасти из учителей. Естественно, что кулаки и служители культа в своих оценках путем искажения действительного состояния посевов пытались проводить классовые враждебные влияния на план заготовок и другие мероприятия Советского государства. То, что виды на урожай определялись на основе показаний классово враждебных элементов, приводило в расчетах валового сбора хлебов к ошибкам, имеющим большие последствия»*²¹.

В 1929 г. сеть добровольных корреспондентов преобразовали. Началось с их переименования в «статистических» корреспондентов («статкоров»). Была проведена «чистка». 15 марта 1929 г. ЦСУ направило на места циркуляр, в котором предлагало «освободить» сеть корреспондентов от кулаков, служителей культа, лиц, лишенных избирательных прав по социальным и политическим причинам. Надлежало *«сформировать количественно и качественно крепкий кадр советских статкоров из тех социальных групп, на которые опирается Советская власть»*, пополнить сеть *«представителями деревенского актива и парторганизаций»*²². Завершилось реформирование ликвидацией корреспондентской сети.

Упомянутые выше экспертные комиссии также занимались исчислением валовых сборов зерновых культур на подведомственной территории. Установленный ими по итогам обработки материалов пробных и контрольных намолотов, а также осенних опросов средний сбор с одной десятины умножался на посевную площадь, определенную в ходе сельскохозяйственных переписей. Такой же прием, но в общегосударственном масштабе, применялся ЦСУ. В своих первых работах по определению валового сбора специалисты ЦСУ никаких поправок на недоучет посевных площадей, урожайности и валовых сборов не использовали. Установленные ЦСУ показатели валовых сборов использовались для построения годовых хлебофуражных балансов СССР. Для их расчетов также

²¹ Немчинов В.С. Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. М.; Л., 1933. Вып 1. С. 13.

²² Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1929. № 15/16. С. 112.

привлекались данные о нормах обсеменения пашни, размерах потребления, реализации, экспорта и т.п.

Хлебофуражный баланс являлся базовым документом, показывающим объемы производства, распределения и расходования зерновой продукции. В 1920-е гг. СССР оставался крестьянской страной, основной специализацией крестьянских хозяйств являлось выращивание зерновых культур, а хлеб занимал важное место в структуре потребления и экспорта. В связи с этим составление хлебофуражных балансов имело важное политико-экономическое значение. Более того, разработанные балансы постоянно находились в центре не только научного, но и политического дискурса.

В начале 1920-х гг. критике подвергся отказ руководства ЦСУ от внесения повышательных поправочных коэффициентов в полученные по результатам выборочных опросов крестьянских хозяйств и обобщения низовой урожайной статистики показатели посевов и сборов. Первым критиком ЦСУ по данной проблеме стал работавший в Госплане С.Г. Струмилин. В июле 1921 г. на страницах газеты «Экономическая жизнь» он обвинил ЦСУ в недоучете значительной части валового сбора зерновых. Позицию Струмилинина поддержал член Президиума ВСНХ (с ноября 1921 г. член Президиума Госплана) Ю. Ларин (А.М. Лурье), который полагал, что итоговые данные ЦСУ о сборе хлебов являются преуменьшенными в связи с сокрытием крестьянами его размеров²³.

Определяя достоверность сведений ЦСУ о размерах валового сбора, специалисты применили балансовый метод проверки урожайности по потреблению хлебов. Используя его, С.Г. Струмилин установил, что исчисленный ЦСУ сбор хлебов за 1920 г. *«преуменьшен по меньшей мере на 670 милл[ионов] пудов, или 25 % от фактического сбора, определившегося по данным о потреблении»*²⁴. При этом С.Г. Струмилин полагал, что ЦСУ уже внесло поправки в первичную урожайную статистику. Без этой поправки недоучет, по его подсчетам, вырос бы до 35 %²⁵.

На столь радикальное изменение определенных на основе первичной сельскохозяйственной статистики данных ЦСУ не пошло. Его специалисты также отказались изменить методы ис-

²³ Тропов И.А. ЦСУ и тайны советской сельскохозяйственной статистики первой половины 1920-х гг. // Ленингр. юрид. журн. 2012. № 4. С. 259, 260.

²⁴ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4/5. С. 59.

²⁵ Там же. О том, что ЦСУ осенью 1921 г. под давлением оппонентов внесло в данные о валовом сборе 1920 г. поправки на недоучет, основываясь на архивных документах, пишет И.А. Тропов (См.: Тропов И.А. ЦСУ и тайны ... С. 261).

числений урожая. Острые дискуссии продолжались. С критикой методики ЦСУ выступили также В.Г. Громан, Н.П. Огановский, Н.М. Вишневецкий²⁶. Сформированный специалистами возглавляемого Н.Д. Кондратьевым Конъюнктурного института Наркомата финансов хлебофуражный баланс на 1922/23 г. основывался на валовом сборе в 3096 млн пуд., что на 31 % превышало показатели, исчисленные ЦСУ²⁷.

Руководство ЦСУ в итоге согласилось с необходимостью изменения методов расчета урожая. 17 декабря 1923 г. коллегия управления приняла решение о внесении в балловую оценку урожайности «вследствие преуменьшения в показаниях» поправки в 0,5 балла (с колебаниями в отдельных регионах от 0,4 до 0,6 балла)²⁸. Данная поправка применялась как для общегосударственных, так и для региональных расчетов (см. выше).

В конце марта 1924 г. представители ЦСУ, докладывая в стенах Госплана о результатах составления хлебофуражного баланса РСФСР на 1923/24 г., официально признали недостаточность ранее применявшихся методов наблюдения и учета урожая и объявили о переходе к балансовому методу их проверки. Применение балансового метода привело специалистов ЦСУ к необходимости внесения поправок: в показатели посевных площадей – +16 %, урожайности – +30–32 %. По расчетам С.Г. Струмилина, совокупный поправочный коэффициент на валовый сбор в 1923 г. составлял +51 % к варианту, исчисленному без поправок²⁹.

Еще больший накал приобрел дискурс вокруг построенного ЦСУ хлебофуражного баланса 1925/26 г. Активное участие в нем приняло политическое руководство страны. Условия вегетации зерновых летом 1925 г. в большинстве хлебопроизводящих регионов СССР были благоприятными. В сочетании с увеличением посевных площадей это позволяло прогнозировать существенную прибавку валовых сборов. 15 июля 1925 г. в Бюллетене ЦСУ был опубликован предварительный хлебофуражный баланс на 1925/26 г., согласно которому общий сбор хлебов в стране в 1925 г. должен был превысить результаты предыдущего года на 38 %³⁰.

²⁶ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики. С. 60.

²⁷ Тропов И.А. ЦСУ и тайны ... С. 260.

²⁸ Вестник статистики. 1924. № 1–3. С. 175; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Репринтное воспроизведение издания 1926 г. М., 1993. С. 120.

²⁹ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики. С. 60–61.

³⁰ Бюллетень ЦСУ. 1925. № 105. С. 65.

Высокий урожай, по мнению экспертов, мог привести к падению цен не только на хлеб, но и на другую сельскохозяйственную продукцию. Это могло вызвать недовольство крестьянства и вновь обострить его отношения с властью. С целью недопущения подобного развития государство решило повысить спрос на хлебопродукты. Был существенно увеличен план государственных централизованных заготовок. Значительная часть закупленного у крестьян хлеба должна была пойти на экспорт. Выручку от него планировалось пустить на закупку за границей машин и оборудования, что позволяло запустить программу индустриализации страны³¹.

Однако уже в конце июля погода сменила милость на гнев. Почти непрерывные полуторамесячные дожди на юге страны снизили урожайность зерновых, затруднили уборку и затянули обмолот. В то же время спрос на хлебопродукты в связи с ростом доходов рабочих и служащих оказался выше прогнозируемого. Истощение не столь уж больших запасов хлебопродуктов, оставшихся после недородного 1924 г., и направление значительной части закупленного продовольственного зерна на форсирование экспорта привели к возникновению в потребляющих районах страны дефицита хлебопродуктов. Это вызвало недовольство городского населения. В создавшихся условиях руководство страны было вынуждено резко снизить объемы экспорта. Соответственно сократились размеры импорта. Недопоставка машин и оборудования привела к существенному секвестированию плана капитального строительства в промышленности³².

Роль козла отпущения за провал руководство страны отвело управляющему ЦСУ П.И. Попову. По поручению председателя СНК СССР А.И. Рыкова была создана комиссия РКИ, которой надлежало «*произвести ревизию опубликованного ЦСУ предположительного хлебофуражного баланса на 1925/26 г.*». В работе комиссии приняли участие известные экономисты и статистики С.Г. Струмилин, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников, В.Г. Громан³³.

10 декабря 1925 г. с докладом по итогам работы комиссии на заседании Политбюро ЦК КП(б) выступил нарком РКИ В.В. Куйбышев. Он полагал, что одной из причин завышения ЦСУ валового сбора зерновых в рамках предварительного хлебофуражного ба-

³¹ См.: *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте: (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 98–99.

³² См.: Там же. С. 104, 108, 138.

³³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг. М., 2007. Т. 1: 1923–1926 гг. С. 425.

ланса являлись методические просчеты. При определении площади посева в 1925 г. применялись повышательные поправочные коэффициенты той же величины, что были исчислены ЦСУ в 1923 г. Однако масштабы сокрытия крестьянами параметров своего хозяйства от переписчиков с тех пор, по мнению Куйбышева, уменьшились. *«В 1923 г. крестьяне еще жили психологией prodrazверстки; они боялись, как бы у них не отняли все, оставив им только нужное для их потребления»*. Но политическая и экономическая обстановка в деревне улучшилась. Снизились размеры сельскохозяйственного налога. *«Должно ли это повлиять на размер поправок? Несомненно. Сейчас для крестьянства, без сомнения, меньше побуждений скрывать площадь засева»*.

Аналогичная ситуация сложилась и с определением урожайности хлебной нивы. Так же, как и в 1923 г., ЦСУ в 1925 г. для всех регионов применило надбавку в 0,5 балла по шкале урожайности. Во-первых, не доказано, что сокрытие истинных размеров урожая осталось на прежнем уровне. Во-вторых, одинаковая надбавка к урожаю, оцениваемому по-разному, дает различные результаты. Полбалла, добавленные к размерам сбора, соответствующего общей оценке в 2 балла (ниже среднего), увеличивает его на 25 %, а к оценке в 4 балла (выше среднего) – лишь на 12 %³⁴.

П.И. Попов, пытался возражать, заявляя, что ЦСУ в случае необходимости ежегодно пересматривает поправочные коэффициенты на недоучет посевов³⁵ и урожайности. При этом по некоторым районам они могут оставаться неизменными в силу отсутствия данных для пересмотра³⁶. Однако аргументы управляющего ЦСУ собравшиеся во внимание не приняли. По предложению комиссии по проверке ЦСУ П.И. Попов был отстранен от занимаемой должности. В феврале 1926 г. управляющим ЦСУ СССР назначили В.В. Осинского³⁷.

26 мая 1926 г. СТО *«в целях объединения и упорядочения работ по оценке хлебофуражного производства Союза ССР и по определению хлебофуражного баланса страны»* постановил создать специализированный Экспертный совет при ЦСУ. На совет воз-

³⁴ Там же. С. 427.

³⁵ Повышательные поправочные коэффициенты вносились и в определенные в ходе сельскохозяйственных переписей размеры посевных площадей. Методики определения величин недоучета площади посева постоянно совершенствовались (см. гл. 1).

³⁶ Стенограммы заседаний Политбюро ... С. 440.

³⁷ В.В. Осинский занимал эту должность до начала марта 1928 г., когда был отстранен от нее из-за разногласий с И.В. Сталиным. С марта 1928 г. по январь 1930 г. управляющим ЦСУ СССР был В.П. Милютин.

лагались следующие основные задачи: «а) установление порядка и способов оценки хлебофуражного производства и определение хлебофуражного баланса Союза ССР; б) установление и опубликование оценок хлебофуражного производства и исчислений хлебофуражного баланса Союза ССР»³⁸.

Экспертный совет, исходя из необходимости разработки более совершенной методики определения размеров валовых сборов, возложил задачу по ее усовершенствованию на Институт экспериментальной статистики ЦСУ. Для расчета поправочных коэффициентов сотрудники института использовали сравнительный анализ итогов выборочных осенних опросов и бюджетных обследований³⁹. В свою очередь показатели крестьянских бюджетов проверялись балансовым методом.

Сопоставление показателей урожайности по разным источникам в большинстве регионов СССР определило их следующее соотношение. Минимальные сборы фиксировал осенний опрос. Сведения добровольных корреспондентов были выше. По бюджетным обследованиям исчислялись еще более высокие данные. Максимальные результаты сбора получали в рамках контрольных намолов. Исключение составляла Сибирь. Здесь бюджетные обследования показывали более высокие результаты, чем контрольные намолоты⁴⁰. Эксперты объясняли это возможной завышенностью сведений, полученных при обработке бюджетов по Сибирскому краю. В 1929 г. Институтом экспериментальной статистики были выведены средние коэффициенты недоучета в зависимости от величины показаний о сборе. Выяснилось, что при низком урожае респонденты занижали его больше (в процентах от сбора), чем при более высоком⁴¹.

³⁸ СЗ СССР. 1926. № 48. Ст. 353.

³⁹ Средний сбор зерновых культур в крестьянских хозяйствах на будущей территории Западно-Сибирского края за 1923–1929 гг. по данным осенних опросов составлял 5,8 ц/га, по данным бюджетных обследований – 7,72 ц/га (*Бар Г. Урожай главных зерновых культур ... С. 42*).

⁴⁰ В 1928 г. в Уральской области сбор по осеннему опросу составлял 55,9 пуд./дес., по показаниям добровольных корреспондентов – 56,9 пуд., по результатам обработки бюджетных обследований – 64,7 пуд., по контрольным обмолотам – 65,7 пуд./дес., в Сибирском крае – 40,2, 51,6, 63,5 и 58,5 пуд./дес. соответственно (*Юрцевский М. Результаты производства контрольных нажинов ... С. 119*). В 1929 г. в Сибири показатели контрольных намолотов вновь были ниже, чем бюджетных обследований (*Юрцевский М. Предварительные итоги контрольных нажинов ... С. 101*).

⁴¹ Так, показанный респондентами сбор в 3,3 ц/га был ниже установленного после проверки на 21,4 %, составив 4,2 ц/га, а сбор в 11,55 ц/га – на 3,7 %, составив 12 ц/га (Там же).

По итогам проведенных изысканий Институт экспериментальной статистики предложил при исчислении валовых сборов перейти от надбавок, установленных в баллах по шкале урожайности, к процентным поправочным коэффициентам. Поправки должны были рассчитываться по результатам выборочных контрольных мероприятий: обмеров площадей посевов, нажинов и обмолов. Однако разработанные в конце 1920-х гг. на основе новых методик поправочные коэффициенты в изданные в эти годы справочники ЦСУ и региональных статотделов внесены не были⁴².

В стране в целом и в ее регионах при определении средних сборов продолжали использовать поправки, установленные в баллах по шкале урожайности. Известный сибирский статистик С.Г. Гензель при публикации в 1927 г. данных об урожайности хлебов в Сибири, в том числе за период с 1920 по 1925 г., отметил, что новые поправочные коэффициенты не выработаны и поэтому при исчислении урожайности за эти годы он применил ранее установленную ЦСУ поправку в 0,5 балла⁴³. В 1929 г. он же сообщил, что сибирские статистики по-прежнему используют поправочные коэффициенты в 0,4–0,5 балла⁴⁴. В примечании к таблице с размерами урожайности в 1925–1927 гг., помещенной в изданном в 1930 г. статистическом справочнике «Сибирский край», указывалось, что данные за 1925 г. получены от добровольных корреспондентов, при этом в них внесена поправка в 0,7 балла. Сведения о среднем сборе за 1926 и 1927 гг. установлены по результатам обработки бюджетных обследований⁴⁵.

В конце 1920-х гг. при определении валовых сборов Экспертный совет ЦСУ применял более усовершенствованный балансовый метод. Это не убергло его от ошибок, в том числе квалифицировавшихся как политические. В конце августа 1928 г. Экспертный совет представил СТО очередной промежуточный вариант хлебофуражного баланса, в котором преувеличенными оказались ожидаемый валовой сбор и объемы «невидимых» запасов хлеба в крестьянских хозяйствах. Ошибки в расчетах стали одной из причин хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г.⁴⁶

⁴² *Нефедов С.А.* К проблеме достоверности статистических данных ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР // Историко-экономические исследования. 2008. № 1. С. 138.

⁴³ *Гензель С.Г.* Движение урожая с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 год // Статистический бюллетень (Сибкрайстатотдел). 1927. № 9/10. С. 67.

⁴⁴ *Гензель С.Г.* Контрольные нажины и обмоловы хлебов ... С. 94.

⁴⁵ Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 330.

⁴⁶ См.: *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. С. 105–106, 113–114.

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1920–1929 гг.

Основным источником для определения динамики урожайности и валовых сборов зерновых культур в 1920-е гг. в СССР в целом являются разработанные ЦСУ (с 1926 г. Экспертным советом ЦСУ) хлебофуражные балансы. Существовали три вида балансов: «предположительные», предварительные «отчетные» и окончательные «контрольные»⁴⁷. Предварительные балансы имели прогнозный характер, они основывались на данных об оценке урожая и пробных обмолотах, полученных от добровольных корреспондентов. Затем баланс периодически уточнялся при получении новых сведений (итогах осенних опросов, бюджетных обследований). В него вносились поправочные коэффициенты на недоучет посевов и сборов. Некоторые «поправки» имели политически-конъюнктурный характер. Окончательный вариант хлебофуражного баланса мог быть готов через год-два после сбора урожая. Однако и после этого в него могли вноситься изменения. Это обстоятельство существенно затрудняет построение сопоставимых динамических рядов валовых сборов зерновых культур.

Так, по периоду 1920–1924 гг. мы имеем следующие варианты погодных данных о валовых сборах хлебов в СССР, которые извлечены из источников середины 1920-х гг. (табл. 3.1).

Данные для составления вариантов 1а и 2а взяты из статьи С.Г. Струмилина «К реформе урожайной статистики»⁴⁸. В обоих вариантах показатели валового сбора рассчитаны без Туркестанской АССР, Закавказья и Дальнего Востока и только по 7 «главным» хлебам (ржи, пшенице, овсу, ячменю, гречихе, просу, кукурузе). В варианте 1а приведены данные без поправок, в варианте 2а – с поправками на недоучет сбора в 0,5 балла по шкале урожайности, но без поправок на недоучет посева.

Источником для варианта 3а послужил изданный в 1924 г. «Сборник статистических сведений по Союзу ССР»⁴⁹. В нем приводятся данные в целом по СССР с принятыми на момент составления статсборника поправками ЦСУ на недоучет посевов и сборов по 7 «главным» хлебам.

Варианты 4а и 5а составлены по «Статистическому ежегоднику» ЦСУ за 1924 год⁵⁰. Приведены данные по СССР в целом с при-

⁴⁷ Нефедов С.А. О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 149.

⁴⁸ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики. С. 63.

⁴⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 131.

⁵⁰ Статистический ежегодник. 1924 год. М., 1926. Вып. 1. С. 139.

Таблица 3.1

Валовые сборы зерновых культур в СССР в 1920–1924 гг., млн т

Вариант	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1а	29,0	23,5	30,5	29,9	
2а	34,6	27,7	36,2	35,2	
3а	34,1	27,7	36,2		
4а				49,6	45,2
5а				50,7	46,4
6а		42,2	56,3	57,4	51,4
7а			50,3	56,6	51,4
8а	45,2	36,2			

нятыми на момент составления ежегодника поправками ЦСУ на недоучет, в варианте 4а – по 7 «главным» хлебам, в варианте 5а – по всем зерновым культурам.

В вариантах 6а, 7а и 8а представлены показатели по всем зерновым культурам с принятыми на время составления источника поправками на недоучет из изданного в 1932 г. статсправочника «Народное хозяйство СССР»⁵¹, статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» 1935 г.⁵² и статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1961 году»⁵³ соответственно.

В табл. 3.2 представлены следующие варианты погодных данных о валовых сборах хлебов в СССР в 1924–1929 гг., извлеченные из источников конца 1920 – середины 1930-х гг.

Источником для составления варианта 1б послужило издание ЦСУ «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах»⁵⁴; варианта 2б – справка ЦСУ СССР «Хлебофуражная продукция 1926 и 1927 гг.», датированная 4 января 1928 г.⁵⁵; варианта 3б – изданный в 1929 г. «Статистический справочник СССР за 1928 г.»⁵⁶; варианта 4б – справка Госплана СССР «Итоги выполнения пятилет-

⁵¹ Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 121.

⁵² Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1935. М., 1935. С. 361.

⁵³ Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник. М., 1962. С. 341.

⁵⁴ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М., 1927. С. 119.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 513, Л. 35–39.

⁵⁶ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 179. Те же показатели воспроизведены в издании ЦСУ «Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.: Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции» (М., 1929. С. 221).

Таблица 3.2

Валовые сборы зерновых культур в СССР в 1924–1929 гг., млн т

Вариант	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1б	51,6	72,4	76,3	74,1		
2б		74,5	78,2	76,1		
3б		72,7	76,6	71,7	71,5	
4б					73,1	71,7
5б	51,4	74,5	78,3	72,8	73,3	71,7
6б	51,4	72,5	76,9	72,3	73,3	71,7

него плана с[ельского] х[озьяства] на 1928–32 гг.», датированная 28 июля 1932 г.⁵⁷; варианта 5б – статсправочник «Народное хозяйство СССР. 1932»⁵⁸; варианта 6б – ежегодник «Социалистическое строительство СССР» 1935 г.⁵⁹ Во всех вариантах в табл. 3.2 приведены данные в целом по СССР, по всем зерновым культурам с поправками не недоучет посевов и сборов, принятыми на время составления источников.

В последнем из вышеназванных источников приводятся сплошные погодные показатели изменения урожайности и валовых сборов в СССР за 1922–1929 гг. В связи с этим мы используем данный источник для составления ряда динамики БЗ-1: валовые сборы и урожайность зерновых культур в СССР в 1922–1929 гг. во всех категориях хозяйств с поправками (табл. 3.3). Дополнить этот ряд показателями за 1920 и 1921 гг. из варианта 8а не представляется возможным в силу несопоставимости данных. Указанные в статсборнике «Народное хозяйство СССР в 1961 году» валовые сборы и урожайность за 1920 г. (45,2 млн т и 5,7 ц/га) и 1921 г. (36,2 млн т и 5,0 ц/га) дают расчетную посевную площадь в 79,3 и 72,4 млн га соответственно. В то же время приведенная в официальных статсборниках предыдущего периода, в том числе в ежегоднике «Социалистическое строительство» (1935 г.) посевная площадь зерновых за эти годы составляет 87,0 и 79,8 млн га⁶⁰.

Приводя в табл. 3.3 ряд динамики валовых сборов и сбора с 1 га, извлеченный из официального статистического издания, мы, тем не менее, не считаем эти данные абсолютно бесспорными. У нас отсутствует уверенность в абсолютной корректности установленных поправочных коэффициентов на недоучет посевов и урожайности,

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 871. Л. 10.

⁵⁸ Народное хозяйство СССР. 1932. С. 121.

⁵⁹ Социалистическое строительство СССР. 1935. С. 361.

⁶⁰ Там же. С. 322.

а также в том, что все показатели пересчитаны по единой методике. Не исключена и подгонка ряда данных под требования политической конъюнктуры.

Тем не менее ряд динамики БЗ-1, несмотря на определенную условность помещенных в него показателей, в совокупности с данными из табл. 3.1 и 3.2 позволяет выявить основные тенденции развития зернового хозяйства в СССР в 1920-е гг. Во второй половине десятилетия валовые сборы и урожайность в среднем были выше, чем в первой. Наиболее неодородными были 1921 и 1924 гг. Относительно низкий урожай собрали в 1923 и 1929 гг. Наиболее урожайными оказались 1925 и 1926 гг. Максимальный объем хлебов собрали в 1926 г.

Построение достаточно протяженного погодного ряда динамики валовых сборов зерновых культур в Сибири не представляется возможным. Менялось административно-территориальное устройство региона. Постоянно изменялись методики их исчисления, а ретроспективный пересчет не осуществлялся. Максимальным из выявленных нами динамических рядов, составленных по единой методике, является четырехлетний ряд (табл. 3.4 и 3.5).

Источник для варианта 1в – изданный ЦСУ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923»⁶¹. Приводятся данные с принятыми на момент составления статсборника поправками ЦСУ на недоучет посева и сбора по 7 «главным» хлебам

Таблица 3.3

Валовые сборы и урожайность зерновых культур в СССР в 1922–1929 гг.

<i>Ряд динамики БЗ-1</i>		
Год	Валовые сборы, млн т	Урожайность, ц/га
1922	50,3	7,6
1923	56,6	7,2
1924	51,4	6,2
1925	72,5	8,3
1926	76,8	8,2
1927	72,3	7,6
1928	73,3	7,9
1929	71,7	7,5

Источник: Социалистическое строительство СССР. 1935. С. 361.

Таблица 3.4

Валовые сборы зерновых культур в Сибири в 1920–1924 гг., тыс. ц

Вариант	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1в	4020	2937	2506		
2в				3157	4054
3в				3349	4216

⁶¹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 132.

Таблица 3.5

Валовые сборы зерновых культур в Сибири в 1925–1929 гг., тыс. ц

Вариант	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1г	4751	5333			
2г	5018	5933	6249		
3г	5870	6822	6240	7880	
4г	5524	6518	5805		
5г				7493	5227

по Тюменской, Омской, Алтайской, Новониколаевской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниям, Ойротской и Бурят-Монгольской автономным областям.

Вариант 2в составлен по «Статистическому ежегоднику» ЦСУ за 1924 г.⁶² Приведены данные по Омской, Алтайской, Новониколаевской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниям, Ойротской и Бурят-Монгольской автономным областям с принятыми на момент составления ежегодника поправками ЦСУ по всем зерновым культурам. Вариант 3в составлен по сборнику «Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926–27 г.)»⁶³. Приведены данные в границах Сибирского края по всем зерновым культурам с поправками.

Источник для варианта 1г – сборник «Народное хозяйство Сибирского края...»⁶⁴; варианта 2г – справка ЦСУ СССР «Хлебофуражная продукция 1926 и 1927 гг.», датированная 4 января 1928 г.⁶⁵; варианта 3г – изданный ЦСУ «Статистический справочник СССР за 1928 г.»⁶⁶; варианта 4г – составленный статсектором Сибкрайплана справочник «Сибирский край»⁶⁷; варианта 5г – составленный ЦУНХУ статсправочник «Народное хозяйство СССР. 1932»⁶⁸. В вариантах 2г, 3г, 5г приведены данные с поправками на недоучет посева и сбора, принятыми ЦСУ на момент составления источника, в вариантах 1г и 4г – с поправками на недоучет, принятыми Сибкрайстатотделом на момент составления сборников. Во всех вариантах даны сведения по Сибирскому краю и зерновым культурам в целом.

⁶² Статистический ежегодник. 1924 год. С. 139.

⁶³ Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926–27 г.). Новосибирск, 1926. С. 15.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 513, Л. 35–39.

⁶⁶ Статистический справочник СССР за 1928 г. С. 179.

⁶⁷ Сибирский край. С. 312.

⁶⁸ Народное хозяйство СССР. 1932. С. 162–163.

Нами выявлены три источника, в каждом из которых приводятся рассчитанные по единой методике данные об урожайности зерновых культур за относительно длительный промежуток времени. Это позволяет сформировать три соответствующих ряда динамики (табл. 3.6–3.8).

Ряд динамики БЗ-2 (урожайность зерновых культур в Сибири в 1920–1925 гг.) составлен по данным, опубликованным С.Г. Гензелем в изданном в 1927 г. «Статистическом бюллетене» Сибирского краевого статистического отдела⁶⁹. Источник составления ряда динамики БЗ-3 (урожайность зерновых культур в Сибири в 1921–1928 гг.) – опубликованный в 1930 г. статсборник Сибкрайстатотдела «Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края»⁷⁰. Данные для построения ряда динамики БЗ-4 (урожайность зерновых культур в Сибири в 1923–1929 гг.) извлечены из статьи сотрудника экономико-статистического сектора

Таблица 3.6

Урожайность зерновых культур в Сибири в 1920–1925 гг., пуд./дес.

Ряд динамики БЗ-2						
Культура	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
<i>Юго-Западная Сибирь</i>						
Рожь озимая	35	23	46	47	50	42
Пшеница яровая	22	23	31	30	37	44
Овес	29	27	40	35	42	49
<i>Северо-Восточная Сибирь</i>						
Рожь озимая	53	38	46	55	57	49
Пшеница яровая	40	35	50	58	69	59
Овес	46	35	55	61	66	64
<i>Сибирь</i>						
Рожь озимая	52	37	46	51	56	46
Пшеница яровая	26	25	35	36	44	52
Овес	35	30	45	44	51	57

Примечания: 1. Данные приведены в границах Сибирского края. 2. В Юго-Западную Сибирь входят Тарский, Омский, Барабинский, Новосибирский, Славгородский, Рубцовский, Барнаульский, Каменский, Бийский округа, Ойротская автономная область; в Северо-Восточную Сибирь – Томский, Кузнецкий, Ачинский, Красноярский, Канский, Минусинский, Хакасский, Тулунский, Иркутский, Киренский округа. 3. Приведены сведения губстатбюро с поправками на недоучет в 0,5 балла.

⁶⁹ Гензель С.Г. Движение урожая с одной казенной десятины ... С. 90–91

⁷⁰ Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1921–1928 гг. Новосибирск, 1930. Вып. 1: Полеводство и луговодство. С. 91, 95, 99.

Таблица 3.7

Урожайность зерновых культур в Сибири в 1921–1927 гг., ц/га

<i>Ряд динамики БЗ-3</i>								
Культура	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
<i>Юго-Западная Сибирь</i>								
Рожь озимая	2,54	5,01	4,70	4,46	5,75	6,31	6,23	8,22
Пшеница яровая	2,64	3,33	2,87	3,82	6,65	6,65	5,56	7,65
Овес	3,28	4,46	3,56	4,10	7,58	7,81	6,20	8,73
<i>Северо-Восточная Сибирь</i>								
Рожь озимая	4,52	4,78	5,67	5,73	7,04	7,99	8,87	9,35
Пшеница яровая	4,49	6,14	5,57	6,57	8,52	6,85	8,77	9,65
Овес	4,10	5,23	6,08	6,37	9,43	7,16	8,90	10,22
<i>Сибирь</i>								
Рожь озимая	4,19	4,83	5,34	5,14	6,31	7,24	7,93	8,99
Пшеница яровая	2,88	3,78	3,44	4,80	7,09	6,70	6,20	8,08
Овес	3,49	4,67	4,36	4,98	8,24	7,60	7,05	9,26

Примечания: 1. Сведения даны в границах Сибирского края. 2. Поправки в данные не вносились.

Таблица 3.8

Урожайность зерновых культур в Сибири в 1923–1929 гг., ц/га

<i>Ряд динамики БЗ-4</i>							
Культура	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Рожь озимая	9,85	9,42	8,67	8,34	8,82	8,13	8,01
Пшеница яровая	5,92	7,47	8,58	8,48	7,47	8,41	4,02
Овес	6,99	7,68	10,05	9,93	8,20	8,28	3,75

Примечания: 1. Данные приведены в границах Западно-Сибирского края на конец 1931 г. 2. В Западно-Сибирский край после ликвидации Сибирского края вошли территории Тарского, Омского, Барабинского, Новосибирского, Славгородского, Рубцовского, Барнаульского, Каменского, Бийского, Томского, Кузнецкого, Ачинского, Минусинского, Хакасского округов и Ойротской автономной области. 3. Приведены сведения статсектора Западно-Сибирского крайплана с принятыми на 1930 г. поправками.

Западно-Сибирского крайплана Г. Бара, опубликованной в сборнике «Статистика Сибири»⁷¹.

Источник составления рядов динамики Б4-2 и Б4-3 дают возможность построить аналогичные динамические ряды соответственно по отдельным уездам и округам края, а также дополнить их данными об урожайности яровой ржи, ячменя, гречихи и проса

⁷¹ Бар Г. Урожай главных зерновых культур ... С. 46.

за те же годы по Юго-Западной, Северо-Восточной Сибири и региону в целом..

Источник составления ряда динамики БЗ-4 также позволяет дополнить его данными об урожайности яровой ржи, ячменя, проса и гречихи за те же годы.

Ряды динамики БЗ-2, БЗ-3 и БЗ-4, несмотря на определенную условность помещенных в них показателей, в совокупности с данными из табл. 3.4 и 3.5 дают возможность выявления основных тенденций развития зернового хозяйства в Сибири в 1920-е гг. В начале 1920-х гг. в производстве зерновых проявились кризисные явления, которые помимо существенного сокращения посевных площадей (см. гл. 1) также характеризовались низкой урожайностью. Для основных хлебопроизводящих районов Юго-Западной Сибири 1920 г. оказался неурожайным. Следующий год для того же региона вновь оказался недородным. Низкий урожай также собрали в 1922 и 1923 гг. Во второй половине десятилетия валовые сборы и урожайность в среднем были выше, чем в первой. Высокие урожаи собрали в 1925 и 1926 гг. Максимальная урожайность была зафиксирована в 1928 г. Однако развитие зернового хозяйства оставалось неустойчивым – 1929 г. оказался недородным.

Таким образом, урожайная статистика в СССР в 1920-е гг. основывалась на методиках, применяемых в Российской империи. Ее мониторинг сводился к последовательному сбору информации о видовой и биологической урожайности, результатах первых намолотов от добровольных корреспондентов и завершался в рамках выборочных осенних опросов крестьянских хозяйств. Крестьяне скрывали от учета часть урожая. Статистические органы, чтобы выяснить масштабы недоучета, проводили контрольные мероприятия, использовали материалы бюджетных и иных обследований. Совершенствование методики определения величины недоучета влекло за собой периодическую коррекцию официально принятых показателей.

Глава 4

СТРУКТУРЫ И МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ УРОЖАЯ В 1930-е гг.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОМИССИИ. ОЦЕНКА УРОЖАЙНОСТИ В 1931–1933 гг.

Переход к массовой коллективизации деревни сопровождался реформированием урожайной статистики. Была создана новая организационная схема определения видов на урожай и его размеров, сочетающая внешний статистический и ведомственный учет. Прежде всего был признан классово-враждебным и ликвидирован институт добровольных корреспондентов. В связи с изменением организационно-хозяйственной структуры сельского хозяйства прекратилось проведение осенних опросов крестьянских хозяйств.

Организация первичного мониторинга сельского хозяйства возлагалась на сельсоветы, в штаты которых вводилась должность статистического уполномоченного. Статуполномоченные избирались сельсоветами на срок их полномочий *«из числа лиц, пользующихся избирательным правом»*, выдвигаемых группами бедноты и другими общественными организациями деревни. При этом принималась *«во внимание необходимость сохранения на статистической работе лучших, зарекомендовавших себя на этой работе статистических корреспондентов из батрацко-бедняцких и середняцких слоев деревни»*¹.

Одной из основных задач статуполномоченных являлось ведение урожайной статистики. Они два раза в месяц получали необходимые данные от колхозов, самостоятельно определяли урожайность в единоличных хозяйствах, обобщали собранные сведения, а затем под ответственность председателей сельсоветов предоставляли информацию в районные экспертные комиссии по сельскохозяйственной статистике (РЭК). В их состав входили районный статистик, представители райколхозсоюза, районных земельных, заготовительных, финансовых и других органов. Председателем

¹ СУ РСФСР. 1930. № 18. Ст. 234.

назначался член президиума райисполкома, возглавляющий районную плановую комиссию².

В Сибири РЭК свое первое заседание, на котором обсуждался вопрос о состоянии освободившихся от снега озимых культур, должны были проводить 26 апреля. Затем комиссиям надлежало заседать 2 раза в месяц (11 и 26 числа). На них обсуждались и утверждались обобщенные результаты наблюдений на 1 и 15 число соответствующего месяца. В мае – начале августа определялась оценка урожая в районе в баллах (видовой урожай³). В конце августа – начале сентября она переводилась в количественные показатели (урожай на корню). При этом и на низовом и на районном уровнях мониторинга урожай на корню (в Сибири на 15 августа и 1 сентября) стал определяться экспертным путем («на глаз») непосредственно в центнерах с гектара без привязки к средней урожайности за предыдущий период. С 26 сентября комиссии обобщали результаты намолотов. 11 октября составлялся итоговый протокол об урожайности в районе.

В формах, которые заполнялись по результатам заседаний комиссий, указывались порайонные данные о состоянии урожая и результатах первых намолотов, исчисленные на основе сведений, поступивших от статуполномоченных сельсоветов (отдельно по колхозам и единоличным хозяйствам). Члены РЭК обязывались проверять поступившие к ним сведения, в том числе лично объезжая поля, и после проверок и обсуждения их результатов вносить поправки, которые в формах приводились отдельной строкой. Так, РЭК Новосибирского сельского района оценила урожай пшеницы на 11 августа 1930 г. в колхозах в 4 балла, в единоличных хозяйствах – в 3,5 балла, тогда как обобщенная оценка статуполномоченных равнялась 2,5 балла по той и по другой категории хозяйств. Итоговая урожайность РЭК в протоколе от 11 октября по той же культуре составляла по колхозам 55 пуд./дес., по единоличникам – 50 пуд./дес. По данным статуполномоченных, колхозы собрали с 1 дес. 40,2 пуд., единоличные хозяйства – 30,8 пуд.⁴ Поправки на недоучет, таким образом, составили +37 и +62 % соответственно.

Поскольку основное внимание РЭК уделялось урожайной статистике, в 1931 г. они были преобразованы в районные комиссии по оценке урожая без изменения их статуса и состава. Более ради-

² Там же; ГАНО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 72, 80.

³ Авторские дефиниции используемых в данной главе разновидностей (стадий определения) урожая даны во введении.

⁴ ГАНО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 20, 31, 36, 38, 85.

кальные новации были внесены в поэтапную схему определения урожайности. С 1931 г. отменили балловую оценку видов на урожай. На всех этапах наблюдения с самого первого оценка видового урожая должна была определяться в количественных показателях (ц/га).

Составленные районными комиссиями акты, доклады и заключения утверждались райисполкомами и предоставлялись в вышестоящие партийные, земельные, планово-статистические органы, а также в краевые/областные экспертные комиссии / комиссии по оценке урожая. Параллельно с внешним мониторингом осуществлялся ведомственный учет. Колхозы направляли свои данные об урожайности не только в сельсоветы, но и в районные земельные отделы; колхозы, обслуживаемые МТС, – сначала их директорам, а те – в райземотделы. Сведения из совхозов направлялись в региональные тресты, затем в их всесоюзные объединения и в Наркомзем СССР, а с 1933 г. – в Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР⁵. Особое место в системе статистического мониторинга занимало ОГПУ. Оно осуществляло функции негласного наблюдателя, осуществлявшего контроль за достоверностью предоставляемых сведений, опираясь при этом на широкую сеть осведомителей⁶.

На региональном уровне в определении урожайности принимали участие как земельные управления, так и плановые комиссии, ведущие параллельную урожайную статистику, которая завершалась составлением сепаратных сводных заключений сектором учета Наркомзема и экономико-статистическим сектором Госплана (с мая 1931 г. сектором народно-хозяйственного учета). Расчет валового сбора зерновых культур в начале 1930-х гг. в стране в целом возлагался на междуведомственный Экспертный совет по оценке хлебофуражной продукции при СТО⁷.

Несмотря на внешнюю стройность и взаимодополняемость сложившейся в начале 1930-х гг. системы учета урожайности, она отличалась низкой степенью достоверности определяемых данных на всех ступенях. Отчасти это было связано с низкой квалифика-

⁵ 1 октября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Ему передавались ранее подчиненные Наркомату земледелия СССР совхозные тресты соответствующей специализации (СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 435).

⁶ *Лапердин В.Б.* Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 253–255.

⁷ *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 85.

цией работников, особенно на низовом уровне, неудовлетворительной организацией работы. Так, прибывший осенью 1932 г. в Баевский район уполномоченный Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) установил следующее: *«Хозяйственное планирование по производству хлеба вплоть до определения урожайности производилось без соответствующей учетно-исследовательской работы, т.е. попросту на ура <...> посылали [районных] уполномоченных, которые объезжали поля и, сидя на лошади, говорили: здесь столько-то центнеров в га, там столько-то. Конечно, от этой мудрой арифметики хлеба не прибавилось, а расхождение между фактическим обмолотом и районным хлебным балансом получилось довольно изрядное, так, по 34 колхозам плановый валовый сбор должен был выразиться в 126 472 ц, а акты фактического обмолота показывают 81 219 ц»⁸.*

Но значительно чаще речь шла о сознательной фальсификации урожайной статистики. Данные об урожайности могли как увеличивать, так и уменьшать. Однако если судить по результатам определения урожайности на районном уровне, то можно с полным основанием предположить о существовании политической установки на внесение в первичные данные поправок на недоучет. Руководство страны по-прежнему считало, что крестьяне, в том числе и колхозники, пытаются государство обмануть и занижают сведения о посевных площадях, сборах и других показателях.

Подобное предположение в значительной степени соответствовало действительности. Это было связано с организацией хлебозаготовок. Более высокие заготовительные планы развертывались на высокоурожайные хозяйства. Однако и после выполнения заданий по хлебосдаче они часто получали дополнительные (так называемые встречные планы)⁹. В итоге «передовики» могли вообще остаться без хлеба, тогда как колхозы, показавшие низкую урожайность, имели его достаточные запасы и для посевной кампании, и для распределения среди колхозников.

Вышеназванной политической установке должны были следовать секретари райкомов партии и председатели райисполкомов, которые районные комиссии контролировали. Именно они решали, какие цифры получают краевые организации. Но при этом они должны были пройти между Сциллой и Харибдой – экономическими интересами района и политическими установками режима. Конечно, приказа обязательно вносить в первичные данные толь-

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 123–124.

⁹ См.: *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. Гл. 2, 3.

ко повышающие поправки не было, но дублирование показателей урожайности, поступивших из сельсоветов, могло быть квалифицировано вышестоящими инстанциями как хвостизм, а их снижение вообще как саботаж. Поэтому выбор у районного начальства был не между тем, вносить или не вносить поправки на недоучет, а между тем, какой величины они будут: большие или не очень большие. А это уже зависело от выбора поведенческой стратегии того или иного функционера. От величины урожайности зависели размеры спускаемого сверху хлебозаготовительного плана. Взяв на себя более высокие обязательства и выполнив их, районные руководители обеспечивали себе карьерный рост¹⁰.

Субъективизм в определении размеров урожая на районном уровне мог порождаться социально-политическими установками функционеров. С одной стороны, они оказывали давление на единоличников, сознательно завышая показатели развития их хозяйства, игнорировали их нужды. Вышеупомянутый уполномоченный крайкома по Баевскому району также оценил действия районных властей по отношению к единоличникам: *«здесь недостатков работы еще больше, помимо определения урожайности в зависимости от глазомера объезжавших, если только имели место эти объезды, райисполком запретил сельсоветам в этом году принимать и реагировать на какие бы то ни было заявления о гибели полосок¹¹ единоличников»¹².*

Районные власти могли также оказаться в плену идеологических стереотипов. Обобщественное колхозное производство, в соответствии с официальными установками, являлось более высокопроизводительным. Поэтому, чтобы не быть обвиненными в правом оппортунизме, функционеры районного уровня более существенно завышали урожайность в колхозном секторе аграрной экономики. 29 декабря 1931 г. в газете Западно-Сибирского края «Советская Сибирь» была опубликована заметка, в которой сообщалось, что *«Березовские районные организации в самом начале хлебозаготовок допустили большую ошибку в определении валового урожая по секторам».* По колхозам урожай установлен в 14,2 ц/га, а по единоличным хозяйствам – в 11,7 ц/га. *«Между тем в этом году урожай у колхозов и единоличников был одинаковый. <...> Это привело к тому, что погектарная сдача хлеба государству единоличниками оказалась значительно ниже погектарной сдачи колхозов».*

¹⁰ См.: Лапердин В.Б. Система определения урожайности ... С. 254–255.

¹¹ Речь идет о гибели хлебов.

¹² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 123–124.

В то же время районные власти отвечали за подконтрольное им население, хозяйственное положение и политическую обстановку в районе. Более высокие показатели урожайности влекли за собой преувеличенные хлебозаготовительные задания, а это в свою очередь грозило продовольственными затруднениями на подведомственной территории. Так, секретарь Тарского райкома ВКП(б) в 1932 г. оправдывал правление Заливинского колхоза, пошедшего «на обман государства», следующими словами: «уж очень там голодали сильно»¹³. Могла возникнуть и проблема со снабжением колхозов семенным зерном и, соответственно, с проведением посевной кампании, за которую районные руководители тоже отвечали. Поэтому районные руководители не всегда были заинтересованы в преувеличении урожайности. Однако это не означает, что они ее в этом случае занижали.

Региональные власти в первую очередь боролись с предполагаемым занижением урожайности, призывая сельских функционеров к сознательности. В опубликованном 18 августа 1930 г. в «Советской Сибири» письме Западно-Сибирского крайкома райкомам ВКП(б), посвященном подготовке к хлебозаготовкам, ставилась задача *«обратить большое внимание на работу экспертных комиссий по выявлению урожайности, организовав колхозную и бедняцко-средняцкую общественность для борьбы с неправильным выявлением результатов урожая, особенно против сокрытия фактических размеров урожая»*. Выявление фактов занижения урожайности преследовалось в административном и уголовном порядке.

Таким образом, низовая система определения урожайности в колхозно-крестьянском секторе аграрной экономики предоставляла региональным властям недостоверные данные. При этом подходы районных властей к урожайной статистике воспроизводились и на краевом/областном уровне. Для совхозного учета на всех уровнях также были характерны приписки или занижение данных. Земельные органы, как правило, определяли более высокие показатели урожайности, а органы нархозучета – более низкие. Однако в абсолютном большинстве случаев реальная урожайность хлебной нивы была меньше.

Существенно различались первичные сведения об урожайности и валовом сборе и итоговые результаты. Связанное с нехваткой техники и рабочей силы затягивание уборки и обмолота приводило к резкому увеличению потерь урожая. Длительный перестой

¹³ Там же. Д. 353. Л. 93.

хлебов вызывал самоосыпание зерна. Проверившая деятельность Ададымского зерносовхоза комиссия установила, что если до выпадения снега в середине октября 1932 г. при обмолоте выход хлеба на 1 га составлял в среднем 6,3 ц, то в конце декабря – только 3,6 ц. В Крутойрском зерносовхозе *«сентябрьский и октябрьский обмолот давал в среднем не менее 6 ц с га, в декабре сбор снизился до 4,7 ц с га, т.е. уменьшился на 23 %»*¹⁴. Высокие потери наблюдались при транспортировке и хранении зерна. Часть хлеба вообще оставалась необранной и уходила под снег.

Размеры амбарного урожая в итоге существенно уступали биологическому. Однако государственные годовые хлебозаготовительные задания регионам, районам и хозяйствам в начале 1930-х гг. определялись на основе субъективной и, как правило, завышенной оценки урожая на корню. Результаты пробных и массовых обмолотов обобщались уже после принятия государственных планов. Региональные и районные власти, в том случае, если обмолоты показывали значительное сокращение урожайности по сравнению с видовой оценкой, могли обратиться в вышестоящие инстанции с просьбой о снижении заготовительного задания. Однако подобные просьбы, как правило, воспринимались негативно и квалифицировались как *«оппортунистические антизаготовительные тенденции»*.

Так, в конце августа 1931 г. секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе за его просьбу о снижении плана хлебозаготовок в связи с недородом *«крепко критиковал»* секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович¹⁵. В октябре 1931 г. Эйхе вновь попытался добиться снижения заготовительного задания. При этом он опирался на данные краевой экспертной комиссии, которая по результатам массовых обмолотов снизила урожайность хлебной нивы с 5 ц/га (по оценке на 1 сентября) до 4,4 ц/га¹⁶. Позиция Эйхе вызвала критику наркома снабжения А.И. Микояна. Выступая на проходившем 30–31 октября 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б) он заявил: *«В Западной Сибири под влиянием недорода ряд работников и в особенности районные организации отражали антизаготовительные тенденции <...>, необходимо в кратчайший срок окончательно преодолеть эти тенденции и обеспечить полное выполнение плана хлебозаготовок»*¹⁷. Отметим, что, вернувшись

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 64–65.

¹⁵ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода ... С. 99.

¹⁶ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 105, 110–111, 128.

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 205.

в Новосибирск, Р.И. Эйхе в свою очередь резко критиковал районных руководителей, потакавших «недородным настроениям» колхозов и вставших на их сторону: *«Эти крики очень часто повторялись нашими районными парторганизациями. Парторганизации не поняли смысла и значения этих настроений отдельных групп колхозов, не поняли, что устами колхозников... фактически говорит кулак, что это кулацкая тенденция»*¹⁸.

Центр пошел на снижение хлебозаготовительного плана после того, как большая часть хлеба у крестьян была отобрана. Вслед за этим последовали соответствующие коррективы в урожайную статистику на общесоюзном уровне. Среднюю урожайность по Западно-Сибирскому краю официально уменьшили с 5 до 4,5 ц/га¹⁹. Отметим, что эта цифра была выше установленной краевой экспертной комиссией (см. выше).

Сверхнормативное изъятие зерна у его производителей в ходе хлебозаготовок вскоре минимизировало случаи завышения урожайности на низовом и районном уровне. Заведующий сектором учета Наркомзема М.И. Гегечкори в конце августа 1932 г. докладывал своему наркому, что в текущем году система учета урожая, основанная на донесениях колхозов и совхозов, *«исключает преувеличенную оценку на всех стадиях созревания хлебов, наоборот, предприятию выгоднее преуменьшение сбора, на что и сбиваются многие из них. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения как земельных, так и советских и партийных органов»*²⁰.

Региональные организации пытались исправить не устраивающие их показатели урожайной статистики в сторону увеличения или снижения. Свои, не всегда объективные, коррективы в оценку валового сбора мог внести и Наркомзем. Это вызывало еще большую путаницу в статистике. Ситуация усугублялась отсутствием общепринятой методологии расчета урожайности. Начальник Западно-Сибирского управления нархозучета в письме главе ЦУНХУ СССР в конце 1932 г. прямо заявлял: *«Учетный сектор Наркомзема Союза оперирует не конкретными учетными материалами, а приводит принятые цифры, при этом нам неизвестно, каким способом последние исчислены и на каком конкретном материале базируются принимаемые поправки»*²¹.

Как указывалось выше, параллельно с Наркомземом расчетами урожайности и валового сбора зерновых культур и информации

¹⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 175а. Л. 41.

¹⁹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 112, 496.

²⁰ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. С. 57.

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 352. Л. 272.

рованием Верховного руководства страны занималось ЦУНХУ, которое получало материалы от своих региональных органов. Его подсчеты, по нашей оценке, были более объективными. Специалисты центрального аппарата ЦУНХУ разрабатывали и применяли поправки на недоучет и переучет, стремились определить реальный размер потерь урожая и амбарные итоги. Однако результаты их работы часто подвергались критике со стороны региональных властей, Наркомзема и руководства страны.

Так, в августе 1932 г. специалисты Западно-Сибирского краевого УНХУ зафиксировали ухудшение видов на урожай против достаточно оптимистичных показателей на 1 июля. По их расчетам, предполагаемый сбор пшеницы в крае составлял 6,1 ц/га. Этот показатель был существенно ниже плановой урожайности и вызвал жесткую критику со стороны крайкома ВКП(б) и крайисполкома, квалифицировавших прогнозы УНХУ как антигосударственные²². Отметим, что весной 1933 г. в «Советской Сибири» появилась информация о том, что урожайность пшеницы в крае в предыдущем году равнялась 7,0 ц/га. Однако в опубликованном позднее официальном статистическом издании был указан сбор пшеницы в Западно-Сибирском крае в 1932 г. в 6,1 ц/га²³.

Споры о величине урожая постоянно разгорались между Наркомземом и ЦУНХУ. В качестве арбитра выступала верховная власть, которая на начальном этапе дискуссии, как правило, становилась на сторону Наркомзема, а в новом календарном году могла согласиться с проведенными ЦУНХУ расчетами прошлогоднего урожая. Так, в октябре 1931 г. конфликт между Наркоматом земледелия с его завышенными оценками урожая и Госпланом, предлагавшим более низкие цифры, был решен в пользу Наркомзема. Однако летом 1932 г. в качестве итоговых показателей урожайности 1931 г. официально были признаны цифры, близкие к тем, которые ранее отстаивал экономико-статистический сектор Госплана СССР²⁴.

В конце августа 1932 г. заведующий сектором учета Наркомзема М.И. Гегечкори в упомянутом выше письме наркому земледелия Я.А. Яковлеву²⁵ указывал на значительные расхождения оценок урожая его ведомства и ЦУНХУ. По данным сектора учета Наркомзема, валовой сбор зерновых урожая 1932 г. определяется в 71,1 млн т (на 4,2 % больше, чем в предыдущем году), по рас-

²² Советская Сибирь. 1933. 28 апр.

²³ Там же; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 282.

²⁴ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода ... С. 90–91.

²⁵ Голод в СССР ... Т. 2. С. 57–61.

четам ЦУНХУ – 67,1 млн т. *«Расхождения в расчетах валового сбора объясняются расхождениями по посевным площадям и по средним сборам с одного гектара»*. По мнению автора письма, расчеты ЦУНХУ произведены на основе механического обобщения заниженных оценок урожая, поступающих с мест. В качестве доказательства того, что на уровне сельхозпредприятий и сельских районов показатели занижают, Гегечкори, в частности, привел выдержку из докладной записки Западно-Сибирского краевого земельного управления: *«Несомненно, что в ряде районов к уточнению данных урожая подходят весьма осторожно, с учетом решительно всех факторов, которые понижающе отражались на величине урожайности, с тенденцией застраховать себя от возможного преувеличения урожайности, а в некоторых районах имело место явное преуменьшение размеров урожайности (Татарский р[айон] и др.). Есть поэтому основания предполагать, что урожайные показатели, установленные на 1 августа – 10 августа, являются минимальными, несколько преуменьшенными»*.

Продолжая настаивать на своем, ЦУНХУ опубликовало численные его специалистами оценки урожайности в служебном бюллетене, предназначенном для ограниченного круга лиц. Это вызвало крайне негативную реакцию руководства страны, уверенного, что в стране собран удовлетворительный урожай²⁶. 13 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило: *«Выработать меры наказания для руководителей ЦУНХУ, которые без ведома СНК опубликовали цифры об урожайности и тем развязали вакханалию воровства и надувательства со стороны антиобщественных элементов колхозов, отдельных совхозов и индивидуальных крестьян»*²⁷.

В 1931/32 и 1932/33 гг. правящий режим добивался выполнения основанных на преувеличенных данных об урожайности хлебозаготовительных планов, несмотря на начавшийся голод, в ряде регионов переходящий в голодомор. Негативные издержки хлебозаготовок указанных лет во многом стали результатом отсутствия у сталинского руководства полного представления о величине собранного урожая²⁸. Основной причиной недостаточности у Центра объективной информации о ситуации в зерновом хозяйстве были названы изъяны системы определения урожайности хлебной нивы,

²⁶ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода ... С. 146–147.

²⁷ Трагедия советской деревни ... Т. 3. С. 540.

²⁸ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 219.

ведомственный характер статистики и местничество при принятии решений на региональном и районном уровне.

В 1932–1933 гг. был принят ряд законодательных актов, согласно которым ведомственный учет посевных площадей и урожайности заменялся внешним. 3 мая 1932 г. СНК СССР приняло постановление «Об учете посевных площадей и урожая»²⁹. Оно предусматривало организацию в районах (при райисполкомах), областях, краях и республиках (при управлениях народно-хозяйственного учета) межведомственных учетно-контрольных комиссий, заменяющих комиссии по оценке урожая. В их состав входили представители плановых, статистических, земельных, заготовительных органов, органов РКИ, общественных организаций. На комиссии возлагалась проверка и уточнение данных об итогах сева, оценке видов на урожай и валовом сборе зерновых и прочих культур *«на основе действующей оперативной отчетности»*. Земельные органы обязывались обеспечить комиссии соответствующей документацией по каждому колхозу, совхозу и сельсовету (по единоличным хозяйствам). Земельным органам также поручалось организовать *«при обязательном участии представителей учетно-контрольных комиссий»* предварительное определение урожая на основе выборочных обмолотов.

«Для обеспечения точного учета урожая, получаемого в предприятиях соцсектора и в целях борьбы с бесхозяйственным его расходованием, а в отдельных случаях и с прямым хищением», колхозы и совхозы обязывались *«вести учет получаемой продукции с самого начала уборочной кампании (учет скошенной площади, полученных скирд, учет выхода зерна у молотилок, учет сдаваемого на ссып[ные] пункты, элеваторы, склады...)»*. В свою очередь учетно-контрольным комиссиям предоставлялось право *«привлечь виновных в искажении отчетных данных к судебной ответственности»*.

Принятая 13 мая в развитие постановления СНК от 3 мая директива Наркомзема обязывала все совхозы, колхозы, хозяйства потребкооперации производить выборочные обмолоты хлебов и результаты передавать через сельсоветы райземотделам и райисполкомам³⁰.

В начале июня 1932 г. учетно-контрольные комиссии были созданы в Западно-Сибирском крае. В состав краевой комиссии вошли представители крайземуправления, крайколхозсоюза, краевое-

²⁹ СЗ СССР. 1932. № 31. Ст. 192.

³⁰ Немчинов В. С. Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. М.; Л., 1933. Вып 1. С. 26.

го представительства Трактороцентра, крайфинуправления и РКИ. Возглавил комиссию руководитель краевого управления народно-хозяйственного учета³¹. Состоявшийся в начале августа пленум краевой контрольной комиссии ВКП(б) обязал местные органы КК-РКИ *«обратить особе внимание на правильную работу районных учетно-контрольных комиссий по определению урожая... добиваясь, чтобы к моменту определения плана хлебозаготовок было известно состояние урожая не в “среднем по району”, а по каждому колхозу и селу, по каждой культуре»*.

Подчинявшиеся районным и региональным властям учетно-контрольные комиссии, по мнению руководства страны, не смогли избавиться от местничества и по-прежнему генерировали недостоверные данные об урожайности и валовых сборах зерновых культур. В связи с этим было принято решение об учреждении вневедомственных и не зависящих от местных властей государственных органов учета урожайности. 13 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию, возглавляемую председателем СНК СССР В.М. Молотовым, которой поручалось: а) *«определить методы и пути установления урожайности»*; б) *«разработать вопрос об организации общегосударственных контрольных органов по установлению урожайности»*. Итогом работы комиссии стало постановление СНК СССР от 17 декабря 1932 г. *«Об организации при СНК СССР Государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур»*³². Главной задачей комиссии являлось *«установление точных размеров и налаживание правильного учета посевных площадей, урожайности и валового сбора зерновых продуктов, предотвращение и пресечение всяких попыток кулацких, шкурнических и поддающихся буржуазным влияниям элементов исказить учетные данные о производстве хлебов, прикрывая этим кулацкий саботаж в сельском хозяйстве, злоупотребления, хищения, разбазаривание общественной собственности»*. Все функционирующие до этого комиссии и экспертные совещания ЦУНХУ и других ведомств по оценке урожайности и валовых сборов зерновых официально упразднились.

На местах создавались межрайонные государственные комиссии (МГК), которые подчинялись Центральной государственной комиссии при СНК СССР (ЦГК). Председатели МГК назначались СНК СССР, а члены набирались *«из работников земельных и заготовительных органов»* и утверждались ЦГК. В межрайонные

³¹ Советская Сибирь. 1932. 8 июня.

³² СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 521.

комиссии в качестве эксперта также включались по одному представителю ЦУНХУ. *«Для повседневного руководства и объединения работы государственных межрайонных комиссий»* ЦГК назначала своих уполномоченных в республиках, краях и областях, которые утверждались СНК СССР.

Уполномоченный ЦГК по Западно-Сибирскому краю И.В. Попов, выступая на пленуме крайкома ВКП(б), так сформулировал причины учреждения госкомиссий: *«В 1932 году мы имели не мало попыток укрытия хлеба от государства, обмана с посевными площадями, дачи заведомо ложных сведений об урожайности. Это заставило стать на путь организации межрайонных комиссий по урожайности с тем, чтобы посевная площадь и урожай по каждому району устанавливалась»* МГК³³.

Таким образом, в конце 1932 г. была предпринята попытка решения проблемы недостоверности статистики урожайности путем создания специального государственного органа, подчиненного непосредственно СНК СССР и независимого от ведомств и региональных органов власти. Отмечая вневедомственный характер ЦГК, следует указать, что она в значительной мере опиралась на аппарат ЦУНХУ. Одним из показателей этого является назначение председателем ЦГК начальника ЦУНХУ В.В. Осинского. Региональными уполномоченными ЦГК также, как правило, назначались руководители республиканских, краевых и областных УНХУ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОМИССИИ В 1933 г. ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ОПТИМАЛЬНОГО» УРОЖАЯ

Деятельность ЦГК и МГК регулировались постановлением СНК СССР от 17 декабря (см. выше) и утвержденным СНК СССР 5 марта 1933 г. Положением³⁴. В своей деятельности они опирались на сеть контрольно-наблюдательных постов, организуемых в колхозах, сельсоветах и совхозах. На них работали добровольцы-активисты. Обязательным условием деятельности членов МГК являлась личная проверка хозяйств.

Инструкции по определению урожая, принятые в 1933 г., предусматривали три последовательных этапа (метода) определения урожайности. Данная работа по-прежнему начиналась с экспертной оценки видов на урожай, которая производилась каждые пятнадцать дней. В Сибири первый срок наблюдения приходился на

³³ Советская Сибирь. 1933. 6 июля.

³⁴ СЗ СССР. 1933. № 17. Ст. 97а, 97б.

1 или 15 июня (в зависимости от времени массовых всходов), последний – на 15 августа. Оценивали урожай директора совхозов (на основе материалов отделений, информации агрономического персонала и личных наблюдений), председатели колхозов (на основе личных наблюдений и сообщений бригадиров), а по единоличникам – сельсоветы (на основе личных наблюдений и сообщений уполномоченных). Директора совхозов направляли отчеты о видах на урожай в правления своих трестов и МГК, колхозы – в сельсоветы и МТС, а МТС и сельсоветы после проверки и внесения поправок – в районные земельные отделы. Райземотделы эти данные обобщали, проверяли, вносили поправки и передавали их в краевые/областные земельные управления и в МГК. В МГК также поступали сведения от колхозов и сельсоветов на последний срок наблюдения³⁵.

В целях контроля за сведениями, представляемыми руководителями хозяйств и сельсоветов, видовые оценки дополнительно собирались от контрольно-наблюдательных пунктов. МГК обрабатывали материалы, поступившие из райземотделов, совхозов и контрольно-наблюдательных пунктов, устанавливали видовую урожайность по каждому сельскому району, входящему в их зону ответственности. Затем данные через регионального уполномоченного передавались в ЦГК, которая определяла видовую урожайность по отдельным регионам.

Биологическая урожайность или урожай на корню устанавливались на момент созревания. В Инструкции от 22 мая 1933 г.³⁶ разъяснялось, что *«урожай на корню представляет собой весь урожай в поле до последнего зерна, это тот урожай, который может быть собран, если бы совершенно отсутствовали потери и хищения зерна при уборке и обмолоте хлеба»*. В предыдущий период урожай на корню, так же, как и видовой, в абсолютном большинстве случаев оценивался «на глаз»³⁷. С 1933 г. для его измерения на законодательном уровне были предусмотрены технические средства – так называемые метровки. Они представляли собой деревянные квадратные рамки со стороной один метр. Измерение урожайности с помощью метровок производилось на стадии вос-

³⁵ Левитин И. Об учете видов на урожай и роли этого учета в определении урожайности // План. 1934. № 5. С. 26.

³⁶ Инструкция по измерению урожая на корню зерновых культур в 1933 г. Ростов н/Д, 1933.

³⁷ В конце 1920-х гг. в опытных хозяйствах биологический урожай в ряде случаев определялся путем намолота зерна с пробных полос или делянок площадью 1 квадратный аршин (см. гл. 3).

ковой спелости хлебов за два-три дня до начала косовицы. В вышеназванной Инструкции давалось следующее описание данного метода: «Работа по измерению урожая на корню проводится способом нажинов и обмолов на мелких площадках размером 1 кв. м, отобранных по принципу случайной выборки (механический отбор), равномерно рассеянных по всей площади измеряемой культуры колхоза, совхоза и отделения зерносовхоза. <...> Площадка в 1 кв. м берется при помощи метровки, которая накладывается на поле через равные промежутки. <...> Колосья срезать можно серпом, ножницами (для стрижки овец) и т.п. Срезать необходимо исключительно колосья (без соломы). <...> Просушенные колосья тщательно обмолачиваются вплоть до выщелуживания зерен руками».

После лушения полученное зерно взвешивалось. Результаты, полученные на отдельных метровках, суммировались и на их основе вычислялась урожайность в ц/га. Обмеры с помощью метровок имели выборочный характер. Их применяли лишь в немногих колхозах. В совхозах выборка была более представительной, а в зерносовхозах фактически сплошной. Определение урожая на корню производилось по двум основным для региона зерновым культурам.

Важное значение для корректировки первичных сведений об урожайности имел сбор данных о первичных обмолотах в хозяйствах. Для более точного их определения на момент начала уборки осуществлялись контрольные обмолаты. В 1933 г. они производились в рамках так называемых контрольных уборок в тех же районах и по тем же культурам, что и измерение урожая на корню. При этом выборка колхозов снижалась в 2 раза. Уборка проходила на всей посевной площади одной бригады каждого хозяйства. Организация контрольных уборок возлагалась на земельные органы. Подбор руководителей данных работ, обеспечение бригад необходимыми техническими средствами (уборочными машинами, молотилками, тарой) осуществляли райземотделы и директора МТС. Межрайонные государственные комиссии проверяли и утверждали руководителей контрольных уборок, принимали участие в их инструктировании, обеспечивали через политотделы МТС привлечение к работе актива, контролировали ход работы. По окончании мероприятий председатели МГК получали от их руководителей сведения о результатах, проверяли их и использовали для определения урожайности³⁸.

³⁸ URL: https://wiki.istmat.info/files/uploads/21358/instruksiya_uborka.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

Таким образом, введенная в 1933 г. в систему определения урожайности новация заключалась в его измерении на корню с помощью технических средств (метровок). Исследователи традиционно связывают с введением метровок переход от видового к биологическому методу исчисления сборов зерновых культур. Так, И.Е. Зеленин утверждает, что полученные методом лущения зерна на метровых площадках сведения «суммировались и уточнялись ЦГК и после утверждения правительством публиковались как официальные данные о собранном урожае и урожайности зерновых культур»³⁹. Мнения о том, что урожай на корню (биологическая урожайность) определялся с помощью метода метровок, придроживается и ряд современных авторов⁴⁰.

По нашему мнению, основанному на изучении архивных документов, в которых раскрываются особенности функционирования урожайной статистики в 1933 г. в Западно-Сибирском крае (см. ниже), основным методом определения биологического урожая в 1933 г. оставалась экспертная оценка. Измерение урожая на корню метровками имело выборочный характер. Оно проводилось не только не во всех хозяйствах, но и не во всех районах (см. ниже). С его помощью в случае репрезентативности выборки можно было определить урожайность в целом по региону. Однако наложением метровок невозможно было установить размеры урожая в соседних с попавшими в выборку хозяйствах и районах. В то же время в задачу земельных органов и МГК входило определение урожайности в каждом колхозе и районе. Кроме того, как указывалось выше, подобное измерение урожая производилось только по двум основным зерновым культурам. Остальные оставались за его рамками. Поэтому исчисление сбора с помощью метровок воспринималось и региональными властями, и госкомиссиями как вспомогательный метод. На вспомогательный характер подобного метода указал и ведущий специалист ЦУНХУ И. Левитин. Он определил использование метровок как одно из контрольно-учетных мероприятий, проводимых «с целью проверки правильности субъективных оценок урожайности на последний срок»⁴¹.

³⁹ Зеленин И.Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 466.

⁴⁰ Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 35, 37; Башкин А.В. Урожаи тридцатых или украденные достижения [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/21358> (дата обращения: 24.01.2022).

⁴¹ Левитин И. Методика определения урожайности // План. 1934. № 4. С. 21.

В конце марта 1933 г. СНК СССР утвердило назначение уполномоченного ЦГК по Западно-Сибирскому краю. На его территории создавалось 20 МГК. 5 апреля бюро крайкома поручило райкомам *«обеспечить персональный подбор для контрольно-наблюдательных пунктов межрайонных госкомиссий наиболее проверенных работников – в первую очередь выделяя из партийно-комсомольского актива колхозников»*⁴².

19 июня президиум Западно-Сибирского крайисполкома принял постановление *«Об измерении урожая на корню»*⁴³. Определить урожайность надлежало в выбранных председателями МГК районах края (общее их число составило 59⁴⁴) по двум зерновым культурам, являвшимся для этих районов основными⁴⁵. Учет следовало организовать во всех находящихся на их территории хозяйствах Наркомата совхозов СССР и Сортсемтреста и выборочно в 8–12 колхозах на район. Всего надлежало обследовать 550 колхозов края⁴⁶. Райисполкомам предлагалось выделить для проведения данной работы *«специально подобранных, политически проверенных людей из состава районных (городских) работников (МТС, райЗО, заготорганизаций, актива рабочих предприятий, комсомольцев и партийцев, студентов техникумов, ВУЗов и Ш[кол] К[олхозной]М[олодежи]»*. Определение урожая на корню надлежало провести за 2–3 дня до начала уборки «измеряемой» культуры.

Вопрос о работе МГК 24 июня 1933 г. рассматривался на очередном пленуме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В принятом по итогам обсуждения постановлении подчеркивалось, что *«в борьбе за высокий урожай колхозных и совхозных полей, в борьбе с хищениями зерна, преступной бесхозяйственностью и потерями огромное значение имеет точное определение урожая на корню»*. В связи с этим пленум обязал райкомы компартии *«про-*

⁴² Советская Сибирь. 1933. 31 мая.

⁴³ Там же. 21 июня.

⁴⁴ Там же. 6 июля. Общее число сельскохозяйственных районов края, в колхозах, в которых выращивались статистически определяемые объемы зерновых культур, составляло 116 (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 265, 267). Выборка по районам, таким образом, составляла 51 %.

⁴⁵ Как правило, определялась урожайность пшеницы и овса, и лишь в некоторых районах пшеница заменялась озимой рожью. По каждой культуре должно было быть взято от 400 до 600 проб (метровок) на колхоз (Советская Сибирь. 1933. 6 июля).

⁴⁶ На 1 июля 1933 г. по официальным данным в Западно-Сибирском крае функционировало 11,4 тыс. колхозов (Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 160). Выборка по колхозам, таким образом, составляла 4,8 %.

вести измерение урожайности как массовую политическую кампанию, широко развернув массовую разъяснительную работу и соц[иалистическое] соревнование и ударничество, мобилизовать массы колхозников и рабочих на отпор попыткам классового врага сорвать проведение этого важнейшего мероприятия». В постановлении также указывалось, что МГК должны не только заниматься определением урожайности, но и «шаг за шагом, на всех стадиях сельскохозяйственного производства, обеспечивать систематическое наблюдение за проведением в жизнь директив партии и правительства по повышению урожайности (борьба за ранние сроки сева, за правильные нормы высева, за высокое качество обработки [почвы] и сева, уборки, сохранности зерна и по борьбе с потерями в сельскохозяйственном производстве)». В связи с этим работникам комиссий надлежало «немедленно и беспощадно разоблачать классово-враждебные элементы, искажающие, саботирующие и срывающие директивы партии по повышению урожайности»⁴⁷.

10 июля 1933 г. президиум Западно-Сибирского крайисполкома принял постановление «О проведении контрольных уборок зерновых хлебов в 1933 г.». «Контрольную» уборку и обмолот, которые должны были иметь образцово-показательный характер, надлежало осуществить в 178 колхозах края «на всей площади основных зерновых культур одной бригады колхоза». Одной из целей данного мероприятия являлось получение МГК «точных контрольных данных о размерах фактического урожая». Кроме того, его проведение рассматривалось как одно из «важнейших средств для внедрения в широкую колхозную практику правильных приемов уборки и обмолота, предотвращающих излишние потери и расхищение хлеба»⁴⁸.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 июля 1933 г. установило «твердые» порегиональные сроки, к которым ЦГК должна была определить размеры урожайности на корню в 1933 г.: по Западной Сибири – к 1 сентября, по Восточной Сибири – к 10 сентября. При этом МГК обязывались завершить свою работу не позднее чем за 10 дней до установленного для ЦГК срока⁴⁹.

Определение видовой урожайности в Сибири традиционно началось после появления массовых всходов и, как указывалось выше, производилось каждые 15 дней. Выступивший 24 июня с

⁴⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 102–103.

⁴⁸ Советская Сибирь. 1933. 18 июля.

⁴⁹ Там же. 17 июля.

докладом на пленуме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) уполномоченный ЦГК по краю И.В. Попов сообщил, что, согласно поступившим в крайземуправление сводкам из райземотделов, на 15 июня урожайность в текущем году превышает показатели предыдущего года как минимум на 12,3 %. При этом Попов назвал эти сводки «дефективными», поскольку они основывались лишь на информации председателей колхозов и сельсоветов, без критического анализа со стороны райземотделов. *«Ни по одному району не было случая, чтобы районное земельное управление давало свои критические замечания по сводкам сельсоветов, а также чтобы председатель сельсовета в чем-нибудь изменил сводки колхозов».* По мнению уполномоченного ЦГК, поступающие в крайземуправление данные являются заниженными. *«Фактическая урожайность будет гораздо выше»*⁵⁰.

Во второй половине июля из крайземуправления в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) направили справку «О состоянии работы по учету видов на урожай»⁵¹. В ней оценивалось качество проведенной на местах работы по оценке видовой урожайности на 1 июля. Авторы справки указывали, что прогнозы на урожай, устанавливаемые председателями колхозов, оказываются во многих случаях заниженными. Причинами этого является *«сугубо осторожный подход... с тенденцией страховки за счет тех факторов, которые могут неблагоприятно отразиться на величине ожидаемого урожая до момента его созревания (погодные и прочие) и даже обмолота хлебов (потери при уборке)».* Показания колхозов проверяются МТС и сельсоветами, которые, как правило, *«вносят поправки на недоучет в сторону повышения урожайности».* Однако выявлены случаи, когда сельсоветы и МТС колхозные данные, напротив, снижают. Более того, есть и райземотделы, которые *«механически штампуют данные МТС и сельсоветов или даже по некоторым их снижают».* Это *«ослабляет эффект поправок со стороны райЗО, правильно подходящих к определению урожайности».* Но в целом по краю достигнуты положительные результаты работы. Так, по пшенице поправка МТС и сельсоветов составляет +8,7 % от уровня, установленного колхозами, а поправка райземотделов – +6,7 % от данных сельсоветов. В справке также сообщалось что МГК, в свою очередь, увеличили данные райземотделов на 18,8 %. В итоге общая поправка МГК к первичным данным колхозов составила 37,7 %, а в ряде случаев превысила 50 %. Под-

⁵⁰ Советская Сибирь. 1933. 6 июля.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 163–164 об.

писавшие справку ответственные работники крайземуправления в связи с этим предложили крайкому «запросить» у уполномоченного ЦГК «о причинах резких поправок», вносимых МГК в оценки урожайности по отдельным районам.

В указанном документе также сообщалось об итогах работы по учету видов на урожай по состоянию на 1 августа 1933 г. При этом 61 райземотдел края внес в сведения, поступившие из колхозов, поправку на недоучет, 3 отдела их снизили, а 9 – оставили без изменений⁵².

Невнесение поправок в оценки урожая с мест или вносимые в них коррективы в сторону снижения показателей вызывали не только критику, но и административное преследование. Так, строгий выговор «с предупреждением» объявили заведующему Волчихинским райземотделом Пукалову «за допущенное снижение оценки урожая против данных колхозов и сельсоветов». Аналогичное взыскание, но только «за механическое штампование представленных урожайных данных», получил заведующий земельным отделом Любинского района⁵³. Реакцией чиновников на публичное наказание коллег, которые не внесли повышающие поправки в данные, поступившие из сельсоветов, стало последовательное увеличение показателей урожайности на уровне сельсоветов, МТС и райземотделов.

Последним сроком определения видовой урожайности в Западной Сибири было 15 августа. Установленная колхозами урожайность зерновых культур в целом на этот срок составляла 7,5 ц/га; МТС и сельсоветы увеличили ее до 8,3 ц (+11 %), райземотделы – до 9,1 ц (+21 % к первичным данным), МГК – до 9,9 ц (+32 % к первичным данным), а ЦГК после получения всех материалов из края незначительно снизила – до 9,8 ц/га (+31 %)⁵⁴.

Следующим этапом определения урожайности являлось измерение с помощью метровок. Установленный таким образом сбор по пшенице равнялся 9,4 ц/га, по овсу – 10,7 ц/га. Просчитанная МГК видовая урожайность данных культур на 15 августа составляла 9,5 и 10,9 ц/га, ЦГК – 9,3 и 11 ц/га соответственно⁵⁵. Далее следовал сбор данных о первичных обмолотах, в том числе в рамках контрольных уборок.

Необходимо отметить, что в 1933 г. было также проведено радикальное реформирование хлебозаготовительной системы. С это-

⁵² Там же. Л. 163 об.

⁵³ Советская Сибирь. 1933. 31 июля.

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 262.

⁵⁵ Там же.

го года контрактацию зерновых культур заменили обязательными поставками. Их размеры рассчитывались по принимаемым в начале года и неизменным нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева⁵⁶. На величину госпоставок урожайность, установленная перед началом уборочной кампании, формально не влияла. В связи с этим может возникнуть впечатление о снижении значения определения видовой урожайности. Однако это не так. Во-первых, установленное МГК в ходе уборочной кампании снижение урожайности против предварительных оценок могло послужить основанием для предоставления скидок колхозам по поставкам. Скидки при этом засчитывалась в недоимки, которые должны были погашаться из урожая следующего года.

Во-вторых, обязательные поставки являлись хотя и наиболее значимым, но не единственным методом изъятия хлеба в деревне⁵⁷. По мере механизации колхозного производства все более возрастающее значение приобретал сбор зерна в счет натуроплаты МТС. В 1933 г. объем натуроплаты составлял установленную долю от полученного колхозом урожая, и чем он был выше, тем выше была и натуроплата⁵⁸. При этом государственный план сбора натуроплаты был рассчитан исключительно на основе видовой урожайности. Оценка видов на урожай также определяла объемы планов хлебосдачи совхозов и гарнцевого сбора. Годовой государственный план по сбору натуроплаты МТС, хлебосдаче совхозов и гарнцевому сбору по СССР в целом был утвержден СНК СССР 4 июля 1933 г.⁵⁹

Погодно-климатические условия в середине лета 1933 г. в основных зернопроизводящих регионах СССР, включая Западную Сибирь, оказались относительно благоприятными для созревания зерновых. Видовые прогнозы валового сбора в июле – первой половине августа стали существенно улучшаться. В связи с этим Центр принял решение о повышении заготовительных заданий. 10 августа Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило увеличение принятого в начале июля плана сбора натуроплаты, в том числе по За-

⁵⁶ См.: *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 107, 110, 112–113.

⁵⁷ В 1933/34 заготовительном году удельный вес обязательных поставок в общем объеме плановых хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае составлял 66,7 %, натуроплаты МТС 14,1, хлебосдачи совхозов – 11,4, возврата натуральных ссуд колхозами и совхозами – 1,4, гарнцевого сбора – 6,4 % (*Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири ... С. 497).

⁵⁸ Полный цикл сельхозработ стоил 20 % валового сбора зерна. Отдельные виды работ оплачивались установленной долей урожая (*Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение ... С. 112).

⁵⁹ *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода ... С. 497.

падно-Сибирскому краю, с 11 до 15 млн пуд. Несколько позднее с 11,2 млн до 14,3 млн пуд. повысили задание по хлебосдаче совхозам Западно-Сибирского края⁶⁰.

Формальным поводом для увеличения заготовительного задания по государственному сектору аграрной экономики послужило «разоблачение» руководства Одесского зернотреста. 20 июня в «Правде» была опубликована подписанная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР секретарю Одесского обкома компартии: *«По достоверным данным, руководители Одесского зернотреста сознательно преуменьшили показатели урожая по совхозам с целью нарушить советский закон о сдаче зерна государству, обмануть государство и сорвать выполнение плана хлебосдачи. Совнарком и ЦК обязывают Вас немедленно проверить это дело, исключить из партии и привлечь к уголовной ответственности всех без исключения виновных в обмане государства и попытке срыва зернопоставок как воров и расхитителей государственного имущества. О принятых мерах сообщите незамедлительно».*

Публичное обнародование телеграммы фактически означало указание руководителям других регионов провести тотальную проверку совхозов на подведомственной им территории на предмет выявления фактов занижения урожайности. К данной кампании активно подключилась советская пресса. 21 июня телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР была перепечатана в «Советской Сибири». В том же номере опубликовали материал «Антигосударственные тенденции», в котором от имени «рабочих-ударников» Бердского совхоза критиковалась позиция краевого Зернотреста, принявшего минимальный план урожайности.

27 июня данный вопрос рассмотрело бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Была создана комиссия, которой поручалось *«установить, имели ли место в отдельных совхозах, а также по Зернотресту в целом случаи преуменьшения показателей урожайности, даваемых центральным или краевым организациям, а также имели ли место случаи преувеличения показаний о гибели посевных площадей»*⁶¹. Бюро крайкома на том же заседании утвердило текст циркулярной телеграммы, которую надлежало разослать всем директорам совхозов, начальникам политотделов и секретарям райкомов. В ней указывалось, что, согласно материалам, полученным от *«некоторых политотделов, [а] также [по]*

⁶⁰ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 220, 222.

⁶¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 420. Л. 322.

сообщениям газет, [в] действиях ряда работников совхозов, в частности системы Запсибзернотреста, имеются факты, близкие по существу указанным преступным действиям Одесского зернотреста». В связи с этим бюро крайкома предупредило, «что за попытки обмана государства путем преуменьшения урожайности, преувеличения площадей погибших посевов виновники будут привлекаться к ответственности».

Ряд директоров совхозов понесли наказание. В Маслянинском зерносовхозе выявили 85 га посевов, скрытых от отчетности. Кроме того, как показалось проверяющим, здесь занизили урожайность зерновых. Бюро Маслянинского райкома ВКП(б) 13 июля вынесло строгий выговор директору совхоза Селивестрову и предупредило о партийной и уголовной ответственности за подобного рода нарушения. Решение напечатали в районной газете⁶².

В конце лета 1933 г. государственные планы хлебосдачи на 1933/34 гг. по Западно-Сибирскому краю повысили. Однако уже в сентябре выяснилось, что общее заготовительное задание (зернопоставки, натуроплата МТС, возврат натуральных ссуд) ряда колхозов региона превышает их производственные возможности. В связи с этим по инициативе крайземуправления при крайкоме ВКП(б) и крайисполкоме создали специальную комиссию. По результатам ее работы в середине сентября 1933 г. было подготовлено письмо, которое от имени секретаря Западно-Сибирского крайкома компартии Р.И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф.П. Грядинского направили в адрес председателя ЦГК В.В. Осинского⁶³.

В нем содержалась просьба снизить урожайность зерновых культур в целом с установленных ЦГК на 15 августа 1933 г. 9,8 до 9,3 ц/га, пшеницы – с 9,3 до 8,76 ц/га, овса – с 11,0 до 10,5 ц/га, озимой ржи – с 12,2 до 11,8 ц/га. Аргументировалась просьба связанным с сильной засухой недородом в юго-западной части края, а также затрудняющей уборку и вызывающей потери урожая дождливой погодой в центральных и восточных районах. В 15 недородных районах краевое руководство было вынуждено значительно снизить обязательства 358 колхозов по госпоставкам, а 101 из них полностью освободить от хлебосдачи. Ходатайство подкреплялось сведениями о фактических обмолотах в 25 % колхозов, размеры которых составляли по зерновым культурам в целом 7,7 ц/га, по пшенице – 7,2, по овсу – 8,5, по озимой ржи – 10,5 ц/га. В качестве «иллюстративного материала, показывающего тенденцию урожая» пшеницы и овса по ряду районов, составители

⁶² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 528. Л. 162–166.

⁶³ Там же. Д. 469. Л. 269–273.

документа использовали сведения об измерении сбора на корню с помощью метровок, но не считали их достаточно представительными. В заключении к письму «особо подчеркивалось», что предлагаемая крайкомом и крайисполкомом оценка урожайности «*никоим образом не является преуменьшенной, а наоборот. Неблагоприятные метеорологические условия для уборки пшеницы и вызревания и уборки овса говорят за то, что фактический урожай будет, по всей вероятности, ниже принятой оценки*».

Одновременно с посланием в адрес В.В. Осинского Р.И. Эйхе направил личное послание В.М. Молотову, в котором также просил снизить показатели урожайности зерновых с установленных ЦГК 9,8 ц/га до 9,3 ц/га. При этом Эйхе отмечал, что предлагаемый краевым руководством показатель «*находится на максимальном пределе возможных сборов. Сельскохозяйственники (КрайЗУ, Зернотрест и т.п.) возражают и против этой цифры*»⁶⁴. Процитированная фраза первого секретаря крайкома, на наш взгляд, является иллюстрацией того, что определение урожайности в 1933 г., как, впрочем, и ранее, являлось предметом политического торга между регионами и Центром. Задачей сторон было установление не реального, а политически целесообразного урожая.

Завышенной была видовая урожайность зерновых в совхозах края. Директор Запсибзернотреста Л.С. Марголин 4 октября 1933 г. направил в адрес наркома совхозов Т.А. Юркина докладную записку⁶⁵, в которой указал, что причиной низких темпов хлебосдачи в хозяйствах треста является снижение показателей урожайности против ожидаемых летом. Согласно сводкам, на 15 августа 1933 г. сбор зерновых должен был составить 7,3 ц/га, тогда как фактическая урожайность на 20 сентября равнялась 5,9 ц/га. «*Чтобы выполнить план хлебосдачи и обеспечить себя семенами и продовольствием, зерносовхозы Запсибкрая должны собрать не менее 6,72 центнеров*». Причинами недобора хлеба по сравнению с видами на урожай, по мнению Марголина, являлись: 1) преувеличение показателей директорами совхозов при оценке ожидаемого сбора; 2) значительные потери урожая на корню в связи с ухудшением погодных условий после 20 сентября; 3) «*Большие потери... вследствие плохой работы механизмов*». Комментируя объяснения Л.С. Марголина, следует особо подчеркнуть, что преувеличение показателей урожайности директорами совхозов летом стало прямым следствием оказываемого на них давления в связи с «разоблачением» руководства Одесского зернотреста (см. выше). Центр

⁶⁴ Там же. Л. 274–276.

⁶⁵ Там же. Д. 441. Л. 75.

частично удовлетворил просьбу руководства Западно-Сибирского края и директора Запсибзернотреста о снижении заготовительных заданий⁶⁶.

28 октября 1933 г. СНК СССР «в основном одобрил» установленные ЦГК «пообластные цифры урожайности». Окончательное утверждение должно было последовать после согласования с региональными властями⁶⁷. Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) «приняло к руководству» согласованные с ЦГК «ставки» урожайности на заседании 11 ноября⁶⁸. 20 ноября бюро крайкома обязало районные власти в связи с *«окончательным утверждением урожайности... установить окончательные расчеты МТС с колхозами»*. С этой целью надлежало на основе утвержденной урожайности определить размеры валового сбора зерна по каждому колхозу⁶⁹. Реализация постановления на местах затянулась. 9 декабря бюро крайкома вновь вернулось к рассмотрению данного вопроса. В принятом постановлении⁷⁰ в связи с тем, что *«в ряде районов до сих пор не закончена работа по определению урожайности по колхозам и не произведены окончательные расчеты по натуроплате МТС»*, предлагалось *«обязательно установить и утвердить на бюро Р[ай]К[ома] урожай по каждому колхозу»*.

Комментируя еще в начале сентября 1933 г. определенные на основе видовой урожайности размеры валового сбора зерновых по СССР в целом, заместитель председателя ЦГК Н.П. Брюханов писал: *«следует иметь в виду, что Центральной государственной комиссией определяется не амбарный урожай, а урожай оптимальный. Мы не можем и не должны при определении урожайности считать нормой те потери при косовице, возке, обмолоте, которые являются результатом нашей бесхозяйственности, а подчас и вредительства, идущего от нашего классового врага. Потери на уборку в среднем мы исчисляем примерно в 10 %»*⁷¹.

В начале января 1934 г. СНК СССР принял постановление, в котором окончательно утвердил установленные ЦГК показатели урожая 1933 г.⁷², которые затем опубликовали в открытой печати. Для СССР в целом он составлял 89,8 млн т, при сборе с одного гектара 8,8 ц/га. Для Западно-Сибирского края для зерновых в целом

⁶⁶ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 238.

⁶⁷ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2013. Т. 3: Лето 1933–1934. С. 196, 794.

⁶⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 468. Л. 49.

⁶⁹ Там же. Д. 421. Л. 254.

⁷⁰ Там же. Д. 474. Л. 1 об.

⁷¹ Трагедия советской деревни ... Т. 3. С. 638–639.

⁷² Голод в СССР ... Т. 3. С. 196.

была принята урожайность в 9,4 ц/га, для пшеницы – в 9,0, для овса – в 10,6, для озимой ржи – в 12,0 ц/га⁷³. Эти цифры несколько превышали те, которые содержались в письме руководителей края в ЦГК с ходатайством об изменении определенной ей урожайности (см. выше).

Подводя итоги функционирования новой системы урожайной статистики в 1933 г., следует отметить, что, несмотря на детальную регламентацию работ, использование технических средств и более жесткий контроль, недоверие к информации с мест в 1933 г. сохранялось, и она на всех стадиях определения урожайности априори считалась заниженной и, как правило, последовательно увеличивалась на всех ступенях иерархической лестницы. Таким образом, главной задачей МГК стало не точное определение урожайности, а борьба с ее занижением, которая фактически оборачивалась завышением. Центральная госкоммиссия поправила завышенную оценку МГК, но полностью ее не исправила. В итоге ЦГК, которая непосредственно контролировалась высшими партийными и советскими органами СССР, во взаимодействии с региональными органами управления 1933 г. установила не просто «оптимальный», а политически оптимальный урожай.

Руководство страны высоко оценило деятельность МГК. В.М. Молотов, выступая на совещании региональных уполномоченных ЦГК 8 марта 1934 г., определил комиссии как *«глаза и уши партии и правительства»* и пожелал им повторения успехов, достигнутых в предыдущем году: *«Ваша работа началась с года, когда урожай был хорошим, с 1933 г. Я выражаю пожелание, чтобы и 1934 г. был не хуже. Помогите государству»*⁷⁴.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОМИССИИ В 1934–1935 гг. ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ С УЧЕТОМ ПОТЕРЬ

В 1934 г. МГК и ЦГК продолжали помогать государству. Но специалисты ЦГК и ЦУНХУ вели не только хозяйственно-политическую работу. Помимо этого, продолжалась разработка методов учета урожая. Основной задачей соответствующих органов являлось исчисление видового, биологического и так называемого нормально-хозяйственного урожая.

⁷³ Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 203, 204, 205; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 303.

⁷⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2002. Т. 4: Конец 1934 – 1936. С. 76.

Единственным методом определения видового урожая оставалась поэтапная экспертная оценка. При этом в схему его учета в 1934 г. были внесены существенные изменения. В соответствии с постановлением СНК СССР от 27 марта 1934 г.⁷⁵ число оценок видов на урожай сокращалось с пяти до трех. В Сибири для озимых и ранних яровых культур (ржи, пшеницы, ячменя, овса) устанавливались следующие даты наблюдений: 15 июля, 1 августа и 15 августа; для зернобобовых и крупяных: 15 июля, 15 августа и 15 сентября. При этом оценка на первый срок должна была даваться в баллах по пятибалльной шкале, а на второй и третий сроки – в центнерах с гектара. Специалист ЦУНХУ И. Левитин в связи с этим писал: *«Введение смешанного способа оценок, взамен практиковавшихся в последние годы оценок посевов исключительно в весовом выражении, продиктовано необходимостью улучшить и уточнить учет. Причины значительной неточности оценок в первоначальные сроки в прошлом году аргументировались невозможностью более или менее точного весового определения величины ожидаемого урожая до окончания цветения хлебов»*⁷⁶.

Урожай на корню также оценивался экспертным путем. В качестве вспомогательного метода применялось измерение с помощью метровок. 7 июля 1934 г. Западно-Сибирский крайисполком принял постановление «Об измерении урожая на корню в 1934 г. (метровки)». В выборку вошли 490 колхозов и 40 совхозов, в число последних входили все хозяйства «Зернотреста» и «Сортсемтреста»⁷⁷.

Под нормально-хозяйственным или оптимально-хозяйственным урожаем понимался урожай, *«который может и должен быть убран при определенном техническом уровне производства на основе правильной организации уборочных работ»*⁷⁸. Размер нормально-хозяйственного сбора исчислялся путем вычитания из урожая на корню технически неизбежных потерь. При комбайновой уборке *«технически неизбежные потери»* зерновых устанавливались в размере 3–4 % от урожая на корню, при уборке лобогрейками – 7–8 %. Так называемые возвратные потери (в колосе, соломе, отходах и т.п.) «неизбежными» не признавались и полностью включались в размеры определенной урожайности. Данная манипуляция преследовала задачу предотвращения попыток

⁷⁵ СЗ СССР 1934. № 17. Ст. 134.

⁷⁶ Левитин И. Об учете видов на урожай ... С. 28.

⁷⁷ Советская Сибирь. 1934. 9 июля.

⁷⁸ Левитин И. Методика определения урожайности. С. 21.

«скрыть от государства действительный размер урожая», мобилизации колхозов *«на то, чтобы собрать весь созревший хлеб»*⁷⁹.

В связи с необходимостью исчисления размеров нормально-хозяйственного урожая в 1934 г. более широкие масштабы приобрела работа по контролю качества массовых обмолотов в колхозах и учету потерь при уборке и обмолоте зерна. С этой целью в каждом зернопроизводящем сельском районе отбиралось от 10 до 15 % колхозов, *«которые по своей организованности могут наладить правильный и добросовестный обмолот, а также надлежащую постановку его учета и своевременное предоставление данных»*. К данным колхозам прикреплялись контролеры, обязанные периодически проверять качество обмолота и правильность учета его результатов. В первую очередь они должны были определить потери зерна от осыпания при косовице и обмолоте⁸⁰.

26 июля 1934 г. постановление «О контрольных обмолотах и учете потерь зерна в уборочную кампанию 1934 года» принял президиум Западно-Сибирского крайисполкома⁸¹. Учет контрольных обмолотов надлежало организовать в период с начала первых массовых обмолотов до 1 ноября. Райисполкомы обязывались направить в хозяйства, в которых проводились контрольные мероприятия, представителей актива в качестве контролеров, преимущественно из лиц, командированных в колхозы районными уполномоченными по проведению уборочных работ. Для определения размеров потерь зерна колхозам надлежало: *а) обмолачивать на выборку пучки колосьев из разных скирд перед началом массового обмолота для установления потерь от осыпания; б) организовать сбор колосьев на указанных МГК площадях и обмолачивать их отдельно; в) поставить переобмолот соломы, провеивание половы⁸² и озадков⁸³ на выборку с определением количества*

⁷⁹ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 474; Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 515.

⁸⁰ Левитин И. Методика определения урожайности. С. 22.

⁸¹ Советская Сибирь. 1934. 27 июля.

⁸² Полова (мякина) – растительная масса, получаемая при обмолоте зерновых культур или очистке зерна на токах. В нее входят семенные пленки, обломки листьев, колосья, шуплое зерно, семена сорных трав и частички их листьев, а также частицы земли и других примесей.

⁸³ Озадки – задняя по направлению ветра часть вороха веянного хлеба, в которую попадало легкое (некондиционное) зерно, семена сорняков, мякина. Использовались на корм для птиц.

дополнительно полученного зерна». Сбор колосьев осуществлялся в том числе с помощью метровок: 20–30 метровых площадок равномерно накладывали на типичные участки убранного хлеба площадью в 5–10 га. Собранные с них колосья обмолачивались (лушили и взвешивались)⁸⁴.

Значимость своевременного определения урожайности в 1934 г. значительно возросла в связи с реформированием системы взимания натуроплаты МТС. С этого года вводились плавающие, зависящие от уровня урожайности, расценки натуроплаты за отдельные виды сельхозработ и их полный цикл («комплекс»). По уровню урожайности колхозы, обслуживаемые МТС, делились на 7 разрядов⁸⁵. Хозяйство, включенное в более высокий разряд, платило МТС больше⁸⁶.

Отнесение колхозов к тому или иному разряду урожайности возлагалось на районные комиссии. В их состав входили председатель райисполкома (председатель комиссии), районный уполномоченный Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов, директор МТС, обслуживающей колхоз. На заседание комиссии, на котором решался вопрос об отнесении колхоза к разряду урожайности, приглашался его председатель. Решение комиссии следовало принять не позднее 12 дней после начала уборки⁸⁷. Постановления районных комиссий подлежали рассмотрению и утверждению МГК⁸⁸.

План сбора натуроплаты для Западно-Сибирского края Комзаг СНК и Наркомзем СССР в 1934 г. установили лишь в конце августа – после завершения работы МГК по определению урожайности зерновых. Бюро крайкома утвердило план 1 сентября, обязав директоров и начальников политотделов МТС в трехдневный срок после получения утвержденного МГК решения районной комиссии об отнесении колхозов к соответствующей группе урожайности выставить им счета по натуроплате⁸⁹.

В 1934 г. продолжалась борьба работников МГК и других надзирающих и контрольных органов с «занижением» урожайности. С третьей декады июля в «Советской Сибири» стали регулярно

⁸⁴ Левитин И. Методика определения урожайности. С. 23.

⁸⁵ В первый разряд входили колхозы с урожайностью менее 3 ц/га, во второй – от 3 до 5, в третий – от 5 до 7, в четвертый – от 7 до 9, в пятый – от 9 до 11, в шестой – от 11 до 13, в седьмой – свыше 13 ц/га (Ильиных В.А. Налогово-податное обложение ... С. 124).

⁸⁶ Там же. С. 112–113.

⁸⁷ СЗ СССР. 1934. № 11. Ст. 68.

⁸⁸ Советская Сибирь. 1934. 4 июля.

⁸⁹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 265–266.

публиковаться материалы о неудовлетворительной организации работы по определению урожая, его недоучета на местах. 22 июля председатель Исилькульской МГК Твердохлебов проинформировал читателей о том, что Исилькульский и Северо-Крутинский райземотделы *«штампуют явно ложные оценки»* колхозов об урожайности. В том же номере газеты сообщалось, что в Ордынском районе *«уменьшение председателями колхозов (в том числе председателями-коммунистами) фактической урожайности приняло массовый характер»*.

29 июля в «Советской Сибири» опубликовали сообщение краевого прокурора, в котором определялось как «преступная халатность» и «саботаж» игнорирование рядом директоров совхозов и МТС сроков направления сведений об урожайности уполномоченному ЦГК. 8 августа на страницах газеты появилось новое сообщение крайпрокурора, который указывал, что в крае *«до сих пор от председателей межрайонных комиссий по определению урожайности поступают сведения об умышленном снижении урожайности по ряду колхозов»*. В связи с этим прокурор приказал своим подчиненным *«проявить максимальную оперативность при расследовании всех сигналов, говорящих об обмане государства в определении урожайности, неуклонно привлекая виновных к уголовной и иной ответственности»*.

Условия созревания зерновых культур в Западно-Сибирском крае летом 1934 г. в целом были достаточно благоприятными. Хотя урожайность на корню традиционно была завышена, осеннее ненастье привело к существенному снижению фактического урожая. Но в условиях недорода на Украине руководители СССР заготовительное задание региону не уменьшили. Итогом сверхнормативного изъятия хлеба в 1934 г. в ряде районов Западной Сибири стал голод⁹⁰.

В Западно-Сибирском крае урожайность зерновых культур по официальным данным увеличилась с 9,4 ц/га в 1933 г. до 10,6 ц/га в 1934 г. В СССР в целом показатели сбора с 1 га, напротив, снизились: с 8,8 до 8,5 ц⁹¹. Естественно, что это были показатели нормально-хозяйственного сбора, в рамках которого не учитывались лишь «технически неизбежные потери». Фактический урожай был ниже. Заместитель председателя ЦГК Н.П. Брюханов в связи с этим писал, что исчисленный ЦГК нормально-хозяйственный урожай *«ниже урожая на корню, при сборе которого неизбежны*

⁹⁰ Там же. С. 311.

⁹¹ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 268–269.

хотя бы минимальные технические потери, и в то же время этот урожай обязательно выше амбарного урожая, заприходованного в хозяйствах, так как, кроме технически допустимых, есть еще бесхозяйственные потери, и приходование хлеба по отчетам никогда не бывает абсолютно полным». В подтверждение своих слов он привел следующие данные. Нормально-хозяйственная урожайность для 1934 г. официально была установлена в 8,5 ц/га. В то же время амбарная урожайность по данным сводных годовых отчетов колхозов составляет лишь 6,3 ц/га. Н.П. Брюханов также достаточно откровенно разъяснял, что ЦГК определяет не реальный валовый сбор зерновых, а «условную и спорную нормально-хозяйственную урожайность»⁹².

В 1935 г. определение урожайности в СССР и его регионах проходило по схеме, применяемой в предыдущем году. При этом значительно расширились масштабы измерения урожая на корню метрочками и впервые была введена сводка учета обмолотов во всех колхозах на определенные сроки. По мнению руководства ЦГК, это позволило исчислить более реальные, нежели прежде, показатели урожайности⁹³.

В Западно-Сибирском крае кампания по определению урожайности в 1935 г. проходила в условиях надвигающегося недорода. Установившаяся в июне и продолжавшаяся в июле в юго-западной части края засуха привела к значительному снижению валового сбора зерна. Однако региональные власти не смогли сразу объективно оценить угрозу. Более того, резкой критике подверглись те немногочисленные районные руководители, которые ходатайствовали о снижении планов хлебозаготовок, ссылаясь на неурожай.

В начале сентября бюро Завьяловского райкома ВКП(б) и президиум райисполкома приняли постановление «О снижении плана зернопоставок по колхозам района в 1935 г.»⁹⁴. В его констатирующей части приводился хлебофуражный баланс по колхозам района. Согласно утвержденной МГК урожайности в 3,82 ц/га валовой сбор зерновых из урожая 1935 г. должен был составить 235,5 тыс. ц. Предполагаемый же расход хлеба (сдача государству, создание семенного, фуражного фонда и минимального фонда оплаты труда колхозников) превышал валовой сбор на 62,5 тыс. ц. Исходя из этого, бюро райкома и президиум райисполкома постановили «просить» крайком и крайисполком снизить колхозам

⁹² Трагедия советской деревни ... Т. 4. С. 641.

⁹³ Там же. С. 642.

⁹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 649. Л. 83.

района задание по хлебозаготовкам на 62,5 тыс. ц. До сведения краевых властей также следовало довести информацию о том, что проведенный 1 сентября в 15 колхозах контрольный обмолот составил 3,02 ц/га, что на 0,8 ц/га уступало показателям урожайности, утвержденной МГК.

Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и президиум крайисполкома отменили вышеуказанное постановление, *«как неправильное и политически вредное, дезорганизирующее колхозы и потакающее кулацким тенденциям срыва закона о хлебосдаче»*. Бюро Завьяловского райкома и президиуму райисполкома объявлялся строгий выговор⁹⁵.

Однако вскоре руководители региона лично убедились в невозможности выполнения государственного плана хлебосдачи. Катастрофический недород охватил не только Завьяловский, но и многие другие районы края. По данным массовых обмолотов, осенью 1935 г. в Западно-Сибирском крае в новых границах с 1 га собрали 5 ц пшеницы, 3,9 ц овса, 10,8 ц озимой ржи. По расчетам МГК, нормально-хозяйственная урожайность пшеницы составляла 5,91 ц/га, овса – 5,07 ц/га. В колхозах наиболее низкий сбор пшеницы был зафиксирован в Белоглазовском (2,5 ц/га), Ново-Киевском (2,7 ц/га), Парфеновском (2,9 ц/га), Ключевском (3 ц/га) и Мамонтовском (3 ц/га) районах⁹⁶.

В связи с этим было подготовлено ходатайство о снижении годового заготовительного задания по краю. Его необходимость объяснялась низким урожаем. *«Фактический урожай, по сравнению с видами на урожай... в целом ряде районов, особенно в южных и юго-западных районах, резко изменился в сторону снижения <...>. 30 % колхозов, по определению МГК, которая никак не склонна занижать урожай, отнесены к 1-й и 2-й категории по урожайности, т.е. в среднем с гектара имеют от 1 до 5 центнеров»*⁹⁷. Центр в значительной степени удовлетворил просьбу руководства края о снижении заготовительного задания⁹⁸.

Удовлетворяя ходатайство руководства Западно-Сибирского края, Центр учитывал его заслуги в предыдущей хлебозаготовительной кампании. Но основной причиной этого, по нашему мнению, являлся успешный ход централизованных заготовок в большинстве зернопроизводящих регионов страны. Урожай там был

⁹⁵ Там же. Л. 9.

⁹⁶ Там же. Д. 665. Л. 170, 174, 176, 176 об.

⁹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 6906. Л. 41, 47.

⁹⁸ *Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 337.*

выше, чем в предыдущем году, а условия уборки и обмолота лучше. Это позволило выполнить план централизованных хлебозаготовок в беспрецедентно короткие сроки⁹⁹.

В конце ноября 1935 г. ЦГК довела до руководителей государства и профильных ведомств результаты своих исчислений урожайности зерновых культур в истекающем году: 8,4 ц/га при общем сборе в 86,7 млн пуд. Это было меньше, чем в 1934 и 1933 гг. Подобные выкладки вызвали резкую критику со стороны заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлева, председателя Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР И.М. Клейнера и наркома земледелия СССР М.А. Чернова. При этом Яковлев обвинил руководство ЦГК в «грубом искажении фактов», «явном подлоге», «клевете на СССР» и подписании «контрреволюционных документов»¹⁰⁰.

М.А. Чернов в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 декабря 1935 г.¹⁰¹ утверждал, что *«установленная ЦГК динамика урожайности зерновых культур за последние три года является неверной и занижающей фактический сбор хлебов в 1935 году. Условия текущего года отличались лучшими метеорологическими данными по сравнению с прошлым годом, а агротехника производства поднялась на более высокую ступень. <...> По данным массовых обмолотов, урожайность всех зерновых по сравнению с прошлым годом повысилась на 5,9 %, а ЦГК определяет урожай зерновых ниже прошлого года на 1,2 %»*. По расчетам Наркомзема, урожайность зерновых культур в СССР в текущем году была «не ниже» 9 ц/га. По данным Комитета заготовок, урожайность составляла 8,6 ц/га.

Заместитель председателя ЦГК Н.П. Брюханов, отвечая на обвинение, указал, что комиссия определила условную нормально-хозяйственную урожайность. Ее размеры отличаются как от биологического урожая, так и от *«валового сбора хлебов, использованного в стране»*. В 1933 и 1934 гг. к расчетам нормально-хозяйственной урожайности ЦГК прибегала в связи с недостатком репрезентативных данных с мест. В 1935 г. ситуация изменилась. Комиссия располагает достаточными учетными материалами для того, чтобы перейти от определения спорной нормально-хозяйственной урожайности к исчислению реальных величин – урожая на корню и использованного валового сбора. По подсчетам Брюханова, урожай зерновых на корню в 1935 г. в СССР составил

⁹⁹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири ... С. 338–339.

¹⁰⁰ Трагедия советской деревни ... Т. 4. С. 638, 640, 642.

¹⁰¹ Там же. С. 638–639.

94 млн т (9,1 ц/га), фактический сбор – 80 млн т (7,7 ц/га). В 1934 г. фактический сбор равнялся 76,5 млн т (7,3 ц/га)¹⁰².

Н.П. Брюханов также ответил на упрек Я.А. Яковлева в том, что ЦГК не повысила, как это было принято ранее, а снизила размеры урожая, принятые земельными органами. *«Партия и правительство требуют от нас определения действительной урожайности, не завышенной и не заниженной. Обстановка нынешнего года сложилась так, что Центральной госкомиссии и ее уполномоченным на местах пришлось нередко выправлять показатели урожайности и в сторону понижения. Метеорологическая обстановка весны нынешнего года создавала уверенность в получении значительно большего урожая, “виды на урожай” были гораздо более блестящими, чем этот урожай в действительности получился. Так дело рисовалось не только работникам нашей системы, но и всем работникам на местах. Губительное влияние на урожай суховея на юге, засухи в Западной Сибири даже и к началу уборки было недоучтено <...>. Субъективные оценки урожайности колхозами и всеми местными инстанциями даже перед самой уборкой оказались в очень многих случаях завышенными. Районные комиссии по отнесению колхозов к разрядам урожайности для расчетов с МТС так же, как и наши межрайонные комиссии, утверждавшие эти разряды в начальный период уборки, в очень большом числе случаев, в отношении тысяч колхозов переоценили урожайность, и им пришлось позднее, учтя объективные показатели урожая (метровки, обмолоты), пересматривать свои решения и снижать разряды урожайности»*¹⁰³.

Обратим внимание на фразу из письма заместителя председателя ЦГК, в котором он упоминает метровки. Она подтверждает наш ранее сделанный вывод о том, что биологическая урожайность исчислялась на местах на основе экспертных (видовых) оценок. Метровки и обмолоты использовались для ее более поздней корректировки как вспомогательные инструменты.

Руководители советского государства объяснений и предложений Н.П. Брюханова не приняли. 16 декабря 1935 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе ЦГК по определению урожайности зерновых культур в 1935 г.»¹⁰⁴. В данном решении применяемый ЦГК нормально-хозяйственный метод определения урожайности квалифицировался как *«неправильный, ненаучный, произвольно занижающий как урожайность на гек-*

¹⁰² Там же. С. 640–642.

¹⁰³ Там же. С. 643.

¹⁰⁴ Там же. С. 643–644.

тар, так и цифру валового сбора». В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 апреля 1936 г. была существенно скорректирована в сторону повышения определенная ЦГК урожайность¹⁰⁵. Официально обнародованные результаты составили 8,7 ц/га при сборе зерна в 90,1 млн т. Для Западно-Сибирского края среднюю урожайность зерновых установили в размере 6,4 ц/га, пшеницы – 6,2, овса – 4,8 ц/га¹⁰⁶.

В вышеупомянутом постановлении Политбюро от 16 декабря 1935 г. предлагалось перейти к новому методу определения урожайности. «Отныне признаком определения урожайности» надлежало считать «фактический сбор урожая с гектара с учетом потерь в хозяйстве и расходов на поле»¹⁰⁷.

В соответствии с новым методом основой определения урожайности являлись результаты «массовых намолотов», скорректированные поправкой на недоучет намолоченного зерна. К объемам намолота следовало прибавить потери, «используемые в хозяйстве» (зерно, специально использованное на корм скоту, но не оприходованное; скошенное зерно, оставленное в колосе на стерне под выпас скота; зерно, оставленное в соломе, мякине и озадках на корм скоту и птице; похищенное зерно; зерно, сверх установленных норм израсходованное на натуральное авансирование колхозников или общественное питание). В то же время при определении урожайности не учитывались потери, «не используемые в хозяйстве» (самоосыпание зерна на корню вследствие перестоя хлебов; потери при перевозке снопов на тока, при копнении и скирдовании; зерно, оставленное в стерне, соломе, мякине или озадках, но не использованное на корм скоту).

Определенная таким образом урожайность была выше нормально-хозяйственной. Данные массовых обмолов надлежало подвергать «тщательному контролю через участковых и районных инспекторов». Объем потерь устанавливался по результатам специальных обследований¹⁰⁸. Урожай, установленный данным методом, определялся как «фактический с учетом потерь». Наложение метровок при его определении приобрело еще более вспомогательный характер, чем в предыдущие годы.

¹⁰⁵ Трагедия советской деревни ... Т. 4. С. 769.

¹⁰⁶ Социалистическое строительство СССР. 1936: стат. ежегодник. М., 1936. С. 336–338, 343.

¹⁰⁷ Трагедия советской деревни ... Т. 4. С. 644.

¹⁰⁸ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму ... С. 474; Башкин А.В. Урожай тридцатых или украденные достижения [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/21358> (дата обращения: 24.01.2022).

СЕКТОРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОЖАЙНОСТИ УПРАВЛЕНИЙ НАРХОЗУЧЕТА. ПЕРЕХОД К БИОЛОГИЧЕСКОМУ МЕТОДУ

Логическим завершением реформирования системы определения урожайности стало утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) 23 марта 1937 г. постановление СНК СССР о ликвидации ЦГК и МГК. В нем указывалось, что *«Государственная Комиссия по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур при СНК СССР уже выполнила свое назначение в период слабости органов Наркомзема и ЦУНХУ и дальнейшее существование ЦГК не оправдывается интересами дела»*¹⁰⁹.

Отнесением колхозов к разрядам урожайности для определения ставок натуроплаты МТС с этого времени полностью возлагалось на районные комиссии в составе председателя райисполкома, районного уполномоченного комитета по заготовкам, заведующего районным земельным отделом и директора МТС с привлечением председателя соответствующего колхоза.

В соответствии с Инструкцией, утвержденной СНК СССР 4 июля 1937 г., районные комиссии принимали решение об отнесении колхоза к соответствующему разряду урожайности на основе: а) данных об оценке видов на урожай, предоставленных районными инспекторами УНХУ; б) сведений, поступивших от райземотделов и МТС; в) данных о результатах уборки зерновых комбайнами и обмолота молотилками; г) личных наблюдений членов комиссии. В случае необходимости комиссия должна была выехать в хозяйство *«для осмотра урожая на месте»*. Районная комиссия обязывалась приступить к работе после начала уборки и завершить ее не позднее установленного для региона срока: для Западной Сибири – 20 августа, для Восточной Сибири – 1 сентября¹¹⁰.

Функции ЦГК по исчислению средней урожайности и валовых сборов возлагались на ЦУНХУ. Непосредственную работу в данной сфере вели созданные в 1937 г. секторы определения урожайности Центрального и региональных управлений народно-хозяйственного учета, большую часть которых возглавили бывшие председатели МГК. Секторы обязывались *«вести борьбу против искажения учетных данных и предотвращать обман государства»*

¹⁰⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. С. 186–187.

¹¹⁰ URL: https://istmat.info/files/uploads/42215/rgae_4372.35.12_1.36-43.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

в определении точных размеров посевных площадей, урожайности и валовых сборов и оперативной отчетности по сельскохозяйственным работам, связанным с растениеводством». Штат секторов определения урожая состоял из агрономов-консультантов, разъездных инспекторов-агрономов, экономистов и статистиков. Инспектура проводила свою работу в опорной сети колхозов (около 200 на край/область). Это должно было обеспечить возможность исчисления поправок к отчетным данным об обмолотах при установлении окончательной урожайности¹¹¹.

В 1937 г. была проведена кампания по исчислению «фактической» урожайности зерновых культур «с учетом потерь» (см. выше). Большое внимание по-прежнему уделялось определению видовой и биологической урожайности. Органами народно-хозяйственного учета осуществлялась выборочная проверка колхозов (несколько хозяйств на район). В состав проверяющих входили участковые инспекторы ЦУНХУ, агрономы секторов определения урожайности, районные инспекторы УНХУ. Начальник ЦУНХУ И.Д. Верменичев информировал И.В. Сталина, что в результате проведенной в период 15–20 июля проверки колхозов органами народно-хозяйственного учета будущий урожай в СССР оценивается в 11,7 ц/га. Это выше цифры, установленной земельными органами, – в 10,8 ц/га. *«Более низкая оценка видов на урожай со стороны райзо объясняется тем, что последние во многих случаях страхуют себя на случай потерь»*¹¹².

Контрольные мероприятия органами народно-хозяйственного учета проводились и во время массовых обмолотов, в рамках которых велась работа по выявлению объемов потерь зерна. В 1937 г. в колхозах Новосибирской области в ходе массовых намолотов была установлена урожайность озимой ржи, яровой пшеницы и овса в 11,1, 10,1 и 12,7 ц/га соответственно. Районные инспекторы народно-хозяйственного учета в рамках выборочной проверки хозяйств выявили «используемые» в них потери зерна по данным культурам в размере 1,6, 1,4 и 3,4 ц/га. ЦУНХУ приняло поправочные коэффициенты к массовым намолотам, которые по озимой ржи и овсу были ниже, чем объем выявленных райинспектурой потерь (1,4 и 2,2 ц/га), а по пшенице выше (1,6 ц/га), и утвердило следующую урожайность: озимой ржи – 12,5 ц/га, пшеницы – 11,7, овса – 14,9 ц/га¹¹³.

¹¹¹ Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 478.

¹¹² Там же. С. 287–288.

¹¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 89. Л. 7.

Более детальную картину определения урожайности зерновых культур на основе массовых намолотов с учетом используемых в хозяйстве потерь можно воссоздать по составленной областным УНХУ «Объяснительной записке к урожайности 1938 года по Новосибирской области»¹¹⁴. К концу августа в области после наложения метровок было завершено определение урожайности зерновых культур на корню. Однако неблагоприятные погодные условия, затягивание уборки и обмолота хлебов привели к *«большим потерям зерна, в массе своей невозвратимым и неиспользуемым»*. Разрыв между биологическим урожаем и намолотами в «метруемых» колхозах составил по пшенице +34 %, по овсу – +42 %. По мнению экспертов, столь существенная разница возникла в том числе за счет недоучета зерна при обмолоте и потерь, используемых в хозяйствах.

Для того чтобы определить их размеры, в часть колхозов и совхозов были направлены работники органов народно-хозяйственного учета. Полученные материалы подверглись обработке в секторе определения урожайности. Были получены следующие результаты по колхозам области:

1. По озимой ржи. Сбор по результатам массовых намолотов составил 10,5 ц/га, выявленный недоучет – 1,1 ц, используемые в хозяйстве потери, которые выявили на стерне, в соломе и мякине – 0,6 ц, безучетный расход в поле на кормление скота во время уборки – 0,1 ц., общий объем недоучета и потерь – 1,8 ц/га, что равнялось 18 % намолота. В итоге урожайность данной культуры была установлена в 12,3 ц/га (10,5 + 1,8 ц).

2. По яровой пшенице. Сбор по результатам массовых намолотов – 9,6 ц/га, выявленный недоучет – 1,1 ц, используемые потери на стерне, в соломе и мякине – 0,7 ц, безучетный расход в поле – 0,2 ц, общий объем недоучета и потерь – 2,0 ц (20,8 % намолота), итоговая урожайность – 11,6 ц/га.

3. По овсу. Сбор по результатам массовых намолотов – 11,6 ц/га, выявленный недоучет – 1,4 ц, используемые потери на стерне, в соломе и мякине – 0,8 ц, безучетный расход в поле – 0,7 ц¹¹⁵, общий объем недоучета и потерь – 2,9 ц (25 % намолота), итоговая урожайность – 14,5 ц/га.

В проверенных совхозах недоучет зерна по результатам массовых намолотов был меньше, чем в колхозах (по перечисленным культурам – 0,3, 0,4 и 0,3 ц/га соответственно), а потери – больше

¹¹⁴ Там же. Д. 90. Л. 1–39.

¹¹⁵ Использование овса как основной фуражной культуры на безучетный корм скота в поле имело большие масштабы по сравнению с другими культурами.

(1,2, 1,0 и 2,0 ц/га). Итоговую урожайность в совхозах установили в 13,1, 9,1 и 14,8 ц/га. По всем секторам аграрной экономики сбор с одного гектара по зерновым культурам в целом составил 12,3 ц, озимой ржи – 12,3, пшенице – 11,4, овсу – 14,6 ц.

В конце 1930-х гг. в условиях подготовки к тотальной войне советское руководство приняло решение увеличить тяжесть налогово-податного обложения колхозов. В рамках этой установки в 1939 г. правительство в очередной раз пересмотрело порядок расчета урожайности колхозной нивы. В конце 1938 г. И.В. Сталин поручил председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому проверить материалы по определению урожайности и валовых сборов зерновых культур. В подготовленной в начале 1939 г. докладной записке Вознесенский крайне негативно оценил урожайную статистику 1936–1938 гг. *«Такой метод определения урожайности был отвергнут ЦК ВКП(б) в декабре 1935 г. как неправильный, ненаучный, произвольно занижающий урожайность на га и валовые сборы зерновых в стране»*. Вину за неисполнения требований постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 декабря 1935 г. «О недостатках в работе ЦГК по определению урожайности зерновых культур в 1935 г.» (см. выше) Вознесенский возложил лично на В.В. Осинского¹¹⁶, обозначив его деятельность как вредительскую. *«Метод определения урожайности, введенный Осинским и применявшийся до сих пор, фактически поощряет и легализует потери зерна, которые пока еще допускаются при уборке урожая. Вместо мобилизации колхозников, рабочих совхозов на борьбу с потерями Осинским введены так называемые “технически неизбежные потери”, или впоследствии “неиспользуемые потери”, что на практике приводило к систематическому уменьшению урожайности на сумму этих потерь»*¹¹⁷.

По мнению Н.А. Вознесенского, *«применение вредительской инструкции Осинского при определении урожайности на га привело к занижению фактического урожая в стране»*¹¹⁸. Ошибку исправили. По ранее утвержденным данным ЦГК и ЦУНХУ урожайность зерновых культур в СССР в 1936, 1937 и 1938 гг. составляла 7,6, 10,9 и 8,7 ц/га соответственно, а валовой сбор – 77,6, 114,0 и 88,8 млн т¹¹⁹. После ретроспективного пересчета показатели урожайности в указанные годы выросли до 8,1, 11,5 и 9,3 ц/га, а сбор –

¹¹⁶ В.В. Осинский 14 октября 1937 г. был арестован, 1 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

¹¹⁷ *Вылцан М.А.* Методы исчисления производства зерна ... С. 477, 480.

¹¹⁸ Там же. С. 479.

¹¹⁹ Там же. С. 480.

до 82,7, 120,3 и 95 млн т. Увеличенные цифры урожайности были опубликованы в официальных статистических изданиях¹²⁰.

В вышеупомянутой докладной записке Н.А. Вознесенский предлагал *«в дальнейшем фактической урожайностью на га считать не только то зерно, которое используется хозяйством, но и все потери, допускаемые в хозяйстве, т.е. урожай, фактически полученный на корню к моменту спелости и своевременной уборки»*¹²¹. Предложения Вознесенского были поддержаны руководством страны. 9 июня 1939 г. Экономсовет при СНК СССР своим постановлением¹²² отменил инструкцию ЦУНХУ 1936 г. об определении урожайности зерновых культур *«как неправильную, нарушающую элементарные положения статистики по определению урожайности и ведущую к искусственному занижению фактического уровня урожайности»*.

В соответствии с утвержденной 9 июня 1939 г. Экономсоветом новой инструкцией¹²³ «не используемые» потери не исключались из определенного валового сбора, а, напротив, в него включались. *«Фактический сбор урожая с гектара с учетом потерь в хозяйстве и расходов на поле»* впредь должен был содержать: *«а) количество зерна, показанное в отчетах о ходе уборки комбайнами и обмолота; б) количество зерна, недоучтенного в отчетах, устанавливаемое на основе выборочной проверки, проводимой органами нархозучета; в) безучетно использованное зерно в обмолоченном и необмолоченном виде на корм рабочему, продуктивному скоту и птице, на общественное питание, хищение зерна и т.д.; г) все потери зерна с момента созревания хлебов до окончания уборки и обмолота, как то: осыпавшееся зерно, зерно в колосе, оставленном при уборке на стерне, зерно, оставшееся в соломе и мякине при обмолоте и провеивании, потери зерна при вязке, копнении, скирдовании и перевозке хлеба с поля на ток до взвешивания»*.

Установление размеров урожая следовало проводить на основе следующих материалов: а) оценок видов на урожай, даваемых органами нархозучета; б) *«результатов выборочного наложения метровок на посевы перед уборкой»*; в) данных о разрядах урожайности

¹²⁰ См.: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 97–98; Сельское хозяйство Союза ССР: стат. справочник. 1939. М., 1939. С. 172, 246; Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 83.

¹²¹ *Вьлицан М.А.* Методы исчисления производства зерна ... С. 480.

¹²² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: в 5 т. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. С. 430.

¹²³ Инструкция ЦУНХУ СССР по определению урожая зерновых культур (Там же. С. 431–434).

сти для начисления натуроплаты МТС; г) отчетов МТС и совхозов о ходе уборки зерновых культур комбайнами; д) отчетов колхозов и совхозов о ходе обмолота зерновых культур; е) *«итогов выборочных обследований, проводимых органами нархозучета в колхозах и совхозах, по проверке отчетов о ходе уборки комбайнами и обмолота, выявлению расходов на поле и всех потерь с момента созревания хлебов до окончания уборки и обмолота».*

Оценки видов на урожай давались органами нархозучета на основе документов, поступающих из колхозов и совхозов (заполненных бланков). Выборочное наложение метровок на посевы перед уборкой надлежало производить в одном-двух колхозах зернопроизводящих районов по двум-трем основным зерновым культурам. В колхозном секторе выборочная проверка достоверности отчетов о ходе уборки и обмолота, выявление расходов и потерь осуществлялась во всех сельских районах по шести основным зерновым культурам. В выборку в зерновых регионах попадало 5–6 колхозов в каждом районе, в остальных районах – 2–3 хозяйства. В государственном секторе проверкой следовало охватить не менее 20 % хозяйств Наркомсовхозов, Наркомзема, Наркомпищепрома и Наркоммясомолпрома.

Урожай, исчисленный новым методом, назывался «действительным фактическим». Однако его также можно определять общепринятым в отечественной историографии термином – биологическим. Отметим, что определение величины урожая на корню с помощью наложения метровок по-прежнему имело вспомогательный характер. Базовые статистические материалы для измерения урожая давали результаты обмолота.

Незадолго до принятия новой Инструкции по определению урожая (см. выше) СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением изменили порядок отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты МТС¹²⁴. В соответствии с ним районные комиссии по отнесению колхозов к разрядам урожайности ликвидировались. Данная задача возлагалась впредь на уполномоченных Наркомата заготовок СССР по областям, краям и республикам. Решение об отнесении колхозов к разрядам урожайности им надлежало принимать при обязательном участии в качестве экспертов начальников областных/краевых земельных отделов, начальников областных/краевых управлений нархозучета, районных

¹²⁴ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 мая 1939 г. «О порядке отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС» (Трагедия советской деревни ... Т. 5, кн. 2. С. 424–426).

уполномоченных Наркомзага и директоров МТС. Работу следовало завершить не позднее 15 дней с начала уборки.

Уполномоченный Наркомата заготовок обязывался относить колхозы того или иного района к разряду урожайности *«по состоянию урожая на корню»*, исходя из данных: а) органов нархозучета об оценке видов на урожай; б) райисполкома, МТС об оценке видов на урожай по колхозам их района. Таким образом, решение об отнесении колхоза к разряду урожайности принималось на основе видовой урожайности без учета результатов намолотов. Подобный подход позволял повысить величину натуроплаты, не изменяя ее расценок.

В конце мая 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление *«О подготовке к уборке урожая и заготовкам сельскохозяйственных продуктов в 1939 году»*¹²⁵, в котором партийные, советские, земельные и заготовительные органы предупреждались о недопустимости повторения ошибок прошедшего заготовительного года. К таковым, в частности, была отнесена *«неправильная организация дела отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты, что привело к многочисленным фактам занижения урожайности в колхозах и искусственному снижению натуроплаты. Такое положение, создавшееся при попустительстве местных партийных, комсомольских и советских органов и оппортунистическом отношении их руководителей к антигосударственной практике районных комиссий по отнесению колхозов к разрядам урожайности, было исправлено только в результате вмешательства ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР»*¹²⁶.

Местные партийные и советские органы в связи с переходом на новый порядок определения урожайности обязывались оказать помощь уполномоченным Наркомзага СССР *«в их работе по отнесению колхозов к разрядам урожайности, предоставлением в их распоряжение проверенных работников для проведения контрольных мероприятий и по пресечению всяких антигосударственных попыток, направленных к занижению урожайности колхозов и тем самым к искусственному снижению размеров натуроплаты»*.

В Новосибирской области в соответствии с требованиями постановления обкома ВКП(б) и президиума облисполкома от 9 июля 1939 г. *«Об оценке видов на урожай и отнесении колхозов к*

¹²⁵ Советская Сибирь. 1939. 30 мая.

¹²⁶ Речь идет о постановлениях и инструкциях, устанавливавших новый порядок определения урожайности и отнесения колхозов к разрядам урожайности (см. выше).

разрядам урожайности»¹²⁷ председатели колхозов обязывались произвести оценку видов на урожай по состоянию на 1 августа. Оценка должна была производиться «на основе осмотра в натуре». Заведующим райземотделов и директорам МТС предписывалось «проверить правильность оценки видов на урожай по каждому колхозу и в случае установления фактов занижения урожайности внести свои поправки» и после этого не позднее 5 августа предоставить райуполнаркомзагам, районным инспекторам нархозучета и облземотделу материалы об оценке видов на урожай. Облземотдел не позднее 10 августа должен был направить материалы облуполнаркомзагу. К этой же дате областное УНХУ обязывалось «на основании проверки материалов в колхозах, райзо и МТС, а также специальных контрольных обследований предоставить облуполнаркомзагу заключение об оценке видов на урожай по каждому району». Райкомам ВКП(б), райисполкомам и уполномоченным Наркомзага предлагалось «повести решительную борьбу с возможными антигосударственными проявлениями, привлекая виновных в занижении урожайности к строжайшей ответственности».

1 сентября 1939 г. уполномоченный Наркомата заготовок СССР по Новосибирской области Гридасов направил в Наркомзаг, Новосибирский обком ВКП(б) и облисполком докладную записку с информацией о проделанной работе по отнесению колхозов к разрядам урожайности¹²⁸. В ней он сообщал, что «уже в процессе подготовки к оценкам видов на урожай в отдельных районах были выявлены неправильная ориентация и тенденция к занижению урожайности». В качестве негативного примера работы на местах приводилась деятельность райуполнаркомзага по Барабинскому району Латаевой, у которой «была склонность к равнению на амбарный урожай... Необходимые указания о недопустимости равнения на амбарный урожай были даны».

По результатам определения видовой урожайности на 1 августа «во многих районах области имелось такое положение, что оценки колхозов были значительно ниже оценок МТС». По отдельным колхозам разница доходила до 5–6 ц. «Однако в ряде случаев оценки МТС были явно занижены». В этом случае на места направлялись «бригады уполнаркомзага для проверки на месте данных директоров МТС». Так, проверка 9 колхозов Сурковской МТС Тогучинского района «показала, что колхозы занижают от 2 до 3 цент[неров] на га, а МТС – на 1,7 ц. Таким образом, урожайность следует считать 13,6 ц с га». Председатель колхоза «Полит-

¹²⁷ Советская Сибирь. 1939. 10 июля.

¹²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 71. Л. 24–34.

отделец» Коченевского района оценил урожайность зерновых на своих полях в 12,4 ц/га, директор МТС поднял оценку до 14,4 ц, райуполнаркомзаг – до 15,2 ц, а бригада облуполнаркомзага, прибывшая в район для проверки результатов работы, – до 17,2 ц/га.

В докладной записке была приведена таблица с результатами определения урожая в 11 районах на каждой из последующих стадий властной вертикали, начиная с МТС. Райземотделы семи районов показатели МТС повысили, трех районов – снизили, одного – оставили без изменений. Райуполнаркомзаги всех 11 районов оценки райземотделов увеличили. Специалисты областного УНХУ, рассмотрев полученные материалы, показатели райуполнаркомзагов по пяти районам уменьшили, по одному оставили неизменными и по пяти увеличили. При этом оценки УНХУ были выше, чем те, которые установили райземотделы.

Метод исчисления урожая, принятый в 1939 г., был изменен во время Великой Отечественной войны. 6 декабря 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР своим постановлением запретили ЦСУ и Наркомзему *«сбирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, как искажающие действительное положение дел с урожайностью»*. Указанным ведомствам впредь надлежало *«пользоваться в оценке урожая только данными видовой оценки, производимой органами ЦСУ до начала уборки»*. Аналогичное указание получили обкомы, крайкомы, райкомы ВКП(б) и райисполкомы. Им воспрещалось пользоваться собранными в колхозах данными *«о фактическом намолоте для оценки урожая в колхозах, как неправильными, занижающими фактически полученный урожай и ведущими к укрытию хлеба от поставки государству, расхищению и разбазариванию его в колхозах»*¹²⁹. Содержание данного постановления, на наш взгляд, было, с одной стороны, вызвано чрезвычайными условиями, с другой стороны, являлось вполне логичным продолжением решений верховной власти о методах определения урожая зерновых культур, принятых в 1939 г.

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1930–1940 гг.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что формирование непрерывного и однородного ряда динамики урожайности и валового сбора зерновых культур применительно ко всему периоду 1930-х гг. невозможно. Методика определения величины урожая в течение десятилетия периодически изменялась. Выявленные нами источники позволяют составить несколько сопоста-

¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

вимых по методике исчисления частично прерывистых и относительно коротких динамических рядов. В силу дискуссионности проблемы достоверности урожайной статистики 1930-х гг. (см. введение) особый историографический интерес представляет построение общесоюзных рядов динамики.

Показатели урожайности и валовых сборов зерновых культур в 1930-е гг. в СССР в целом последовательно публиковались в официальных статистических изданиях того времени. Информацию о валовом производстве и урожайности зерновых культур за 1930 г. поместили в вышедшем в 1932 г. статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР»¹³⁰. В изданном в 1934 г. статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство СССР» представлены годовые сведения о валовой продукции и урожайности зерновых за 1930–1933 гг.¹³¹ В одноименном ежегоднике следующего года к ним добавили данные за 1934 г.¹³² В 1936 г. вышел в свет фундаментальный ежегодник «Сельское хозяйство СССР». На его страницах опубликовали годовые данные о валовом сборе и урожайности хлебов за 1930–1934 гг.¹³³ В очередном статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство СССР», изданном в 1936 г., обнародовали годовые сведения об урожайности и валовой продукции зерновых культур за 1930–1935 гг.¹³⁴ В связи с тем, что во всех перечисленных изданиях по повторяющимся годам приводились одинаковые сведения, мы используем их для построения основной части ряда динамики Б4-1 (урожайность и валовые сборы зерновых культур в СССР в 1930–1938 гг.) (табл. 4.1).

В 1937 и 1938 гг. общесоюзные издания с урожайной статистикой не публиковались. В 1939 г. была опубликована серия статистических сборников, которые в значительной степени имели пропагандистский характер. В статсборнике «Социалистическое строительство Союза СССР» были опубликованы данные об урожайности и валовой продукции зерновых за 1933 и 1937 гг., среднегодовой урожайности зерновых за 1928–1932 и 1933–1937 гг.¹³⁵; в статсборнике «Сельское хозяйство Союза ССР» – об урожайности и валовой продукции за 1933, 1936, 1937, 1938 гг.¹³⁶; в справочном издании «Победы социалистического сельского хозяйства» –

¹³⁰ Народное хозяйство СССР: стат. справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 162–163.

¹³¹ Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 203.

¹³² Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1935. М., 1935. С. 361.

¹³³ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 266.

¹³⁴ Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 336, 342–343.

¹³⁵ Социалистическое строительство Союза ССР. С. 97–98.

¹³⁶ Сельское хозяйство Союза ССР. С. 172, 246.

**Валовые сборы и урожайность зерновых культур в СССР
в 1930–1940 гг. во всех категориях хозяйств**

Год сбора урожая	Ряд динамики Б4-1		Ряд динамики Б4-2		Ряд динамики Б4-3	
	Валовый сбор, млн т	Урожайность, ц/га	Валовый сбор, млн т	Урожайность, ц/га	Валовый сбор, млн т	Урожайность, ц/га
1930	83,5	8,5			83,5	8,5
1931	69,5	6,7			69,5	6,7
1932	69,9	7,0	69,9	7,0	69,9	7,0
1928–1932	73,6	7,5			73,6	7,5
1933	89,8	8,8	89,8	8,8	68,4	6,7
1934	89,4	8,5	89,4	8,5	67,6	6,5
1935	90,1	8,7	90,1	8,7	75,0	7,3
1936	77,6	7,6	82,7	8,1	55,8	5,4
1937	114,0	10,9	120,3	11,5	97,4	9,3
1933–1937	92,2		94,5	9,1	72,9	7,1
1938	88,8	8,7	95,0	9,3	73,6	7,2
1939			100,9	10,1	73,2	7,3
1940					86,9	
1938–1940					77,9	7,7

Источники: ряд динамики Б4-1: Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 336, 342–343; *Вылцан М.А.* Методы исчисления производства зерна ... С. 480; ряд динамики Б4-2: Сельское хозяйство Союза ССР. С. 172, 246; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 1; ряд динамики Б4-3: Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 352; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 208, 210.

Примечания: 1. За пятилетия 1928–1932 гг., 1933–1937 гг. и трехлетие 1938–1940 гг. приведены среднегодовые показатели. 2. Данные за 1940 г. и за трехлетие 1938–1940 гг. рассчитаны в границах начала 1939 г.

о валовом сборе и урожайности хлебов за 1930, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1937 и 1938 гг.¹³⁷

В изданиях 1939 г. за 1930–1935 гг. повторялись те же цифры урожайности и сборов, что и в предшествующих. Новыми были сведения за 1936–1938 гг. Однако использовать их для продолжения построения ряда динамики Б4-1 не представляется возможным в силу несопоставимости данных. В начале 1939 г. показатели

¹³⁷ Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 83. Отсутствие в издании данных за 1936 г., вероятно, связано с тем, что низкий урожай этого года не соответствовал пропагандистским клише о постоянном наращивании производительных сил социалистического сельского хозяйства в СССР.

за 1936–1938 гг. были пересчитаны в соответствии с новой методикой исчисления урожая (см. выше). Данный динамический ряд мы можем дополнить рассчитанными по прежней методике сведениями за 1936, 1937 и 1938 гг. Они не были опубликованы в открытой печати, но в постсталинский период выявлены и введены в научный оборот М.А. Вылцаном¹³⁸.

Показатели за 1936–1938 гг., извлеченные из справочных изданий 1939 г., мы используем для построения ряда динамики Б4-2 (урожайность и валовые сборы зерновых культур в СССР в 1932–1939 гг.) (табл. 4.1). Продолжающие этот ряд динамики данные за 1939 г. мы извлекли из выявленной в фондах РГАЭ таблицы «Посевные площади, урожайность и общие размеры урожая всех зерновых культур по всем категориям хозяйств [в 1913, 1928, 1932–1944 гг.]». Там же взяты сведения за 1932–1935 гг., которые повторяют данные предыдущего динамического ряда¹³⁹. В таблице из РГАЭ также есть сведения за 1940 г. Однако они рассчитаны с учетом присоединенных к СССР в 1939 и 1940 гг. территорий. Следует указать, что в данной таблице приводятся те же показатели урожайности за 1936–1938 гг., что и в справочных изданиях 1939 г.

После смерти И.В. Сталина произошел отказ от так называемого биологического метода исчисления урожая зерновых культур. Их урожайность и валовые сборы стали рассчитываться в амбарном весе. В связи с этим специалистами ЦСУ был осуществлен пересчет показателей урожайности за 1933–1940 гг. по новой методике.

В статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1958 году» были приведены отличные от обнародованных в 1930-е гг. данные о среднегодовых валовых сборах зерна и среднегодовой урожайности в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). Применительно ко второй пятилетке показатели остались неизменными. В заголовке таблицы, в которой презентовались эти данные, указывалось, что речь идет об амбарном урожае¹⁴⁰. Причиной того, что не были пересчитаны статданные за 1930–1932 гг., вероятно, являлось то, что, по мнению специалистов-статистиков, за эти го-

¹³⁸ Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна ... С. 480.

¹³⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 1.

¹⁴⁰ Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 352. В издании также приводились сведения о валовом сборе (амбарном) и урожайности зерновых в 1937 и 1940 гг. и о среднегодовых показателях за 1938–1940 гг. (Там же. С. 352, 418–419). При этом отдельные данные за 1940 г. приводились в изменившихся границах СССР, а среднегодовые данные за 1938–1940 гг. территориальные изменения не учитывали.

ды в изданиях 1930-х гг. приводились данные об амбарном урожае. И.Е. Зеленин также полагал, что валовые сборы в годы первой пятилетки исчислялись на основе амбарной урожайности¹⁴¹.

В ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1963 году» в примечании к таблице, в которой приводились данные о среднегодовом валовом сборе и среднегодовой урожайности зерновых культур в 1928–1932, 1933–1937 и 1938–1940 гг., указывалось, что эти показатели «установлены в первоначально оприходованном весе»¹⁴². Однако в этой таблице приводились те же цифры, что и в ежегоднике 1958 года.

В изданном в 1971 г. статистическом сборнике «Сельское хозяйство СССР» содержалось пояснение, что валовой сбор и урожайность зерновых культур «показаны в весе, первоначально оприходованном колхозами, совхозами и другими государственными хозяйствами после уборки (обмолота комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами)». Также там указывалось, что валовой сбор сельскохозяйственных культур в колхозах и совхозах установлен по данным годовых отчетов «путем прямого подсчета собранной в этих хозяйствах продукции»¹⁴³. Поскольку разницы между показателями амбарного и первоначально оприходованного веса не было, можно предположить, что изменилась не методика подсчета урожайности, а был сделан выбор в пользу более корректного термина. Погодовые данные о валовом сборе и урожайности зерновых культур за 1930–1939 гг. были опубликованы лишь в 1987 г. в юбилейном статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР за 70 лет»¹⁴⁴.

В вышеперечисленных изданиях никаких комментариев и пояснений о методике пересчета данных, опубликованных в 1930-е гг., не приводилось. По мнению М.А. Вылцана, новая урожайная статистика рассчитывалась на основе сводных годовых отчетов колхозов¹⁴⁵.

Показатели, извлеченные из юбилейного и предыдущих статистических ежегодников постсталинского периода, мы используем для построения ряда динамики Б4-3 (урожайность и валовые сборы зерновых культур в СССР в 1930–1940 гг.) (табл. 4.1).

¹⁴¹ Зеленин И.Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 464.

¹⁴² Народное хозяйство СССР в 1963 году: стат. ежегодник. М., 1965. С. 273.

¹⁴³ Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1971. С. 683–684.

¹⁴⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет ... С. 208, 210.

¹⁴⁵ Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна ... С. 481.

В основу годовых сведений об урожайности и производстве зерновых в динамических рядах Б4-1 и Б4-2, безусловно, положены объективные данные. Однако окончательные размеры урожая определялись верховной властью исходя из изменяющейся политической конъюнктуры. Поэтому все составляющие эти ряды показатели являются условными. Но у нас нет уверенности и в достоверности данных, включенных в ряд динамики Б4-3. Указание о их исчислении также имело политическую составляющую.

Политически субъективный характер показателей всех сформированных динамических рядов, тем не менее, позволяет нам сделать ряд объективных выводов. Урожайность зерновых культур в 1930-е гг. в СССР являлась относительно низкой, но в целом имела тенденцию к небольшому увеличению. Среднегодовая урожайность в конце 1930-х гг. была выше, чем в начале и середине десятилетия. Урожайные годы перемежались с недородными. Наиболее урожайными годами были 1935, 1937, 1939 и 1940 гг., недородными – 1931 и 1936 гг. Факторами увеличения урожайности в конце 1930-х гг. являлось организационно-хозяйственное укрепление колхозов, относительное улучшение агротехники выращивания зерновых культур, а также череда лет с более благоприятными природно-климатическими условиями.

В сибирских региональных статистических изданиях опубликованы лишь отрывочные данные по искомым параметрам развития зернового хозяйства. В «Экономико-статистическом справочнике по Восточно-Сибирскому краю» представлены сведения об урожайности и валовом сборе хлебов за 1930 и 1931 г. по районам и краю в целом¹⁴⁶. В примечаниях к соответствующей таблице указано, что за 1930 г. она составлена по данным РЭЖ, за 1931 г. – районных комиссий по оценке урожая. *«Валовые сборы даются лишь в целом по районам, т.к. материалы о размерах урожая в секторальном разрезе недостаточно доброкачественны и использовать их было бы рискованно»*¹⁴⁷. Отметим, что в краевом справочнике приведены более низкие показатели урожайной статистики (сбор с га и общий сбор в 1930 г. 10,4 ц и 16,6 млн ц; в 1931 г. – 9,4 ц и 16,1 млн ц соответственно), чем в общесоюзных изданиях (10,8 ц и 17,1 млн ц; 9,3 ц и 17,2 млн ц)¹⁴⁸.

В изданном в 1939 г. новосибирском областном справочном издании показаны сведения об урожайности основных зерновых

¹⁴⁶ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 186–193.

¹⁴⁷ Там же. С. 278.

¹⁴⁸ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 269, 270.

культур в колхозах за 1935, 1936 и 1937 гг., общем сборе зерновых за эти годы в колхозах, погодные данные об урожайности хлебов в целом за 1933–1937 гг. в совхозах¹⁴⁹.

В выявленных в региональных архивах документах сведения еще более отрывочны и, как правило, имеют оперативный характер. Так, например, в составленной в конце октября докладной записке Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) о хлебозаготовках¹⁵⁰ содержится информация об урожайности зерновых культур в совхозах, колхозах и единоличных хозяйствах за 1931 г. и средней урожайности за 1930 и 1931 гг. При этом приведенные данные за 1931 г. (4,97 ц/га) больше, чем в общесоюзных изданиях (4,5 ц/га), а за 1930 г. (8,9 ц/га) – меньше (9,4 ц/га)¹⁵¹.

Построение рядов динамики урожайности и сборов зерновых культур в Сибири осложняется постоянным изменением административно-территориального деления региона (см. введение). Источником для составления ряда динамики Б4-4 (урожайность и валовые сборы зерновых культур в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях в 1930–1934 гг.) является ежегодник «Сельское хозяйство СССР. 1935», ряда динамики Б4-5 (урожайность и валовые сборы зерновых культур в Западной и Восточной Сибири в 1932–1940 гг.) – вышеупомянутая таблица из РГАЭ «Посевные площади, урожайность и общие размеры урожая всех зерновых культур по всем категориям хозяйств [в 1913, 1928, 1932–1944 гг.]» (табл. 4.2). В пересчете на амбарный вес применительно к Сибири нами выявлены лишь показатели валового сбора в 1940 г. В Западной Сибири (с учетом Курганской области) в этом году было собрано (первично оприходовано) 63 100 тыс. ц зерна, в Восточной Сибири (с учетом Якутской АССР) – 28 402 тыс. ц¹⁵².

Источник составления ряда динамики Б4-4 также позволяет построить отдельные ряды динамики по основным зерновым культурам, культивируемым в Сибири (озимой ржи, яровой пшенице, яровому ячменю, овсу, гречихе, просу), за те же годы по тем же регионам¹⁵³.

¹⁴⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 57, 58, 73.

¹⁵⁰ Опул.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 68–76.

¹⁵¹ Там же. С. 69; Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 269.

¹⁵² Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: стат. ежегодник. М., 1960. С. 252.

¹⁵³ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 282–283, 288–289, 297–298, 303–304, 308–309, 312–313.

Таблица 4.2

**Валовые сборы и урожайность зерновых культур в Сибири
в 1930–1940 гг. во всех категориях хозяйств**

Год сбора урожая	Валовой сбор, млн ц	Урожайность, ц/га	Валовой сбор, млн ц	Урожайность, ц/га
<i>Ряд динамики Б4-4</i>				
	<i>Западно-Сибирский край</i>		<i>Восточно-Сибирский край</i>	
1930	54,2	9,4	17,1	10,8
1931	31,0	4,5	17,2	9,3
1932	41,8	7,0	16,3	8,6
1933	66,6	9,4	16,9	9,3
1934	86,1	10,6	22,6	11,2
<i>Ряд динамики Б4-5</i>				
	<i>Западная Сибирь</i>		<i>Восточная Сибирь</i>	
1932	52,1	6,4	21,1	8,3
1933	76,7	8,6	24,6	9,5
1934	95,2	9,8	33,6	11,5
1935	70,0	7,4	22,1	7,5
1936	83,9	8,6	35,8	12,0
1937	126,9	12,4	33,2	10,5
1938	146,8	13,9	39,0	11,7
1939	117,1	11,1	37,6	11,0
1940	88,2	8,3	38,8	11,1

Источники: ряд динамики Б4-4: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. С. 269, 270–271; ряд динамики Б4-5: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 9, 10.

Примечания: 1. Данные по Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям приведены в границах начала 1930–1934 гг. 2. В Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Курганской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей в послевоенных границах, в Восточную Сибирь – Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской и Якутской АССР в послевоенных границах.

Источник составления ряда динамики Б4-5 также позволяет построить отдельные ряды динамики по основным зерновым культурам, культивируемым в регионе за те же годы по Алтайскому и Красноярскому краям, Курганской, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской и Читинской областям, Бурят-Монгольской и Якутской АССР в послевоенных границах. Значительный интерес представляет формирование ряда динамики урожайности и валовых сборов хлебов (Б4-6) в основных зернопроизводящих регионах Сибири: Алтайском крае, Новосибирской

Таблица 4.3

**Валовые сборы и урожайность зерновых культур в Алтайском крае,
Омской и Новосибирской областях в 1932–1940 гг.
во всех категориях хозяйств**

<i>Ряд динамики Б4-6</i>						
Год сбора урожая	Алтайский край		Новосибирская область		Омская область	
	Валовой сбор, тыс. ц	Урожайность, ц/га	Валовой сбор, тыс. ц	Урожайность, ц/га	Валовой сбор, тыс. ц	Урожайность, ц/га
1932	14053	6,5	10733	7,3	8550	6,9
1933	22111	7,9	14367	9,9	10977	8,3
1934	30120	10,0	14960	8,2	18709	13,1
1935	14753	5,1	11526	6,9	14431	10,1
1936	29003	9,8	16725	9,0	10216	6,9
1937	32871	10,7	23168	12,1	22537	13,8
1938	42096	13,3	25691	13,5	26814	15,6
1939	36495	11,7	23415	12,0	16257	9,5
1940	21153	6,7	13037	6,5	14164	8,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 9, 10.

Примечание. Данные приведены в послевоенных границах.

и Омской областях (табл. 4.3). В пересчете на амбарный вес в Омской области в 1940 г. собрали 10 534 тыс. ц зерна, в Новосибирской области – 9500 тыс., в Алтайском крае – 13 761 тыс. ц¹⁵⁴.

Выявленные нами сведения об урожайности и валовом сборе зерновых культур в Сибири в 1930-е гг. по отдельным категориям хозяйств отрывочны и не дают возможности построения отдельных динамических рядов.

Приведенные в табл. 4.2 и 4.3 показатели позволяют выявить основные тенденции развития зернового хозяйства в Сибири в 1930-е гг. Развитие отрасли было неустойчивым, особенно в Западной Сибири. За десятилетие регион столкнулся с тремя катастрофическими недородами: 1931, 1935 и 1940 гг. В Восточной Сибири недороды пришлось пережить на 1932 и 1936 гг. Среднегодовая урожайность хлебов во второй половине 1930-х гг. в Сибири целом была выше, чем первой. Наиболее урожайными годами были 1937 и 1938 гг., которые отличались наиболее благоприятными погодно-климатическими условиями. При этом следует иметь в виду, что годы

¹⁵⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 252.

с наивысшей урожайностью отличались более высоким уровнем потерь зерна. Так, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 28 мая 1939 г., оценивая итоги предыдущего сельскохозяйственного и заготовительного года¹⁵⁵, отметили существенные недостатки в организации уборочной кампании 1938 г., «в особенности» в Челябинской, Омской, Новосибирской, Северо-Казахстанской областях и Алтайском крае. *«Все эти недостатки привели в указанных областях к большим потерям урожая и обмолота хлебов, который (обмолот) в ряде районов до настоящего времени еще не закончен».*

Таким образом, в начале 1930-х гг. учет урожайности имел низкую степень достоверности. Поправки носили субъективный характер. Их величина определялась выбором поведенческих стратегий руководителей районов и регионов. Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер.

¹⁵⁵ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 мая 1939 г. «О подготовке к уборке урожая и заготовкам сельскохозяйственных продуктов в 1939 году» (Советская Сибирь. 1939. 30 мая).

Часть III

СТАТИСТИКА ЖИВОТНОВОДСТВА

Глава 5

СТАТИСТИКА ПОГОЛОВЬЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В 1920-е гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЕТА СКОТА

В 1920-е гг. основные усилия статистических органов были направлены на получение данных о развитии крестьянских хозяйств, которые являлись абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельскохозяйственного производства¹. Регулярный мониторинг их базовых количественных показателей, включая поголовье скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей, неофициально называемых весенними опросами (см. гл. 1).

Помимо собственно крестьянских дворов в выборку переписей включались приусадебные хозяйства проживающих в сельской местности рабочих и служащих, а также жителей городских поселений, уплачивающих сельскохозяйственный налог. В 1928 г. был проведен специальный учет скота в городских поселениях, который охватывал организации и учреждения, имеющие сельскохозяйственных животных, а также их индивидуальных владельцев, не облагаемых сельхозналогом.

В переписных листах фиксировались лошади (в том числе рабочие старше 4 лет, рабочие до 4 лет, от 1 года до рабочего возраста, жеребят до года), крупный рогатый скот (в том числе волы рабочие, волы третьяки, быки старше 2 лет, коровы, нетели старше 1,5 лет, быки от 1,5 до 2 лет, подтелки и бычки от года до 1,5 лет, телята до года), овцы (в том числе овцы, бараны и валухи² взрослые, ягнята), козы (в том числе козы и козлы взрослые, козлята),

¹ Минимальной была доля крестьянских хозяйств в поголовье скота в 1929 г. По официальным данным в Сибирском крае в этом году в численности лошадей она составляла 98,1 %, КРС – 98,6, коров – 98,4, овец – 97,4, свиней – 98,8 % (Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. М., 1930. С. 146–149, 152–153).

² Валух – кастрированный или холощеный баран.

свиньи (в том числе свиньи и боровы старше 1 года, подсвинки от 4 месяцев до года, поросята до 4 месяцев), прочий скот (верблюды, олени, яки и др.).

При обработке материалов переписей сведения о крестьянских хозяйствах группировались по количеству рабочего скота и коров. Группировка по скоту была менее дробной³, чем группировка по посеву, и вторичной по отношению к последней.

Материалы выборочных переписей использовались для определения базовых натуральных показателей развития животноводства, прежде всего поголовья скота. Для получения общих итогов сведения, полученные в ходе выборочных переписей отдельных крестьянских хозяйств, распространялись на их административно-территориальные совокупности. В качестве методических приемов распространения в начале 1920-х гг. в основном использовался метод коэффициентов различия (см. гл. 1).

Для определения численности отдельных возрастных категорий различных видов сельскохозяйственных животных в качестве дополнительного метода применялся расчет по их относительным показателям. Так, например, доля телят или иного молодняка в стаде КРС во всех опрошенных на территории уезда дворах в процентах переносилась на общеуездное поголовье. После этого относительные величины пересчитывались в абсолютные (головы скота). Для установления количества рабочих лошадей практиковался метод распространения по площади засеянной пашни. В опрошенных крестьянских хозяйствах исчислялось среднее число рабочих лошадей, приходящееся на 100 дес. посева. Затем общая площадь засеянной пашни в уезде делилась на 100 и полученная цифра умножалась на число рабочих лошадей, используемых для засева 100 дес. в опрошенных дворах. С 1923 г. при обработке материалов сельхозпереписей стал применяться метод исчисления поголовья по «среднему хозяйству» (см. гл. 1). С 1926 г. выборка весенних опросов выросла до 10 %. Это позволило полностью перейти к исчислению поголовья скота по методу среднего хозяйства, отказавшись от применения переноса пропорций в опрошенных хозяйствах на их совокупность.

Важное значение для оценки состояния животноводства имела текущая статистика. Дважды в год – в марте и сентябре – добровольные корреспонденты заполняли анкету, в которой отражали

³ Выделялись следующие группы крестьянских дворов по количеству рабочего скота и коров: 1) без рабочего скота/коров; 2) с одной головой скота; 3) с двумя головами; 4) с тремя головами; 5) с четырьмя и более головами рабочего скота/коров.

итоги зимнего стойлового и летнего пастбищного периодов. Результаты осеннего и зимнего анкетирования распространялись на территориальную совокупность крестьянских дворов методом коэффициентов различия. Особое внимание при обработке опросов уделялось исчислению относительных величин убоя, продажи и падежа скота.

Сведения о поголовье скота в крестьянских хозяйства также собирались финансовыми органами в рамках налогового учета, который фактически был сплошным. В его ходе фиксировались только объекты обложения. Вне внимания финорганов, например, оставался молодняк скота, так как сельхозналогом облагался только взрослый скот.

Поголовье скота в колхозах и совхозах на рубеже 1910–1920-х гг. устанавливалось в рамках сельхозпереписей. В середине десятилетия мониторинг количественных показателей развития животноводства в государственных и коллективных хозяйствах осуществлялся на основе ведомственной отчетности и налогового учета. В конце 1920-х гг. стали проводиться специальные переписи и обследования колхозов и совхозов.

Результаты сельскохозяйственных переписей крестьянских хозяйств изначально считались вполне репрезентативными. Однако уже в начале 1920-х гг. выяснилось, что респонденты-крестьяне приуменьшают параметры своей хозяйственной состоятельности. В связи с этим при публикации материалов сельхозпереписей данные о посевных площадях и поголовье скота в крестьянских хозяйствах стали корректироваться повышательными поправочными коэффициентами. Недоучет скота впервые был выявлен при сравнении результатов переписи 1923 г. с разработанным балансом мясной и кожевенной промышленности. В связи с этим составители вышедшего в 1926 г. справочного издания ЦСУ «Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года» внесли поправку на недоучет в 3 % при публикации данных о поголовье скота в 1923 г. по всем его видам, включая рабочий. Поправка в 5 % была также принята при определении численности сельскохозяйственных животных в 1922 г.⁴

В дальнейшем детальное сопоставление карточек выборочных сельхозпереписей и бюджетных обследований также позволило установить недоучет скота. На размеры утайки влияли особенности системы налогообложения крестьянства. С 1923 г. в рамках

⁴ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Репринтное воспроизведение издания 1926 г. М., 1993. С. 85.

единого сельскохозяйственного налога в Сибири стали облагаться рабочие лошади старше 4 лет и КРС старше 2 лет. Это побуждало крестьян укрывать от обложения в первую очередь скот пограничных возрастов, записывая животных, которые относительно недавно достигли облагаемого возраста, в предыдущую возрастную категорию. При этом максимальным было укрытие бычков и нетелей старше 2 лет. Дохода они не приносили, но сумму налога увеличивали. Соккрытие коров в абсолютно преобладающих по численности одно- и двухкоровных хозяйствах было затруднено. Молодняк обложению не подлежал и поэтому его утайка особого смысла не имела. Крестьяне скрывали скот не только от обложения, но и от регистрации в рамках выборочных сельхозпереписей, поскольку считали, что опросные листы являются доступными для финансовых органов.

Специалисты Алтайского губернского статистического бюро, обрабатывая материалы весеннего опроса и бюджетного обследования крестьянских хозяйств 1923 г., выявили существенную разницу в соотношении отдельных возрастных категорий КРС. Так, согласно сельхозпереписи, доля быков старше 3 лет, нетелей и близких к облагаемому возрасту бычков от полутора до двух лет составляла 0,5, 4,9 и 1,3 %, а по бюджетным материалам – 4,9, 10,3 и 5,7 %. В то же время удельный вес «безусловно не подлежащего» обложению молодняка КРС по весеннему опросу был больше, чем по бюджетному обследованию: подтелок и бычков до полутора лет – 19,0 и 11,3 %, телят – 27,0 и 24,5 %. Поскольку результаты бюджетных обследований считались более репрезентативными, соответственно более достоверным определялось и показанное по их результатам соотношение возрастных групп сельскохозяйственных животных⁵.

Исходя из установленного по бюджетному обследованию удельного веса различных видов сельскохозяйственных животных в общем поголовье и доли отдельных возрастных категорий в стаде того или иного вида скота, в Алтайском губстатбюро рассчитали поправки на недоучет скота, которые было необходимо внести в определенные весенним опросом итоговые показатели поголовья скота в губернии: по лошадям – +22 %, по КРС – +29 % (в том числе по коровам – +16,5, по остальным видам КРС – +56 %), по овцам – +11 %, по свиньям – +128 %⁶. Высокий уровень сокры-

⁵ *Пушкарев В.М.* Поправки к количеству скота, выявленному при весеннем опросе 1923 года // Бюллетень Алтайского губернского статистического бюро. 1925. № 22. С. 3–6.

⁶ Там же. С. 7.

тия свиней достигался за счет поросят, численность которых было очень сложно проверить.

Влияние налогообложения на результаты сельхозпереписи в Сибири выявили и в результате обработки проведенного в 1927 г. 10%-го выборочного обследования крестьянских хозяйств. Поскольку сельхозналогом с 1926/27 окладного года в Сибири стали облагаться коровы старше 3, а не 2 лет, как ранее, крестьяне «для понижения размеров налога, падающего на их хозяйства, часть коров в 1927 году показало нетелями». Аналогичная ситуация складывалась и с рабочими лошадьми. Сельхозналогом облагались лошади старше 4 лет. В связи с этим владельцы «часть лошадей полного возраста показывают в группе лошадей до 4-х лет»⁷.

Руководители краевого статистического отдела, выявленные в том числе и на материалах бюджетных обследований, факты недоучета скота проигнорировали. Более того, составители изданного в 1926 г. «Сборника статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» считали, что данные о поголовье сельскохозяйственных животных, полученные в рамках выборочных сельхозпереписей, «не нуждаются ни в каких пояснениях и поправках»⁸.

На общесоюзном уровне поправки на недоучет скота по всем регионам на 1924–1927 гг. утвердила специальная комиссия Экспертного совета при ЦСУ на заседании 15 июня 1928 г.⁹ Для их расчета использовались методики, применяемые для исчисления поправочных коэффициентов площади посева (см. гл. 1). Размеры поправок рассчитывались для каждого региона. При этом они не дифференцировались по возрастным группам скота. Для лошадей поправочные коэффициенты не устанавливались.

В изданном в начале 1930 г. статистическом сборнике «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.»¹⁰ были опубликованы общесоюзные и порегиональные данные о численности сельскохозяйственных животных

⁷ Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск. 2004. С. 176, 180, 202; Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. XIX–XX.

⁸ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 464.

⁹ Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 – 1926/27 годах // Статистическое обозрение. 1928. № 9. С. 10.

¹⁰ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. Итоги [сельско]-х[озяйственной] переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-х обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М., 1930. С. 134–143.

Таблица 5.1

**Величины поправочных коэффициентов в данные о поголовье скота
в крестьянских хозяйствах Сибири в 1924–1927 гг., %**

Год	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свины
1924	+4	+4	+14	+17
1925	+5	+5	+15	+20
1926	+4	+4	+10	+25
1927	+3	+3	+6	+20

Источники: Нифонтов В. Мясной баланс СССР ... С. 10; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 102–103, 140–141.

в 1924–1927 гг. с учетом определенных комиссией Экспертного совета поправок на недоучет¹¹. Полученные по результатам обработки сплошной Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. показатели считались достоверными и поэтому остались неизменными. Для 1923 г. поправки исчислены не были.

Размеры поправочных коэффициентов из данного источника, рассчитанные для Сибири, приведены в табл. 5.1. В источниках конца 1920-х гг., имеющих сибирское происхождение, включая вышедший в 1930 г. статсправочник «Сибирский край»¹², манипуляции с поправками на недоучет скота по-прежнему не производились.

В статистических справочниках начала и середины 1920-х гг. приводились сведения о поголовье скота только в крестьянских хозяйствах и приравненных к ним дворохозяйствах горожан, облагаемых сельхозналогом. В опубликованных в конце десятилетия изданиях появились данные о численности скота в совхозах и коллективных хозяйствах. Но они ограничивались лишь несколькими предшествующими годами. Так, в сборнике статистических сведений «Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.» приводились данные о поголовье в крестьянских хозяйствах за 1925, 1926 и 1927 гг., а также в совхозах и колхозах за 1927 и 1928 гг.¹³ В вышеупомянутом статсправочнике «Сибирский край» опубликованы данные о численности сельскохозяйственных животных в крестьянских хозяйствах и во всех категориях хозяйств за 1927, 1928 и 1929 гг.¹⁴

¹¹ В издание также помещена таблица о численности скота в крестьянских хозяйствах в 1923–1927 гг. без поправок (Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР ... С. 90–107).

¹² Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930.

¹³ Сельское хозяйство СССР. 1925–1928: Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 190.

¹⁴ Сибирский край. С. 284–285, 302–303.

В конце 1930 г. экономико-статистический сектор Госплана СССР опубликовал справочное издание «Животноводство СССР», в котором обнародовались более полные данные о поголовье скота в стране в 1920-е гг.¹⁵ В табл. 1 книги приводились сведения о численности сельскохозяйственных животных в стране в целом за 1922–1930 гг. во всех категориях хозяйств. Основным источником ее составления явились материалы выборочных сельхозпереписей крестьянских хозяйств с поправками на недоучет¹⁶. Определяя общее поголовье к ним в 1927, 1928 и 1929 гг., составители добавили количество сельскохозяйственных животных в колхозах и совхозах, установленное в рамках сплошных и выборочных обследований. Поголовье скота индивидуальных владельцев в городах, которые не облагались сельскохозяйственным налогом, а также в учреждениях и организациях впервые установили в ходе специального учета, проведенного в 1928 г. (см. выше). По его материалам была исчислена численность скота в данных категориях хозяйств в 1929 и в 1927 гг. Соотношение крестьянского и некрестьянского скота в 1927 г. в сочетании с имеющимися по ряду лет данными о поголовье в колхозах и совхозах послужило основанием для определения общей численности скота в 1922–1926 гг.¹⁷ В сведения о поголовье скота в колхозах, совхозах, организациях и учреждениях, а также у горожан, не облагаемых сельхозналогом, поправки не вносились.

В изданном в 1932 г. статистическом сборнике «Животноводство СССР в цифрах» появились данные об общем поголовье скота в стране в 1921 г.¹⁸ Численность сельскохозяйственных животных за этот год была рассчитана на основе данных весеннего опроса 1922 г. методом обратного коэффициента различия. К крестьянскому поголовью был добавлен скот других категорий владельцев, исчисленный экспертным путем. В показатели поголовья скота за отдельные годы внесли незначительные уточнения. Сведения о численности скота в регионах в данном сборнике приводились в измененных в начале 1930-х гг. административно-территориальных границах. Отметим, что в общесоюзных статистических

¹⁵ Животноводство СССР. Динамика скотоводства ...

¹⁶ В данном издании для 1925, 1926 и 1927 г. использовались те же поправки на недоучет скота в крестьянских хозяйствах, что и в статсборнике «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР...» (табл. 5.1). Поправки, установленные для 1927 г., также были применены к определению поголовья одиночных хозяйств в 1928 и 1929 гг. (Там же. С. 260).

¹⁷ Животноводство СССР. Динамика скотоводства ... С. 260–261.

¹⁸ Животноводство СССР в цифрах. М.; Л., 1932. С. 4.

изданиях 1930-х гг., в которых присутствовали ретроспективные данные за 1920-е гг., для регионов, включая Сибирь, они ограничивались лишь концом десятилетия.

Погодовая динамика поголовья сельскохозяйственных животных в 1921–1929 гг. в СССР из вышеназванного статсборника была воспроизведена в изданном в 1940 г. фундаментальном статистическом сборнике ЦУНХУ «Животноводство СССР за 1916–1938 гг.»¹⁹. В таблице, в которой содержались данные о численности скота в 1916, 1921–1938 гг., оговаривалось, что они приводятся «на летнюю дату (июнь – июль)». Помимо этого, сведения о поголовье за 1932, 1934–1938 гг. также приводились и на «зимнюю дату (1 января)». Зимой в эти годы были проведены всеобщие переписи скота. «Июнем» датировались итоги весенних выборочных сельскохозяйственных переписей 1920-х гг., которые проводились в конце мае – начале июня. В первой половине 1930-х гг. переписи сменил налоговый учет (см. гл. 2), осуществляемый в июне – июле. Соответственно «летняя дата» продлевалась на июль. Следует отметить, что в Сибири так называемые весенние опросы, как правило, начинались в июне и иногда затягивались до июля.

В ежегоднике Наркомата земледелия и Наркомата совхозов СССР «Сельское хозяйство», который издали еще в 1936 г., использовалась единая месячная привязка «на июль», которая относилась к данным не только за 1930–1934 гг., но и за 1928–1929 гг.²⁰ При этом в ежегоднике приводились те же показатели, что и в специализированных статсборниках 1930-х гг.

В конце 1950-х гг. было принято решение о пересчете всех сведений о поголовье скота на одну дату – на 1 января. По мнению специалистов, данные на конец года являлись более корректными, поскольку учитывали результаты массового забоя скота в конце осени – начале зимы. Статистическую манипуляцию осуществили с помощью коэффициентов пересчета²¹. Впервые обновленную статистику поголовья сельскохозяйственных животных за 1920-е гг. (привязанную к 1 января) опубликовали в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1961 году»²².

¹⁹ Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сборник. М.; Л., 1940. С. 4.

²⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 511.

²¹ Чемерисский И.А. Сельскохозяйственное производство СССР в 1920–1925 гг. по статистическим источникам // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 461.

²² Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник. М., 1962. С. 381.

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1920–1930 гг. ПОСЛЕДСТВИЯ Форсированной коллективизации

В связи с ретроспективным изменением датировки ежегодных данных о поголовье скота (см. выше) мы сформировали два общесоюзных ряда динамики (табл. 5.2, 5.3).

Источником для составления ряда динамики В5-1 послужил изданный в 1932 г. статистический сборник ЦУНХУ «Животноводство СССР в цифрах»²³.

Ряд динамики В5-2 сформирован на основе сведений статистического ежегодника ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР в 1961 году»²⁴.

Помещенные в динамических ряды В5-1 и В5-2 данные позволяют определить основные тенденции животноводства в СССР в 1920-е гг. В начале 1920-х гг. продолжалось сокращение поголовья продуктивного и рабочего скота. Восстановление животноводства началось в 1923 г. Уровень 1916 г. по численности коров был превзойден уже в 1923 г., свиней – в 1924 г., КРС и овец – в 1925 г. Дореволюционную численность лошадей восстановить не удалось. В 1929 г. началось сокращение поголовья продуктивного скота.

Таблица 5.2

Поголовье скота в СССР в 1916, 1921–1930 гг. во всех категориях хозяйств с поправками на недоучет, «на летнюю дату», млн голов

<i>Ряд динамики В5-1</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свиньи
1916	35,8	60,6	26,0	113,0	20,9
1921	29,6	50,8	27,2	102,6	19,4
1922	24,1	45,8	24,8	84,3	12,1
1923	24,6	52,9	26,1	88,2	12,9
1924	25,7	59,0	27,1	101,4	22,2
1925	27,1	62,1	28,6	114,1	21,8
1926	29,2	65,5	29,7	121,2	21,6
1927	31,6	68,0	29,9	126,5	23,1
1928	33,5	70,5	30,7	133,3	26,0
1929	34,6	67,1	30,4	133,7	20,4
1930	30,2	52,5	26,7	108,8	13,0

Примечание. В графе «1930. Овцы» приведены данные о поголовье овец и коз.

²³ Животноводство СССР в цифрах. С. 4.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1961 году. С. 381.

Таблица 5.3

Поголовье скота в СССР в 1916, 1920–1930 гг. во всех категориях хозяйств с поправками на недоучет, на 1 января, млн голов

<i>Ряд динамики В5-2</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свиньи
1916	34,2	51,7	24,9	82,5	17,3
1920	30,3	45,9	24,8	77,3	16,3
1921	28,7	43,7	24,9	75,7	15,4
1922	25,7	40,9	24,8	68,2	13,1
1923	23,3	41,8	24,3	62,9	10,4
1924	24,0	47,3	25,4	69,1	14,6
1925	25,2	51,2	26,6	78,6	18,4
1926	26,9	54,0	27,8	85,8	18,1
1927	29,1	56,5	28,5	90,3	18,7
1928	32,1	60,1	29,3	97,3	22,0
1929	32,6	58,2	29,2	97,4	19,4
1930	31,0	50,6	28,5	85,5	14,2

На материалах, извлеченных из выявленных статистических источников, нами сформировано 4 ряда динамики поголовья сельскохозяйственных животных в Сибири в 1920-е гг. (табл. 5.4–5.6).

Источниками составления ряда динамики В5-3 послужили «Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю» и статистический справочник «Сибирский край», изданные соответственно в 1927 и 1930 гг.²⁵

Следует отметить, что опубликованные в этих двух изданиях данные получены по единой методике обработки первичных статистических материалов. Однако они не имеют годового пересечения. Презентация в «Сборнике статистико-экономических сведений...» завершается 1926 г., а в «Сибирском крае» начинается с 1927 г. Данное обстоятельство требует доказательства их сопоставимости. В статье сотрудника статистико-экономического сектора Сибирского крайплана Г. Бара опубликованы те же показатели за 1926 и 1927 гг., что и в вышеназванных статистических изданиях²⁶. Это свидетельствует о том, что специалисты статистики считали

²⁵ Данные за 1916, 1920–1926 гг.: Сборник статистико-экономических сведений ... С. 40–43; данные за 1927–1929 гг.: Сибирский край. С. 284–285.

²⁶ Бар Г. Скотоводство в Сибирском крае // Статистика Сибири: сборник статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 58.

**Поголовье скота в крестьянских хозяйствах Сибири в 1916,
1920–1929 гг. без поправок на недоучет, тыс. голов**

Ряд динамики В5-3					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свиньи
1916	4219	5840	2900	6358	2263
1920	3949	4423	2467	5130	1896
1921	3890	4109	2021	4511	1557
1922	3418	3651	1848	4626	956
1923	3001	3698	1944	6042	880
1924	3368	4728	2302	8013	1545
1925	3408	5209	2420	8367	1985
1926	3601	5858	2684	9765	2112
1927	3850	6353	2863	11023	2352
1928	4125	6751	3077	12036	2542
1929	4035	6189	2844	12053	2420

Примечания: 1. Сведения приведены в границах Сибирского края. 2. Указана численность скота на начало лета соответствующего года.

их сопоставимыми. Однако эта сопоставимость не была абсолютной. В вводной статье к сборнику материалов выборочной сельхозпереписи 1927 г. приводятся несколько иные цифры поголовья за соответствующий год: лошадей 3590 тыс. голов, КРС – 5837 тыс., овец – 9760 тыс., свиней – 2104 тыс. голов²⁷. Разница не существенна, поскольку не превышает 0,3 %, и связана с ретроспективным пересчетом данных переписи 1926 г. из-за состоявшейся в начале 1927 г. передачи Кабанского района из состава Иркутского округа Сибирского края в Бурят-Монгольскую автономную область²⁸.

Ряд динамики В5-4 сформирован на базе изданного в 1930 г. статистического сборника ЦСУ «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.»²⁹.

Источником для ряда динамики В5-5 является статсправочник «Сибирский край»³⁰; для ряда динамики В5-6 (поголовье скота в

²⁷ Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. XVII.

²⁸ Там же. С. XXV; Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник. Новосибирск, 1966. С. 168.

²⁹ Основные элементы сельскохозяйственного производства ... С. 140–141.

³⁰ Сибирский край. С. 302–303.

Таблица 5.5

**Поголовье скота в крестьянских хозяйствах Сибири в 1924–1927 гг.
с поправками на недоучет, тыс. голов**

<i>Ряд динамики В5-4</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свины
1924	3345	491	2382	9146	1794
1925	3398	5449	2532	9618	2301
1926	3590	6071	2782	10736	2630
1927	3850	6546	2949	11685	2822

Примечания: 1. Сведения приведены в границах Сибирского края. 2. Указана численность скота на начало лета соответствующего года.

Таблица 5.6

**Поголовье скота в Сибири в 1927–1929 гг. во всех категориях
хозяйств, тыс. голов**

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свины
<i>Ряд динамики В5-5</i>					
1927	3850	6354	2863	11023	2352
1928	4170	6822	3128	12223	2559
1929	4126	6303	2911	12407	2454
<i>Ряд динамики В5-6</i>					
1927	3882	6959	2991	11758	2833
1928	4176	7033	3224	12786	3071
1929	4139	6510	3011	13111	2946

Примечания: 1. Сведения приведены в границах Сибирского края. 2. Указана численность скота на начало лета соответствующего года. 3. Для ряда динамики В5-5 даны показатели без поправок, а для ряда динамики В5-6 поправки внесены в показатели поголовья скота в крестьянских хозяйствах.

Сибири в 1927–1929 гг. во всех категориях хозяйств) – опубликованное в 1930 г. справочное издание «Животноводство СССР»³¹.

Ряды динамики В5-3, В5-4, В5-5 и В5-6 можно дополнить показателями численности отдельных категорий скота по возрастным группам и способам использования, а В5-3 и В5-5 – данными по отдельным округам Сибирского края.

Помещенные в вышеперечисленные динамические ряды данные позволяют определить основные тенденции развития животноводства в Сибири в 1920-е гг. В первые годы десятилетия про-

³¹ Животноводство СССР. Динамика скотоводства ... С. 146–149.

изошел резкий сброс стада. Увеличение поголовья овец началось уже в 1922 г., КРС – в 1923 г., свиней – в 1924 г., лошадей – в 1925 г. Наиболее быстрыми темпами восстанавливалась численность мелкого скота. Поголовье КРС росло медленнее. Дореволюционной численности лошадей достичь не удалось. В 1929 г. началось сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота у крестьян. В силу того, что крестьянские хозяйства являлись абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельхозпроизводства, процессы в данном секторе негативно повлияли на ситуацию в животноводстве в целом.

Сформулированный вывод о начавшемся сокращении численности сельскохозяйственных животных в крестьянских хозяйствах нами сделан на материалах выборочной сельскохозяйственной переписи, проведенной в конце весны – начале лета 1929 г. Однако данную тенденцию заметили еще раньше в рамках текущего статистического мониторинга. По данным, полученным от добровольных корреспондентов в сентябре 1928 г. и опубликованным ЦСУ, у крестьян Сибирского края на этот месяц было меньше КРС – на 6 %, коров – на 6,9, овец и коз – на 10,7, взрослых свиней – на 12,9 %, чем в сентябре 1927 г.³²

Изменение поголовья продуктивного и рабочего скота в крестьянских хозяйствах региона по данным добровольных (статистических) корреспондентов и дополнительных статистических обследований с марта 1928 по сентябрь 1929 г. (в относительных величинах) показано в табл. 5.7.

Таблица 5.7

Поголовье скота в Сибири в 1928–1930 гг. в крестьянских хозяйствах без поправок (к марту 1928 г.), %

Месяц, год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свины
Сентябрь 1928 г.	96,7	93,7	96,2	85,2	106,3
Март 1929 г.	98,9	92,4	93,1	101,5	95,9
Сентябрь 1929 г.	98,3	71,8	77,4	60,8	75,1
Февраль 1930 г.	82,2	63,2	70,7	59,3	37,9
Март 1930 г.	73,8	58,3	69,5	57,6	27,7

Источник: ГАНО. Ф. П-2. Оп.1. Д. 4095. Л. 121.

Примечания: 1. Сведения приведены в границах Сибирского края. 2. Показатели за 1928–1929 гг. и февраль 1930 г. рассчитаны по анкетам добровольных (статистических) корреспондентов, за март 1930 г. – по данным переписи скота.

³² Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. ... С. 211.

Наметившееся с 1928 г. сокращение поголовья скота ускорилось летом 1929 г. и приобрело угрожающий характер в конце 1929 – начале 1930 г. В деревне распространялась «эпидемия» забоя скота. Ее «носителями» выступали все без исключения социальные слои сельского населения. Для того чтобы выяснить степень падения численности скота, сибирские власти в начале 1930 г. провели серию мероприятий по статистическому мониторингу ситуации. На месяц раньше обычного начался опрос статкорреспондентов³³. Однако в связи с реорганизацией их сети (см. гл. 3) масштабы анкетирования снизились. Если осенью 1928 г. было собрано 2285 индивидуальных корреспондентских анкет, осенью 1929 г. – 2535, то на 15 марта 1930 г. (определялось поголовье в феврале) удалось собрать 1979 индивидуальных и 263 колхозных опросных листов³⁴.

Обработка материала велась методом коэффициентов различия, которые рассчитывались по отношению к результатам весенней сельхозпереписи 1929 г. Исчисление, проведенное по данному методу, показало сокращение общего поголовья скота на 28 %. Приводя эти данные, специалисты статистики указывали на возможное занижение полученных результатов. Этому способствовали: а) сокрытие убоя и продаж скота некоторыми из анкетированных хозяйств; б) отказ *«от заполнения анкеты хозяйств с сильной реализацией скота»*; в) неналаженность учета скота в колхозах, которые не позволили точно определить размеры убоя и падежа в *«первые моменты»* после их образования³⁵.

Более точные данные о состоянии скотоводства должна была дать перепись скота, которую провели в Сибирском крае уже в марте 1930 г.³⁶ Перепись для крестьянских хозяйств являлась выборочной (точный процент выборки нам установить не удалось), для колхозов и совхозов сплошной. При этом следует иметь в виду невозможность сбора достоверных данных по колхозам, большинство из которых находилось в стадии организации. Перепись не проводилась в наиболее отдаленном Киренском округе и в большинстве аймаков Ойротской автономной области.

В табл. 5.8 данные, полученные по результатам обработки мартовской переписи, указаны в строке «1930» раздела таблицы «Вариант 1». Поголовье скота в нем приводится по всей территории Сибирского края, включая Киренский округ и Ойротию. Численность сельскохозяйственных животных в данных административ-

³³ В табл. 5.7 итоги анкетирования отражены в строке «Февраль 1930 г.»

³⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2321. Л. 58.

³⁵ Там же. Л. 58.

³⁶ В табл. 5.7. итоги переписи отражены в строке «Март 1929 г.»

Таблица 5.8

Поголовье скота в Сибири в 1929–1930 гг. во всех категориях хозяйств, тыс. голов

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свиньи
<i>Вариант 1. Сибирский край</i>					
1929	4126	6303	2911	12407	2454
1930	3251	4294	2198	7594	825
	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свиньи старше 4 месяцев
<i>Вариант 2. Восточно-Сибирский край</i>					
1929	1266	2646	1051	3794	261
1930	1127	1968	897	3248	176
<i>Вариант 3а. Западно-Сибирский край</i>					
1929	3527	5635	2598	11843	1184
1930	2687	3457	1978	6783	472
<i>Вариант 3б. Восточно-Сибирский край</i>					
1929	1255	2667	1046	4244	488
1930	1084	1889	868	3303	315

но-территориальных единицах определена методом коэффициента различий. По каждому виду скота по тому же методу «досчитан» потенциальный приплод со времени проведения переписи до завершения выжеребки, отела, окота и опороса. В итоговые данные добавлены сельхозживотные учреждений и организаций. Данные строки «1929» взяты из итоговой таблицы переписи соответствующего года. Они в целом повторяют ранее опубликованные сведения.

Источником для составления варианта 2 послужил изданный в 1932 г. Восточно-Сибирским краевым управлением народно-хозяйственного учета «Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю»³⁷. За 1929 г. приведены данные (без поправок) проведенной в этом году весенней сельскохозяйственной переписи, за 1930 г. – данные (без поправок) налогового учета.

Варианты 3а и 3б составлены по изданному в 1932 г. статсборнику ЦУНХУ «Животноводство СССР в цифрах»³⁸. За 1929 г.

³⁷ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 184–185.

³⁸ Животноводство СССР в цифрах. С. 14–17, 28–29. Те же данные приводят в изданном в 1936 г. ежегоднике Наркомзема и Наркомсовхозов СССР «Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 517.

приведены данные (с поправками) весенней сельхозпереписи, за 1930 г. – данные налогового учета, в которые внесены поправки на недоучет. Но в связи с недостаточностью материалов они не дифференцированы по отдельным возрастным группам скота³⁹.

Данные, представленные в табл. 5.8, демонстрируют крайне негативное влияние форсированной коллективизации на развитие животноводства в Сибири, которое прежде всего проявилось в значительном сокращении поголовья скота. Максимальным было падение численности свиней и молодняка КРС, более устойчивым оказалось поголовье лошадей и коров. О отрасль была отброшена далеко назад и находилась в еще более глубоком кризисе, чем полеводство (см. гл. 1). В целом по Сибири за 1929/30 учетный год во всех категориях хозяйств численность лошадей и коров сократилась на одну пятую, КРС – более чем на треть, свиней – более чем на две трети, овец – почти на две пятых. Так же, как и в полеводстве, убыль скота на западе региона была выше, чем на востоке. В ряде округов Юго-Западной Сибири ситуация была близка к катастрофической⁴⁰. В СССР по официальным сведениям количество лошадей сократилось на 13 %, КРС – на 22, коров – на 12, овец и коз – на 19, свиней – на 36 % (см. табл. 5.2)⁴¹.

Сокращение поголовья произошло за счет единоличного сектора аграрной экономики. В Сибирском крае по данным мартовской 1930 г. переписи скота численность лошадей в крестьянских хозяйствах (без учета потенциального приплода) снизилась по сравнению с показателями сельхозпереписи 1929 г. в 2,4 раза, КРС – в 3,3, коров – в 2,7, овец и коз – в 3,3, свиней – в 5,9 раза, в юго-западных округах края – в 3,2, 4,2, 3,4, 4,4 и 11,6 раза⁴². Колхозы и совхозы ни организационно, ни технологически не были способны компенсировать сокращение производительных сил единоличного сектора⁴³.

³⁹ Животноводство СССР в цифрах. С. 346.

⁴⁰ См.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 472.

⁴¹ Численность скота в СССР в 1930 г. в табл. 5.2 определена по итогам обработки данных налогового учета с принятыми для единоличных хозяйств поправками, не дифференцированными по возрастным группам скота.

⁴² ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 106.

⁴³ Согласно официальным данным, в июне 1930 г. в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях, вместе взятых, единоличникам принадлежало 87,3 % от общего поголовья лошадей, 78,2 – коров, 81,4 – овец и коз, 63,7 % – свиней старше 4 месяцев (Животноводство СССР в цифрах. С. 28–29).

Таким образом, статистический мониторинг поголовья скота в СССР в 1920-е гг. осуществлялся в рамках ежегодных выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Основным методом проведения переписей являлся личный опрос дворохозяев. Обработка их материалов основывалась на методиках, применяемых земской статистикой. Крестьяне приуменьшали размеры своих хозяйств с целью снижения тяжести налогообложения. В связи с этим в общесоюзные статистические сборники вносились поправки на недоучет скота. Для их определения использовались материалы балансовых и бюджетных обследований. Руководители статистических органов Сибирского края факты недоучета скота игнорировали и никаких поправок в региональные сборники не вносили.

Глава 6

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА В 1930-е гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА

Переход к социалистической реконструкции сопровождался реформированием системы государственного статистического мониторинга сельского хозяйства (см. гл. 2, 4), в том числе статистики животноводства. Статистические органы были превращены в придаток плановых комиссий. Основным источником сведений о количественных параметрах развития отрасли в совхозах стали их годовые отчеты. Фиксацию поголовья скота в колхозах, ЛПХ колхозников и единоличных хозяйствах осуществлялся в рамках ежегодного налогового учета, проводимого финансовыми органами. Однако они не смогли наладить достаточно достоверного выявления количества сельскохозяйственных животных в обследуемых хозяйствах. Увеличились масштабы сокрытия объектов учета, особенно молодняка. Этому в значительной степени способствовал организационный хаос в колхозах. Сложности возникли с учетом личных хозяйств членов колхозов. «Общественный» скот в силу отсутствия помещений для его содержания нередко содержался на подворьях у колхозников.

Необходимость получения объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственной статистической организации. Были созданы органы народно-хозяйственного учета, на которые в том числе возлагались методическое обеспечение и контроль за статистическим мониторингом сельского хозяйства. Создание центрального и региональных управлений нархозучета способствовало развитию статистических работ в стране. Возобновилось издание статистических сборников, в которых публиковались материалы за предыдущие годы. По примечаниям к помещенным в них таблицам можно судить о методике сбора и обработки материалов статистического мониторинга поголовья скота в 1930 и 1931 гг. в отдельных регионах и стране в целом.

В статсправочнике, изданном Восточно-Сибирским краевым УНХУ в 1932 г., указано, что таблица «Количество скота» за 1930 и 1931 г. составлена по материалам налогового учета. При этом в сведения за 1931 г. внесены поправки, определенные по результатам контрольных обходов дворов, «проведенных через райисполкомы». Данные о численности скота за 1930 г. «публикуются без всяких поправок, т.к. в отношении недоучета скота за этот год Крайнархозучет никакими материалами не располагает»¹. При этом материалы за 1930 г. группируются: 1) по совхозам, 2) колхозам, 3) единоличным хозяйствам, в которые включались ЛПХ всех категорий населения; за 1931 г.: 1) по совхозам, 2) колхозам, 3) ЛПХ колхозников, 4) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского населения.

В статсправочнике ЦУНХУ 1932 г. «Народное хозяйство СССР» сообщалось, что сведения о численности скота в совхозах предоставило Совхозобъединение СССР. Данные о поголовье скота в колхозах и индивидуальных хозяйствах за 1930 г. получены при обработке материалов налогового учета. При этом в данные о численности скота в индивидуальных хозяйствах внесены поправки, принятые специальной комиссией ЦУНХУ². За 1931 г. сведения о поголовье скота в справочнике не приводятся. Материалы в нем разделены по следующим категориям хозяйств: 1) совхозы, 2) колхозы, 3) единоличные хозяйства, включавшие ЛПХ всех категорий населения.

Вновь образованному ЦУНХУ в соответствии с постановлением СНК СССР от 7 января 1932 г.³ было поручено провести всеобщую перепись скота в СССР. Это было его первое в 1930-е гг. крупное самостоятельное обследование, основанное на традиционных статистических методиках. Необходимость данного мероприятия обуславливалась вызванным форсированной коллективизацией глубоким кризисом животноводства и отсутствием у государства достаточно надежных сведений о поголовье скота. Единовременный учет (перепись) сельскохозяйственных животных проводился по состоянию на 1 февраля 1932 г.

Перепись проводилась по 8 категориям хозяйств сельской местности: 1) совхозам; 2) хозяйствам потребкооперации (коопхозам); 3) МТС; 4) колхозам; 5) скотозаготовительным и откормоч-

¹ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 278.

² Народное хозяйство СССР: статический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 655–656. Размеры поправочных коэффициентов в сборнике не приводятся.

³ СЗ СССР. 1932. № 1. Ст. 6.

ным базам, пунктам предубойного содержания; 6) хозяйствам государственных учреждений и организаций; 7) ЛПХ колхозников; 8) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ сельского некрестьянского населения) и трем категориям хозяйств городских поселений: 1) хозяйствам государственных учреждений и предприятий, 2) хозяйствам кооперативных и общественных организаций, 3) «частновладельческим» (индивидуальным) хозяйствам⁴.

Директора совхозов и председатели колхозов и коопхозов, директора иных предприятий и учреждений, имеющих скот, составляли инвентарную опись скота в соответствии с программой переписи. Сельские и городские советы методом опроса проводили сплошной учет у индивидуальных держателей скота. Собранные данные передавались органам нархозучета.

После завершения переписи «при участии актива» были проведены контрольные обходы, охватившие 2 % индивидуальных дворов. Колхозы и совхозы в рамках переписи не проверяли. По итогам обходов были определены поправки на недоучет. В Западно-Сибирском крае поправочные коэффициенты по рабочим лошадям составляли 0,6 %, по коровам – 0,5, по КРС в целом – 1,1, по овцам – 4,5, по свиньям – 8,3 %⁵.

После переписи скота 1932 г. самостоятельные обследования сельского хозяйства органы нархозучета не проводили вплоть до конца 1934 г., но активно участвовали в осуществлении статистического мониторинга, осуществляемого другими органами. При этом в совхозах преобладал внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах поголовье скота фиксировалось в рамках ежегодного июньского налогового учета.

В 1932 г. была осуществлена попытка радикального реформирования системы статистического мониторинга животноводства. 11 мая 1932 г. СНК СССР принял постановление, в соответствии с которым проводимый один раз в год учет поголовья в сельхозпредприятиях социалистического сектора, в том числе в колхозах, должен замениться на ежемесячный текущий учет. Сельскохозяйственных животных, принадлежащих единоличникам и колхозникам, надлежало учитывать 2 раза в год. Первый раз (на 1 января) учет должно было проводить ЦУНХУ через сельсоветы; второй раз (на 1 июня) «в целях государственного страхования и налого-

⁴ См.: Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. Вып. 2: Численность скота по Азиатской части РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР.

⁵ Предварительные итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. С. 5, 55.

вого обложения» – ЦУНХУ и Наркомат финансов⁶. Однако реформу реализовать не удалось. Учет скота во всех категориях хозяйств впредь проводился один-два раза в год.

В 1932 г. налоговый учет был осуществлен только по облагаемым сельхозналогом категориям хозяйств. В июне 1933 г. был проведен сплошной учет скота. Финансовые органы учитывали скот в налогооблагаемых хозяйствах (колхозах, ЛПХ колхозников, единоличных и приравненных к ним хозяйствам), органы нархозучета – в необлагаемых, в том числе в городских (совхозах, коопхозах, государственных учреждениях и организациях). В связи с недоучетом в предыдущие годы необлагаемого молодняка скота районным и сельским налоговым комиссиям поручалось обратить особое внимание на его полный и точный учет. Органам нархозучета поручалось после завершения учета организовать выборочные контрольные обходы дворов колхозников и единоличников⁷. Совершенствовалась методика учета. В 1933 г. были разработаны поправки на недоучет по отдельным категориям индивидуальных владельцев и возрастным группам скота. Недоучет молодняка был существенно бóльшим, чем взрослых животных. В Западно-Сибирском крае для колхозников были определены следующие поправочные коэффициенты: по КРС в целом – 3,6, по телятам – 6,3, по овцам и козам – 7, по ягнятам и козлятам – 8,3, по свиньям – 16,6, по пороссятам – 21,5. Для хозяйств, учитываемых как единоличные, поправки по перечисленным видам и группам составляли: 6,2 и 12,1, 17,8 и 26,7, 31,5 и 36,6⁸.

Помимо июньского учета в СССР был проведен единовременный учет поголовья скота по состоянию на 1 января 1934 г. в колхозах и индивидуальных хозяйствах сельских местностей. Осуществление учета поручалось сельсоветам. В единоличных и личных приусадебных хозяйствах сельских жителей он проводился методом опроса, в колхозах – *«путем выборки данных из соответствующих книг и документов»*⁹.

В марте 1934 г. в «Правде» появилась серия заметок, в которых фиксировался значительный недоучет скота в различных регионах страны. 29 марта вышла обобщающая редакционная статья «Учет поголовья скота предоставлен самотеку». В ней на примере ряда районов Азово-Черноморского края было продемонстрировано,

⁶ СЗ СССР. 1932. № 35. Ст. 213.

⁷ Советская Сибирь. 1933. 6 июля.

⁸ Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета скота 1934 года. М., 1934. С. 99, 100.

⁹ Советская Сибирь. 1933. 28 дек.

что показатели поголовья скота по данным летнего учета меньше, чем его реальная численность. Вина за это возлагалась на ЦУНХУ. *«Центральное управление народно-хозяйственного учета с олимпийским спокойствием выдает путаную и подчас вредительскую цифирь за точные данные о состоянии поголовья».*

Руководитель ЦУНХУ В.В. Осинский с критикой не согласился. 22 апреля в газете опубликовали его ответную статью «Об учете скота и односторонней критике его на страницах “Правды”». В ней предъявленные обвинения были названы *«неправильными и бездоказательными»* и отмечено, что учет скота проводят не органы нархозучета, а финансовые органы. Недоучет скота есть. Но ЦУНХУ вносит в региональные и общесоюзные данные поправочные коэффициенты, рассчитанные по репрезентативной методике. За «цифры» по сельским районам управление ответственности не несет.

Реакция «Правды» была оперативной. В следующем номере газеты (23 апреля) помещается пространная редакционная статья «Об учете скота и фокусах т. Осинского». Ее основное содержание сводится к следующим положениям:

1. Учет скота в стране организован неудовлетворительно.

2. Обнаруженные ЦУНХУ сведения о численности скота в 1933 г. преуменьшены.

3. Органы нархозучета не помогают сельсоветам «поставить» первичный учет. Отсутствуют порайонные данные о поголовье. *«ЦУНХУ ничего не сделано, чтобы привлечь к этому вопросу нашу общественность».*

4. Для определения поправочных коэффициентов применяется несовершенная методика.

«Правда» призвала ЦУНХУ *«пересмотреть свои методологические приемы»* и *«очистить»* низовой аппарат от *«чуждых людей»*. Органам нархозучета *«нужны не люди-арифмометры, а сознательные, умеющие политически ориентироваться работники»*. В статье был также сформулирован «совет» Осинскому: *«поменьше фокусов»*, используемых для доказательства своей правоты, *«побольше самокритики»*.

В.В. Осинский не внял «совету». 26 апреля в газете был опубликован его очередной ответ, озаглавленный «Дымовая завеса редакции “Правды” и действительность». «Правда» вновь поместила свой редакционный комментарий на следующий день (27 апреля). Оппонент обвинялся в том, что он *«замазывает и скрывает безобразия»* в учете скота, а его реакция на критику продиктована *«уязвленным самолюбием»*. Следует отметить, что автором всех вышеупомянутых редакционных статей «Правды» был

ее главный редактор Л.З. Мехлис¹⁰, более широко известный своей деятельностью в годы Великой Отечественной войны.

Точку в затянувшейся полемике поставил ЦК ВКП(б), 16 мая 1934 г. приняв постановление «О статистике животноводства и дискуссии в “Правде”»¹¹. Указав на недопустимость использованных редакцией газеты в отношении В.В. Осинского ярлыков, ЦК, тем не менее, признал, что *«существующая система учета не дает достоверных данных о наличном поголовье»*. *«Налоговый учет Наркомфина, сокращенный для целей обложения»*, не полон, особенно в отношении молодняка и скота в городских поселениях. Проведенный Наркомземом учет поголовья на 1 января 1934 г. *«был построен на основе сообщений держателей скота сельсовету... и проведен крайне неудовлетворительно»*. Осуществляемые органами нархозучета контрольные обходы охватывают лишь 1,5–2 % хозяйств, проводятся *«неудовлетворительно»* и недостаточны для определения достоверных поправок на недоучет.

ЦК ВКП(б) предложил ЦУНХУ *«обеспечить повышение качества»* июньского учета 1934 г., расширение масштабов учета за счет *«охвата им скота всех возрастов и организации контрольной проверки, а также проведения учета скота в необлагаемых Н[ар]К[оматам]Ф[инансов] хозяйствах»*. ЦУНХУ также обязывалось провести перепись скота по состоянию на 1 января 1935 г. с охватом всех категорий хозяйств. Одновременно с переписью надлежало осуществить контрольный обход 10 % хозяйств.

Директивы ЦК были выполнены. Летний учет скота 1934 г., который в связи с необходимостью корректировки программы перенесли с июня на июль, был признан успешным. По мнению В.В. Осинского, он стал *«наилучшим и наиболее точным летним учетом скота, который вообще когда-либо производился у нас»*¹². В его осуществлении активное участие принимали региональные и районные партийные и советские органы. «Общественное» (колхозно-совхозное) стадо было предварительно «проверено в натуре». Первичные бланки опроса индивидуальных хозяйств рассматривались на публичных заседаниях налоговых комиссий или на общих собраниях граждан. Во всех регионах после завершения учета органы нархозучета провели контрольные обходы, охватившие 10–12 % «необобщественного» стада, а финансовые органы – свою 10%-ю проверку. *«В очень большом числе районов при*

¹⁰ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 307.

¹¹ Правда. 1934. 17 мая.

¹² Численность скота в СССР. Окончательные итоги ... С. 3.

*обнаружении значительного недоучета и утайки производились сплошные повторные учеты»*¹³. Качество проведения учета привело к тому, что поправки на недоучет скота, принятые по его итогам, снизились. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 2,5, по овцам и козам – 4,7, по свиньям – 12,3; для единоличных дворов – 5,2, 8,2 и 13,9 соответственно¹⁴.

Июльский учет 1934 г. проводился по 7 категориям хозяйств: 1) колхозам; 2) ЛПХ колхозников; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского сельского населения; 4) совхозам; 5) коопхозам и сельхозпредприятиям ОРСов; 6) *«прочим организациям и учреждениям»*; 7) *«индивидуальным держателям скота в городах»*¹⁵.

В начале 1935 г. ЦУНХУ провело Всесоюзную перепись скота (на 1 января). Обязательным условием переписи скота в хозяйствах социалистического сектора являлось их личное посещение «обследователями». Скот, принадлежащий индивидуальным владельцам, подсчитывали не «анкетным порядком» (методом заполнения переписного бланка в сельсовете со слов владельца скота), а путем пересчета скота в каждом хозяйстве. При подворном обходе регистраторов (переписчиков) сопровождали представители сельсоветов/горсоветов. Несмотря на сплошной учет, в индивидуальном секторе были проведены контрольные обходы (в Западно-Сибирском крае 12,5 % дворов колхозников, 13 % единоличных хозяйств и 9,1 % хозяйств рабочих и служащих), осуществление которых возлагалось на более квалифицированных и «политически проверенных» регистраторов (активистов районного уровня, инспекторов нархозучета). Проверки также проводились в колхозах и совхозах.

Если в ходе проверки выявлялось массовое укрытие скота или недобросовестная работа регистраторов, проводилась повторная перепись. При этом виновные привлекались к уголовной ответственности. Поправки на недоучет стали еще меньше. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 1,8, по овцам и козам – 4,4, по свиньям – 6,3; для единоличных дворов – 2,4, 6,4 и 6,9 соответственно¹⁶.

¹³ Численность скота в СССР. Окончательные итоги ... С. 3.

¹⁴ Итоги переписи скота на 1 января 1935 года в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1935. Вып. 1. С. 12.

¹⁵ См.: Численность скота в СССР. Окончательные итоги ...

¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. М., 1935. Т. 1: Численность скота в СССР. С. 5, 12; Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. Вып. 1. С. 11.

Начиная с январской переписи 1935 г. в Сибири отдельно учитывалось поголовье скота у рабочих и служащих сельской местности (в ряде других регионов – с июньского учета 1934 г.). Ранее эта группа объединялась с единоличниками. Помимо нее, перепись проводилась еще по 13 категориям хозяйств, в том числе по совхозам, сельхозпредприятиям ОРСов, коопхозам, колхозам, ЛПХ колхозников, единоличным хозяйствам сельских местностей, индивидуальным держателям скота в городских поселениях и др.¹⁷

Перепись фактически приняла характер хозяйственно-политической кампании. В Западно-Сибирском крае непосредственное участие в ней в качестве регистраторов, «*обследователей крупных животноводческих хозяйств*», бригадиров контрольных обходов приняло участие 8,5 тыс. чел., 10 % из них были членами ВЛКСМ, 20 % – членами ВКП(б). Наибольшей величины партийно-комсомольская прослойка достигала среди бригадиров контрольных обходов (42 % коммунистов и 17 % комсомольцев). Совпадение переписи по времени со школьными каникулами позволило привлечь к ее осуществлению учителей. Их удельный вес в общем числе переписных работников составлял 25 %; 19 % были работниками районных органов, 6 % – учащимися, 5 % – агрозоотехническими работниками, 10,5 % – секретарями сельсоветов, 12 % – счетоводами колхозов¹⁸. В сельсоветах, колхозах и совхозах из представителей общественных организаций создавались бригады содействия. Они помогали переписчикам получать более проверенные данные, вели разъяснительную работу среди населения.

Схема организации статистического мониторинга поголовья скота, апробированная в 1934/35 г., была воспроизведена в течение последующих двух лет. В июне 1935 и 1936 гг. прошли учетные кампании, в начале 1936 и 1937 гг. – переписи. С 1937 г. лица, непосредственно проводившие перепись, стали официально называться счетчиками, что знаменовало собой окончательное превращение переписи-опроса в перепись-пересчет.

Совершенствование методики статистического мониторинга приводило к дальнейшему снижению размеров поправочных коэффициентов. Уже по итогам июньского 1935 г. учета скота был сделан следующий вывод: «*Минимальные размеры поправок на недоучет скота в текущем году позволяют районным организа-*

¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. Т. 1. С. 222.

¹⁸ Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. Вып. 1. С. 10.

циям пользоваться непосредственными данными учета скота по каждому конкретному сельсовету, колхозу и предприятию. В результате всей проведенной работы по учету скота летом 1935 г. получены надежные данные о его численности»¹⁹. По итогам обработки материалов переписи скота на 1 января 1936 г. поправки на недоучет скота в Западно-Сибирском крае составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 0,9, по овцам и козам – 1,8, по свиньям – 2,9; для единоличных дворов – 2,3, 3,5 и 4,4 соответственно²⁰. В материалы переписи скота на 1 января 1938 г. в Алтайском крае были внесены следующие поправки для ЛПХ колхозников: по КРС – 0,4, по овцам – 1,0, по свиньям – 1,6; для единоличных дворов – 0,4, 1,5 и 3,0 соответственно²¹.

С 1937 г. летний учет скота проводиться не стал. Ранее его организацией, как правило, занимались финансовые органы, основной целью которых был учет объектов обложения сельскохозяйственным налогом. Параллельно они также были обязаны учитывать необлагаемый скот в колхозах и индивидуальных хозяйствах. С 1933 г. сельхозналог с ЛПХ колхозников стал взиматься по твердым ставкам, которые от количества скота в хозяйстве не зависели. Рабочие и служащие, имеющие приусадебное хозяйство в размерах, не превышающих уставных норм для колхозников, от уплаты налога вообще освобождались. В 1936 г. сельхозналог с колхозов заменили подоходным налогом²². Учет поголовья скота для определения его размеров также не требовался. К лету 1937 г. объектом обложения сельхозналогом оставались лишь единоличные хозяйства, число которых значительно сократилось. Уровень коллективизации в Западной Сибири вырос с 67 % в июле 1934 г. до 94 % в июле 1937 г.²³ Проведение июньского учета скота для Наркомфина фактически стало непрофильным занятием, и он добился его отмены. Руководство страны посчитало, что получить необходимую информацию о динамике поголовья скота можно в рамках переписей.

¹⁹ Численность скота в СССР: итоги июньского учета скота 1935 года. М., 1935. С. IV.

²⁰ Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1936 г.). М., 1936. С. 800–803.

²¹ Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1938 г.). М., 1938. С. 536.

²² СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886; 1936. № 40. Ст. 340.

²³ История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 314.

В начале 1938 г. прошла очередная перепись скота. В 1939 г. ее не было. Вероятно, это было связано с занятостью работников нархозучета Всесоюзной переписью населения. В начале 1940 и 1941 гг. переписи скота были проведены. Принципиальных изменений в методике учета поголовья скота в конце 1930-х гг. не произошло. Наиболее значимой новацией являлось сокращение категорий хозяйств, которые фиксировались переписями. Так, перепись 1941 г. проводилась по 7 группам скотовладельцев: 1) государственные и кооперативные хозяйства; 2) колхозы; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличные хозяйства сельских местностей; 5) хозяйства рабочих, служащих и прочих категорий сельского населения; 6) индивидуальные владельцы в городских поселениях; 7) государственные и общественные предприятия, организации и учреждения²⁴.

РЯДЫ ДИНАМИКИ: 1930–1940 гг.

При построении рядов динамики поголовья скота в 1930-е гг. следует иметь в виду изменения времени мониторинга. С 1930 по 1936 г. включительно проводился летний учет скота, в 1932 г. – перепись по состоянию на 1 февраля, в 1934 г. – зимний учет, в 1935, 1936, 1937, 1938, 1940 гг. – переписи скота по состоянию на 1 января. Первый относительно протяженный ряд динамики поголовья за 1930–1933 гг. появился на страницах изданного в 1934 г. статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР»²⁵. В очередных одноименных статистических ежегодниках 1935 и 1936 гг. погодовой ряд пополнился новыми данными и, соответственно, продлился до 1935 г.²⁶ В изданном в 1936 г. ежегоднике «Сельское хозяйство СССР» приведены сведения о поголовье скота в стране за 1930–1934 гг.²⁷ В специализированном статистическом сборнике «Животноводство СССР. 1936 г.» опубликованы погодовые данные о численности скота за 1930–1936 гг.²⁸ В перечисленных изданиях зафиксирована разная датировка презентации численности сельскохозяйственных животных: в статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство» 1934 г. – «на весну», одноименных

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 116.

²⁵ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. М., 1934. С. 226.

²⁶ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 367; Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1936. М., 1936. С. 354.

²⁷ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 511.

²⁸ Животноводство СССР. 1936 г. М., 1937. Вып. 1: Динамика численности скота. Животноводство в совхозах, колхозах и у колхозников. С. 2.

ежегодниках 1935 и 1936 гг. – на «I/VII», в ежегоднике «Сельское хозяйство СССР» – «на июль», в статсборнике «Животноводство СССР» – «на летнюю дату (июнь-июль)». При этом в них приведены одни и те же данные.

В 1940 г. в свет вышел специализированный статистический сборник²⁹, в котором приведены два динамических ряда общей численности скота в СССР: 1) в 1930–1936 гг. «на летнюю дату (июнь-июль)»; 2) в 1932, 1934–1938 гг. «на зимнюю дату» (1932 г. – на 1 февраля, 1934–1938 гг. – на 1 января).

Информацию об итогах переписи скота в 1940 г. опубликовали лишь в 1957 г. в статсборнике «Численность скота в СССР»³⁰. В том же сборнике приводятся сведения о поголовье скота на 1 января 1939 г., которые определены не по результатам обработки переписи (в этом году она не проводилась), а расчетным методом. Данные о поголовье скота на 1 января 1941 г. в стране в целом во всех статистических изданиях приводятся в изменившихся в 1939–1940 гг. границах СССР.

Построение непрерывного и однородного ряда динамики поголовья скота в СССР в целом применительно ко всему периоду 1930-х гг. невозможно в силу несопоставимости данных летних учетов и зимних переписей. Нельзя сравнивать показатели поголовья скота на 1 января (после массового забоя) и 1 июня (после отела, окота и опороса). Поэтому в целом для страны мы имеем возможность построить два сопоставимых однородных динамических ряда: 1) В6-1 – поголовье скота в СССР в 1930–1938 гг. «на летнюю дату» (табл. 6.1); 2) В6-2 – поголовье скота в СССР в 1932–1940 гг. «на зимнюю дату» (табл. 6.2).

Данные, составляющие ряды динамики В6-1 и В6-2, в целом сопоставимы. Но при этом следует иметь в виду недостаточную степень достоверности сведений по началу 1930-х гг. С 1930 до 1934 г. методика мониторинга животноводства постоянно менялась и была неполной. При этом скот учитывался лишь у основных категорий сельхозпроизводителей.

Для Сибири ситуация осложняется неоднократным реформированием административно-территориального устройства. В начале 1930-х гг. часть Западной Сибири входила в состав Уральской области и вычленив данную территорию практически невозможно. Изменялись и восточные границы региона. Материалы переписей 1940 и 1941 гг. были окончательно обработаны после

²⁹ Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сборник. М.; Л., 1940.

³⁰ Численность скота в СССР: стат. сборник. М., 1957. С. 6.

Таблица 6.1

**Поголовье скота в СССР в 1930–1938 гг. во всех категориях хозяйств
«на летнюю дату», млн голов**

<i>Ряд динамики В6-1</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы	Свиньи
1930	30,2	52,5	26,7	108,8	13,6
1931	26,2	47,9	24,4	77,7	14,4
1932	19,6	40,7	21,0	52,1	11,6
1933	16,6	38,4	19,6	50,2	12,1
1934	15,7	42,4	19,5	51,9	17,4
1935	15,9	49,2	20,1	61,1	22,5
1936	16,6	56,7	22,1	73,7	30,5
1937	16,7	57,0	23,3	81,3	22,8
1938	17,5	63,2	25,2	102,5	30,6

Источник: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 4.

Таблица 6.2

**Поголовье скота в СССР в 1932, 1934–1940 гг. во всех категориях
хозяйств «на зимнюю дату», млн голов**

<i>Ряд динамики В6-2</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
1932	21,7	38,3	22,3	47,6	10,9
1934	15,4	33,5	19,0	36,5	11,5
1935	14,9	38,9	19,0	40,8	17,1
1936	15,5	46,0	20,0	49,9	25,9
1937	15,9	47,5	20,9	53,8	20,0
1938	16,2	50,9	22,7	66,6	25,7
1939	17,2	53,5	24,0	80,9	25,2
1940	17,7	47,8	22,8	76,7	22,5

Источники: данные за 1930–1938 гг.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 4; данные за 1939 и 1940 гг.: Численность скота в СССР. С. 6.

Примечание. В строке «1932 г.» приведены данные на 1 февраля, в остальных – на 1 января.

Таблица 6.3

**Поголовье скота в Сибири в 1930–1934 гг. во всех категориях хозяйств
«на летнюю дату», тыс. голов**

<i>Ряд динамики В6-3</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свины
<i>Западно-Сибирский край</i>					
1930	2687	3457	1978	6783	
1931	2198	3004	1666	4772	
1932	1592	2661	1438	3316	496
1933	1414	3011	1494	3587	965
1934	1430	3626	1620	4421	1556
<i>Восточно-Сибирский край</i>					
1930	1084	1889	868	3303	
1931	936	1587	700	2273	
1932	785	1305	546	1408	505
1933	643	1173	511	1213	404
1934	607	1301	541	1410	537

Источник: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. С. 517–518.

Примечания: 1. Приведены данные на июнь-июль. 2. Показатели даны в границах 1934 г.

Великой Отечественной войны, в годы которой произошли очередные изменения межрегиональных границ. В итоге для Сибири в целом можно построить 3 территориально сопоставимых ряда динамики: 1) В6-3 – Поголовье скота в Сибири в 1930–1934 гг. «на летнюю дату» (табл. 6.3); 2) В6-4 – Поголовье скота в Сибири в 1933–1936 гг. «на летнюю дату» (табл. 6.4); 3) В6-5 – Поголовье скота в Сибири в 1935–1938 и 1941 гг. на 1 января (табл. 6.5).

Источником для построения ряда динамики В6-3 является ежегодник «Сельское хозяйство СССР». В нем приведены данные об общей численности скота в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях «на июль» 1930–1934 гг. в границах 1934 г.³¹ В статеежегоднике «Социалистическое строительство СССР» 1934 г. сведения по отдельным регионам отсутствуют, в одноименном ежегоднике 1935 г. региональные данные представлены лишь за 1933 и 1934 гг.³²

³¹ Сельское хозяйство СССР. 1935. С. 517.

³² Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 368–369.

**Поголовье скота в Сибири в 1933–1936 гг. во всех категориях хозяйств
«на летнюю дату», тыс. голов**

<i>Ряд динамики В6-4</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Западная Сибирь</i>					
1933	1344	3044	1524	3043	9555
1934	1349	3656	1643	3775	1522
1935	1306	4204	1763	4541	1724
1936	1273	4757	1945	5391	1928
<i>Восточная Сибирь</i>					
1933	832	1490	671	2024	510
1934	792	1668	709	2336	691
1935	793	1898	758	2748	946
1936	796	2111	829	3027	868

Источники: данные за 1933–1935 гг.: Социалистическое строительство СССР: Ежегодник. 1935. С. 360–363; данные за 1936 г.: Животноводство в СССР. 1936 г. Вып. 2: Численность скота в июне 1936 г. С. 84–97, 250–263, 416–429.

Примечания: 1. Приведены данные на июнь-июль. 2. В Западную Сибирь включены территории Западно-Сибирского края и Омской области в границах 1935–1936 гг.; в Восточную Сибирь – за 1933–1935 гг. территория Красноярского и Восточно-Сибирского краев в границах 1935 г., за 1936 г. – Красноярского края, Восточно-Сибирской области и Бурят-Монгольской АССР в границах данного года.

Ряд динамики В6-4 сформирован на основе данных, извлеченных из статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» 1936 г. (сведения за 1933, 1934 и 1935 гг.)³³ и статсборника «Животноводство СССР. 1936 г.» (сведения за 1936 г.)³⁴. В этих изданиях, соответственно, приведены данные за 1933–1935 гг. и за 1936 г. по краям, областям и автономным республикам Сибири в границах 1936 г.

Показатели ряда динамики В6-5 за 1935–1938 гг. по краям, областям и автономным республикам Сибири в границах 1938 г. извлечены из статсборника «Животноводство СССР за 1916–1938 гг.». Отсутствие в динамическом ряду данных за 1939 г. связано с тем, что в этом году перепись скота не проводилась. Сведения о численности сельскохозяйственных животных в краях, областях

³³ Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 360–363.

³⁴ Животноводство в СССР. 1936 г. Вып. 2. С. 84–97, 250–263, 416–429.

Таблица 6.5

Поголовье скота в Сибири в 1935–1938, 1941 гг. во всех категориях хозяйств на 1 января, тыс. голов

<i>Ряд динамики В6-5</i>					
Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Западная Сибирь</i>					
1935	1273	3496	1634	3045	1242
1936	1246	4045	1776	3712	1562
1937	1232	4170	1827	3998	1159
1938	1289	4570	1951	5235	1539
1941	1460	4053	1940	6382	1122
<i>Восточная Сибирь</i>					
1935	774	1577	714	1971	665
1936	794	1825	776	2319	735
1937	797	1903	812	2435	600
1938	824	2087	881	2837	769
1941	889	2116	931	3692	713

Источники: данные за 1935–1938 гг.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 17, 19, 28, 36, 37, 50, 54; данные за 1941 г.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 419–420, 440, 460–461; Д. 1821. Л. 116, 120, 122, 124, 126, 128, 130.

Примечания: В 1935–1938 гг. в Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Омской и Новосибирской областей, в Восточную Сибирь – Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР в границах 1938 г. В 1941 г. в Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, в Восточную Сибирь – Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР в границах 1945 г.

и автономиях Сибири на 1 января 1940 г. нами не обнаружены, а на 1 января 1941 г. выявлены в фонде ЦСУ СССР РГАЭ в границах 1945 г.³⁵ и в статсборнике «Численность скота в СССР» (М., 1957) в границах середины 1950-х гг.

По Западной Сибири показатели численности сельскохозяйственных животных из двух последних источников в целом географически сопоставимы с данными из статсборников конца 1930-х гг., поскольку ее территория в довоенных границах фактически совпадает с территорией региона в послевоенных границах

³⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 419–420, 440, 460–461; Д. 1821. Л. 116, 120, 122, 124, 126, 128, 130.

(без учета Курганской области) (подробнее об этом см. гл. 2). По Восточной Сибири данные из указанных источников не сопоставимы. В 1948 г. из Читинской области в состав Амурской области перешли 6 районов³⁶. На их территории в конце 1940 г. содержалось 6,6 % КРС, 7,8 % коров, 10,2 % свиней, 5,4 % лошадей от их общего поголовья в Читинской области³⁷. В связи с вышеизложенным мы дополняем ряд динамики В6-5 данными о численности скота на 1 января 1941 г., извлеченными из РГАЭ.

Несмотря на прерывистость рядов динамики, имеющиеся статистические материалы позволяют определить основные этапы развития животноводства в Сибири в 1930-е гг. Следствием форсированной коллективизации стал глубокий кризис отрасли, который выразился в значительном сокращении поголовья продуктивного и рабочего скота. По нашим подсчетам, на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев (в границах 1933 г.) численность КРС у основных категорий скотовладельцев к лету 1932 г. снизилась по сравнению с июнем 1929 г. не менее чем в 2 раза, коров – в 1,5, овец и коз – в 3, свиней – более чем в 3 раза. С 1933 г. поголовье скота стало увеличиваться. За 1935–1937 гг. поголовье КРС в Сибири во всех категориях хозяйств (в территориальных рамках 1938 г.) выросла на 31 %, коров – на 21, овец и коз – на 61, свиней на – на 21 % (табл. 6.5). В 1935–1938 гг. более высокими темпами увеличивалось поголовье скота в личном секторе аграрной экономики, который занял ведущие позиции в животноводстве³⁸. В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров личных приусадебных хозяйств, следствием которой стало снижение их производственного потенциала. «Общественное» животноводство в полной мере компенсировать данные потери не смогло. В итоге в 1938–1940 гг. поголовье КРС во всех категориях хозяйств Сибири (в послевоенных границах) уменьшилось на 8 %, свиней – на 21 %; количество коров осталось фактически неизменным, а овец увеличилось на 25 % (табл. 6.5).

В СССР динамика развития животноводства была в целом аналогичной. В начале 1930-х гг. произошло падение поголовья. Восстановление отрасли началось в 1934 г. В конце десятилетия численность продуктивного скота сократилась (см. табл. 6.1, 6.2).

³⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 32.

³⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 420, 440, 461; Д. 1821. Л. 128, 130; Численность скота в СССР. 1957. С. 11, 18, 26, 49.

³⁸ См.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. ... Новосибирск, 2011. С. 530–531, 559–560.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга животноводства. Систему статистического учета поголовья скота, которая могла достаточно объективно отразить его динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Основным способом определения количественных параметров животноводства стали сплошные переписи скота, проводимые методом похозяйственного пересчета. Советская статистика животноводства второй половины 1930-х гг. в части определения численности сельскохозяйственных животных, по нашему мнению, была достоверной и репрезентативной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Базовым источником для изучения параметров и структуры сельского хозяйства служат статистические материалы, которые являются результатом обработки массовых источников, полученных посредством статистического мониторинга аграрного сектора экономики. К числу интегральных показателей развития сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг. относились площадь посева, урожайность зерновых культур и численность скота. Параметры посевных площадей и поголовья скота дают возможность репрезентативно определить не только динамику сельскохозяйственного производства, но и его организационно-производственную структуру. Урожайность зерновых культур позволяет оценить качественную сторону развития зернового хозяйства – базовой отрасли аграрной экономики.

В 1920-е гг. абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельского хозяйства в Сибири и в стране в целом являлись крестьянские хозяйства. В связи с этим главные усилия государственных статистических органов были направлены на получение данных об их развитии. Регулярный учет базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, в том числе посевных площадей и поголовья скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. В 1920-е гг. они проводились ежегодно. Перепись 1920 г. должна была иметь сплошной характер. Однако этого добиться не удалось. В итоге удалось собрать и обработать сведения по четверти крестьянских хозяйств Сибири. Выборка переписей 1921 и 1922 гг. составляла 3 %; 1923, 1924 и 1925 гг. – 5; 1926, 1927, 1928 и 1929 гг. – 10 % хозяйств. Основным методом переписей являлся личный опрос дворохозяев.

Организация и проведение переписей возлагались на соответствующие подразделения ЦСУ и его территориальные управления и отделы, руководители и специалисты которых имели до-

революционный опыт работы и использовали наработки земской статистики.

Статистика урожайности в СССР в 1920-е гг. также опиралась на методики, применяемые в Российской империи. Ее мониторинг сводился к последовательному сбору информации о видовой и биологической урожайности, результатах первых намолотов от добровольных корреспондентов и завершался в рамках выборочных осенних опросов крестьянских хозяйств, выборка которых составляла 2–3 % крестьянских хозяйств. Среднюю урожайность на подведомственной территории определяли районные, окружные и краевые экспертные комиссии. Исчисление итоговой урожайности в целом по стране, а на ее основе и валового сбора (амбарного урожая) возлагалось на ЦСУ, а с 1926 г. – на Экспертный совет при ЦСУ.

Каждая стадия определения урожайности имела практическое значение. На основе видовой урожайности определялась специфика предстоящей хлебозаготовительной кампании и необходимость принятия государством соответствующих экономических мер. На основе урожайности на корню (биологической) принимались планы хлебозаготовок. Результаты намолотов могли приводить к их корректировке. Окончательное определение урожайности в амбарном весе подводило итоги всего сельскохозяйственного года и служило доводом для корректировки аграрной политики в целом. В связи с этим вопрос о методах исчисления валового сбора и его размерах вызывал острые теоретические и политические дискуссии.

Как минимум со времени установления Советской власти крестьяне, в том числе и добровольные корреспонденты, стали утаивать от статистического учета часть посевных площадей, валовых сборов и поголовья скота, поскольку считали, что его результатами могут воспользоваться фискальные органы для повышения уровня налогово-податного обложения. Статистические органы, чтобы выяснить масштабы недоучета, проводили контрольные мероприятия, использовали материалы бюджетных и иных обследований, применяли балансовый метод. Совершенствование методики определения величины недоучета приводило к периодической коррекции официально принятых статистических показателей.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государственной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР и территориальные статорганы упразднили. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых обра-

зовывались экономико-статистические секторы. Реформа государственной статистической организации определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на базе которой в условиях нэпа функционировала статистика в СССР, была признана «вредительской». Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, делала ненужным внешний статистический мониторинг, полностью заменяемый ведомственным учетом.

Основным источником сведений о количественных параметрах развития аграрного производства должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов, которые, соответственно, аккумулировались и обрабатывались в земельных органах и совхозных объединениях. Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках налогового учета. В связи с этим прекратилось проведение сельскохозяйственных переписей и опросов.

В системе урожайной статистики параллельно с ведомственным осуществлялся территориальный учет. Заменявшие добровольных корреспондентов статистические уполномоченные сельсоветов должны были сообщать в районные комиссии сведения о видовой и биологической урожайности, результатах первых и массовых намолотов. Районные, а затем краевые комиссии обязывались обобщать поступившие к ним сведения, проверять их и вносить в первичные материалы поправки на недоучет.

Форсированная коллективизация привела к кризису сельского хозяйства, а проведенное в этих условиях реформирование государственной статистической организации – к кризису сельхозстатистики. Ведомственный учет в колхозах в начале 1930-х гг. наладить не удалось. Финансовые органы, на которые возложили учет не только единоличных хозяйств, но также ЛПХ и колхозов, не были готовы к расширению своих функций. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Этому способствовал спровоцированный коллективизацией хаос в землепользовании. Нередкими были и приписки. Некоторые категории сельхозпроизводителей отдельно не учитывались и при презентации статистического материала объединялись в более крупные группы.

Низкая степень достоверности была характерна для урожайной статистики. Поправки на всех уровнях имели субъективный характер. Их величина зависела от выбора поведенческих стратегий руководителей районов и регионов. Ведомственная статистика отличалась от территориальной. Размеры официально утвержденных

ного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. При этом базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Более низкие результаты намолотов могли служить поводом для ходатайств о снижении планов хлебозаготовок. Однако подобные просьбы, как правило, негативно воспринимались в вышестоящих инстанциях и могли стоить просителю карьеры.

Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственной статистической организации. В декабре 1931 г. было образовано Центральное управление народно-хозяйственного учета СССР при Госплане СССР, которому подчинялись региональные управления, а также районные инспектуры. Для преодоления ведомственности и местничества в урожайной статистике в 1933 г. учредили Центральную государственную комиссию по определению урожайности и межрайонные госкомиссии в регионах.

Несмотря на создание ЦУНХУ, до начала 1934 г. в СССР при определении посевных площадей и поголовья скота преобладал ведомственный статистический мониторинг. В совхозах был налажен внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах динамика посевных площадей фиксировалась в рамках мониторинга, проводимого земельными органами, а поголовья скота – налогового учета. Органы ЦУНХУ занимались общим методическим руководством деятельности учетно-статистических органов ведомств.

В начале 1934 г. советское руководство признало качество сельхозстатистики неудовлетворительным, обязав ЦУНХУ принять непосредственное участие в организации ведомственного учета, а также на регулярной основе проводить самостоятельные обследования аграрного сектора экономики.

С 1935 г. на органы нархозучета возложили осуществление заключительного учета посевов во всех категориях хозяйств. В начале 1935, 1936, 1937, 1938, 1940 и 1941 гг. ЦУНХУ провело всесоюзные сплошные переписи скота. Учет посевов и переписи скота приобрели характер хозяйственно-политических кампаний. После их завершения осуществлялись представительные выборочные контрольные обходы хозяйств и обмеры. Основным методом учета в колхозах и госхозах стала регистрация. Опрос как метод статистического обследования сохранился лишь в несоциалистическом секторе (единоличные и личные приусадебные хозяйства).

Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики посевных площадей и поголовья скота, по нашему мнению, была в целом достоверной и репрезентативной. Утайка субъектами учета части своего хозяйства от органов госстатистики, а также приписки в полной мере искоренить не удалось, но их масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных. Величины поправок на недоучет постоянно снижались. Был налажен учет ранее не фиксируемых статистикой категорий хозяйств.

В области урожайной статистики ситуация была иной. В середине 1930-х гг. базовым основанием планов хлебозаготовок оставался урожай на корню, размеры которого первоначально определялись на уровне совхозов, колхозов и сельсоветов, а затем передавались в МТС, земельные органы, совхозные объединения, МГК и ЦГК для последующей обработки. При этом недоверие к информации с мест сохранялось, и она на всех стадиях определения урожайности априори считалась заниженной и, как правило, последовательно увеличивалась. Таким образом, главной задачей ЦГК и МГК стало не точное определение урожайности, а борьба с ее занижением, которая фактически оборачивалась завышением.

С целью более репрезентативного исчисления окончательных показателей урожайности ЦГК последовательно разрабатывала и применяла методы, с помощью которых исчислялся «оптимальный урожай» (урожайность за вычетом неизбежных потерь), «оптимально-хозяйственный» (за вычетом технически неизбежных потерь), «фактический урожай» (с учетом потерь, используемых в хозяйстве). Для определения величин урожайности и поправок на недоучет в рамках перечисленных методов основополагающее значение имели результаты массовых намолотов. Размеры потерь выявлялись в ходе выборочных проверок хозяйств. При этом в выборку должны были попадать передовые колхозы. Несмотря на новации, детальную регламентацию работ, использование технических средств и более жесткий контроль, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер. В 1937 г. ЦГК и МГК ликвидировали. Одним из оснований этого акта стало обвинение руководства ЦГК в применении методик, занижающих фактический урожай. Функции по исчислению урожайности возложили на органы народно-хозяйственного учета.

В 1939 г. в очередной раз пересмотрели порядок расчета урожая. При определении средней урожайности в нее включались все потери, в том числе не используемые в хозяйстве. Урожай, исчисленный новым методом, назывался «действительным фактическим». Он был близок к биологическому, но базовые статистические материалы для его измерения по-прежнему давали результаты массовых обмолов, к которым прибавлялись все выявленные выборочным методом потери.

Одним из показателей завершения очередного этапа развития советской статистики стало преобразование в марте 1941 г. ЦУНХУ в Центральное статистическое управление Госплана СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ (конец 1950-х – 2020-е гг.)

- Аграрная политика и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. 608 с.
- Алтай в восстановительный период: сб. документов. Барнаул, 1960. 462 с.
- Башкин А.В.* Урожаи тридцатых или украденные достижения. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/21358> (дата обращения: 24.01.2022).
- Белая З.И.* Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982. 278 с.
- Боженко Л.И.* Сибирская деревня в восстановительный период 1921–1925 гг.: (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. 203 с.
- Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. 309 с.
- Выщан М.А.* Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 474–481.
- Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.: сб. документов. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. 907 с.
- Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.: сб. документов. М., 2013. Т. 3: Лето 1933–1934. 560 с.
- Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–1 вересня 1993 р.: матеріали. Київ, 1995. 1981 с.
- Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.
- Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. 452 с.

- Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 318 с.
- Данилов В.П., Ивницкий Н.А.* О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 9–50.
- Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. 543 с.
- Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 464–473.
- Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
- Земельные органы Сибири в 1920-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2015. 607 с.
- Зуев А.С., Ильиных В.А., Ноздрин Г.А., Матханова Н.П.* Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 45–74.
- Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте: (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. 224 с.
- Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.
- Ильиных В.А.* Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 175–208.
- Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1920-е гг.: динамика и тенденции развития // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 46–58.
- Ильиных В.А.* Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32.
- Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. 342 с.
- Ильиных В.А.* Итоги весенней посевной кампании 1930 г.: цена форсированной коллективизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 50–54.
- Ильиных В.А.* Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 261–272.
- Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX веке: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. трудов. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 217–232.

- Ильиных В.А.* Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг. // ЭКО. 2020. № 11. С. 174–192.
- Ильиных В.А.* Статистический мониторинг посевных площадей в Сибири в 1930-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 186–197.
- Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. 507 с.
- Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. 170 с.
- История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. 456 с.
- История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. 448 с.
- Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. 519 с.
- Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. 350 с.
- Кочетков И.В.* Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 80–104.
- Кочетков И.В.* К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1. С. 131–141.
- Лапердин В.Б.* Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 253–255.
- Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 255–272.
- Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. 232 с.
- Нефедов С.А.* К проблеме достоверности статистических данных ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР // Историко-экономические исследования. 2008. № 1. С. 131–144.
- Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. 284 с.
- Нефедов С.А.* О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 148–163.
- Нефедов С.А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. 432 с.
- Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. 512 с.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. 519 с.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1923–1938 гг. М., 2007. Т. 1: 1923–1926 гг. 958 с.

- Таугер М.Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 298–332.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. 1008 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2002. Т. 4: Конец 1934–1936. 1056 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. 648 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. 704 с.
- Тропов И.А.* ЦСУ и тайны советской сельскохозяйственной статистики первой половины 1920-х гг. // Ленингр. юрид. журн. 2012. № 4. С. 257–263.
- Уиткрофт С.* О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 842–865.
- Ханин Г.И.* Сочинения: в 2 т. М., 2020. Т. 1. 430 с.
- Чемерисский И.А.* Сельскохозяйственное производство СССР в 1920–1925 гг. по статистическим источникам // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 453–463.
- Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986. 411 p.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (1920–1930-е гг.)

- Бар Г.* Скотоводство в Сибирском крае // Статистика Сибири: сборник статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 56–70.
- Бар Г.* Урожай главных зерновых культур в Западно-Сибирском крае с 1923 по 1930 г. // Статистика Сибири: сборник статей и материалов. Новосибирск, 1931. Вып. 5. С. 42–64.
- Гензель С.Г.* Движение урожая с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 год // Статистический бюллетень (Сибкрайстатуправление). 1927. № 9/10. С. 64–91.
- Гензель С.Г.* Контрольные нажины и обмолоты хлебов в Сибирском крае в 1928 г. // Статистический бюллетень (Сибкрайстатуправление). 1929. № 15/16. С. 93–97.
- Дубенецкий Н.* Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. С. 20–31.
- Кауфман А.А.* Теория и методы статистики. М.; Л., 1928. 648 с.

- Левитин И.* Методика определения урожайности // План. 1934. № 4. С. 19–21.
- Левитин И.* Об учете видов на урожай и роли этого учета в определении урожайности // План. 1934. № 5. С. 25–28.
- Немчинов В.С.* Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. Вып. I. М.; Л., 1933. 132 с.
- Нифонтов В.* Мясной баланс СССР в 1925/26 – 1926/27 годах // Статистическое обозрение. 1928. № 9. С. 10–29.
- Обухов В.М.* Поправки к посевным площадям 1925 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 8–17.
- Осинский Н.* Положение и задачи народно-хозяйственного учета. М.; Л., 1932. 24 с.
- Организационный план заключительного учета посевных площадей и сортовых посевов в 1940 г. М., 1940. 40 с.
- Пушкарев В.М.* Поправки к количеству скота, выявленному при весеннем опросе 1923 года // Бюл. Алт. губ. стат. бюро. 1925. № 22. С. 3–7.
- Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4/5. С. 58–65.
- Хрящева А.И.* О работах отдела сельскохозяйственных переписей // Вестн. статистики. 1920. № 1–4. С. 180–183.
- Юрцевский М.* Предварительные итоги контрольных нажинов и обмолов в 1929 г. // Статистическое обозрение. 1930. № 3/4. С. 96–103.
- Юрцевский М.* Результаты производства контрольных нажинов и обмолов в 1928 году. (Предварительные итоги) // Статистическое обозрение. 1929. № 5. С. 117–120.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934.
- Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник. Новосибирск, 1966. С. 168.
- Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года. Репринтное воспроизведение издания 1926 г. М., 1993. 654 с.
- Весенний опрос отдельных крестьянских хозяйств весной 1923 года (Поездные итоги). Новониколаевск, 1923. 11 с.
- Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. 360 с.
- Динамика колхозов за 1930–32 гг. По материалам годовых отчетов. [М.,] 1934.
- Животноводство в СССР. 1936 г. М., 1937. Вып. 1: Динамика численности скота. Животноводство в совхозах, колхозах и у колхозников. 413 с.

- Животноводство в СССР. 1936 г. М., 1936. Вып. 2: Численность скота в июне 1936 г. 596 с.
- Животноводство СССР в цифрах. М.; Л., 1932. 352 с.
- Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. М., 1930. 261 с.
- Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сборник. М.; Л., 1940. 220 с.
- Запсибкрай в новых границах в цифрах. Краткий стат. справочник. Новосибирск, 1935. 185 с.
- Итоги весеннего опроса отдельных хозяйств по Екатеринбургской губернии в 1921 году. Екатеринбург, 1921. 17 с.
- Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. М., 1935. Т. 1: Численность скота в СССР. 708 с.
- Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М., 1927. 514 с.
- Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. 190 с.
- Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. 165 с.
- Итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 года по Сибирскому краю. Новосибирск, 1926. 184 с.
- Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. Вып. 2: Численность скота по Азиатской части РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР. 65 с.
- Итоги переписи скота на 1 января 1935 года в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1935. Вып. 1. 94 с.
- Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. 128 с.
- Коллективизация советской деревни. Предварительные итоги сплошных обследований 1928 и 1929 гг. М., 1929. 123 с.
- Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931. 274 с.
- Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике Сибирского края. 1921–1928 гг. Новосибирск, 1930. Вып. 1: Полеводство и луговодство. 129 с.
- Народное хозяйство Запсибкрая: стат. ежегодник. Новосибирск, 1936. 424 с.
- Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926–1927 г. Новосибирск, 1926. 146 с.
- Народное хозяйство СССР: статистический справочник. 1932. М.; Л., 1932. 669 с.
- Народное хозяйство СССР в 1958 году: стат. ежегодник. М., 1959. 960 с.
- Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: стат. ежегодник. М., 1960. 222 с.
- Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник. М., 1962. 624 с.
- Народное хозяйство СССР в 1963 году: стат. ежегодник. М., 1965. 760 с.

- Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. 765 с.
- Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. М., 1926. 52 с.
- Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. Итоги с[ельско]-х[оз]яйственной] переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-х обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М., 1930. 171 с.
- Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. 160 с.
- Посевные площади в СССР. Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 1. 116 с.
- Посевные площади в СССР (По административным районам). Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 2. 403 с.
- Посевные площади и сортовые посевы СССР в 1939 году (Предварительные итоги). М.; Л., 1939. 136 с.
- Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. 160 с.
- Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. М.; Л., 1939. 332 с.
- Посевные площади СССР в 1938 г.: стат. справочник. М.; Л., 1938. 334 с.
- Предварительные итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. 56 с.
- Родинский район Славгородского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927. 54 с.
- Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1921. Вып. 1. 106 с.
- Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. 476 с.
- Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. 481 с.
- Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы к перспективному плану. 535 с.
- Сельское хозяйство Союза ССР: стат. справочник. 1939. М., 1939. 310 с.
- Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1960. 666 с.
- Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1971. 710 с.
- Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. 1465 с.
- Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг.: Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. 498 с.
- Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. 804 с.
- Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сборник. М., 1939. 206 с.
- Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. М., 1934. 624 с.
- Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. 316 с.

- Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1936. М., 1936. 719 с.
- Статистические материалы о колхозах Сибкрая. Новосибирск, 1930. 196 с.
- Статистический ежегодник. 1921 г. с присоединением некоторых сведений за 1922 г. М., 1922. Вып. 2. 425 с.
- Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. М., 1924. Вып. 1. 355 с.
- Статистический ежегодник. 1924 г. М., 1926. Вып. 1. 337 с.
- Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. 958 с.
- Численность скота в СССР: стат. сборник. М., 1957. 619 с.
- Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1936 г.). М., 1936. 816 с.
- Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1938 г.). М., 1938. 545 с.
- Численность скота в СССР: итоги июньского учета скота 1935 года. М., 1935. 120 с.
- Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета скота 1934 года. М., 1934. 100 с.
- Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. 428 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ЗО	– земельный отдел
ЗУ	– земельное управление
КРС	– крупный рогатый скот
ЛПХ	– личное приусадебное хозяйство
МГК	– межрайонная государственная комиссия по определению урожайности
МТС	– машинно-тракторная станция
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОРС	– отдел рабочего снабжения
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РКИ	– рабоче-крестьянская инспекция
РЭК	– районная экспертная комиссия
СЗ СССР	– собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР
СНК	– Совет народных комиссаров
СТО	– Совет труда и обороны
СУ РСФСР	– собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК	– Центральный комитет
ЦГК	– Центральная государственная комиссия по определению урожайности
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ЦУНХУ	– Центральное управление народно-хозяйственного учета

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Часть I

СТАТИСТИКА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Глава 1. СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В 1920-е гг.	21
Организация мониторинга. Сельскохозяйственные переписи	–
Поправки на недоучет посевов	30
Ряды динамики: 1920–1929 гг. Итоги весенней посевной кампании 1930 г.	44
Глава 2. СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В 1930-е гг.	58
Организация мониторинга	–
Ряды динамики: 1930–1940 гг.	72

Часть II

СТАТИСТИКА УРОЖАЙНОСТИ И ВАЛОВЫХ СБОРОВ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

Глава 3. УЧЕТ УРОЖАЙНОСТИ В 1920-е гг.	77
Организация учета. Хлебофуражные балансы	–
Ряды динамики: 1920–1929 гг.	90
Глава 4. СТРУКТУРЫ И МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ УРОЖАЯ В 1930-е гг.	98
Территориальные комиссии. Оценка урожайности в 1931–1933 гг.	–
Государственные комиссии в 1933 г. Определение «оптимального» урожая	110
Государственные комиссии в 1934–1935 гг. Определение урожайности с учетом потерь	123
Секторы определения урожайности управлений нархозучета. Переход к биологическому методу	133
Ряды динамики: 1930–1940 гг.	141

Часть III

СТАТИСТИКА ЖИВОТНОВОДСТВА

Глава 5. СТАТИСТИКА ПОГОЛОВЬЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В 1920-е гг.	151
Организация и презентация учета скота	–
Ряды динамики: 1920–1930 гг. Последствия форсированной коллективизации	159
Глава 6. СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА В 1930-е гг.	168
Организация мониторинга	–
Ряды динамики: 1930–1940 гг.	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	191
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	199

Научное издание

Тематический план выпуска изданий
Сибирского отделения РАН на 2022 г.

Ильиных Владимир Андреевич

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
СТАТИСТИКА В СИБИРИ
(1920–1930-е гг.)**

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН

Редактор *Ф.Х. Сагалаева*
Дизайн обложки *В.Ю. Антонов*
Оригинал-макет *Т.Р. Пантюхина*

Подписано в печать 00.00.2022. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 12,63. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 300 экз. Заказ № 204.

Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп., 2
Тел. 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru